

«Я не поэт...»

История семантики поэтического высказывания

© Н. Л. ВАСИЛЬЕВ,
доктор филологических наук

© Д. Н. ЖАТКИН,
доктор филологических наук

В статье рассмотрена история бытования устойчивой формулы «Я не поэт...», ставшей в пушкинскую эпоху важной деталью полемики об общественной значимости поэзии и во многом предвосхитившей появление декларации Н.А. Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Ключевые слова: К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, К.Ф. Рылеев, А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов, А.И. Полежаев, Н.А. Некрасов.

DOI: 10.31857/S013161170003000-9

This article analyzes the history of the origin of the expression «I am no poet...» that at the times of Pushkin grew into the crucial issue in the discussion upon social importance of poetry and that vastly anticipated the emergence of the N.A. Nekrasov's declaration «You can be not a poet, but you should be the citizen».

Keywords: K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemsky, K.F. Ryleev, A.S. Pushkin, D.V. Davydov, A.I. Polezhaev, N.A. Nekrasov.

Хорошо известны замечательные, чеканные, полные гражданского пафоса слова К.Ф. Рылеева – из его посвящения к поэме «Войнаровский» (1824), адресованного А.А. Бестужеву:

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:

Зато найдешь живые чувства, —
Я не Поэт, а Гражданин [1].

Однако их предыстория и дальнейшая литературная судьба нуждаются в комментарии, выявляющем любопытные нюансы восприятия этих хрестоматийных строк и значимые для современников подтексты.

В 1866 году, разбирая свои старые записи, П.А. Вяземский обнаружил и опубликовал текст полузабытого им стихотворения:

Что пользы, говорит расчетливый Свиньин,
Нам кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры древней, иль Афин?
Нет, лучше в Гру́зино пойду путем доходным:
Там кланяясь, могу я выкланяться в чин.
Оставим славы дым поэтам сумасбродным:
Я не поэт, а дворянин.

Комментируя концовку этой эпиграммы, высмеивающей подобострастие перед А.А. Аракчеевым и «меркантильный дух» прежней словесности, Вяземский сообщал читателям: «Последний стих — пародия стиха Рыльева: *Я не поэт, а гражданин*. Пушкин очень смеялся над этим стихом. Несмотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то, прежде всего, должен быть поэтом: если же хочет просто *гражданствовать*, то пиши прозой» [2].

Действительно, 10 августа 1825 г., обращаясь к Вяземскому, А.С. Пушкин шуточно вопрошал: «...да нет ли стихов покойного поэта Вяземского, хоть эпиграмм? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: *Что нужды? говорит расчетливый etc.* <...> Не напечатать ли, сказав: *Нет, я в прихожую пойду путем доходным*, если цензура не пропустит осьмого стиха, так и без него обойдемся: главная прелесть: *Я не поэт, а дворянин!* и еще прелестнее после посвящения “Войнаровского”, на которое мой Дельвиг уморительно сердится» [3. Т. 13. С. 204]. Подчеркивая неприемлемость для классика «декларации приоритета общественной идеи перед поэтической формой», В.Э. Вацура [4] приводит в пример и саркастическое суждение Пушкина в письме к брату Льву от 14 марта 1825 г.: «Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза?» [3. Т. 13. С. 152].

Вернемся, однако, к стихотворению Вяземского. Его эпиграмма, оказывается, была написана задолго до выхода в свет поэмы «Войнаровский» — осенью 1818 г.; и, следовательно, изначально не могла быть связана с текстом Рыльева. Адресатом эпиграммы являлся второстепенный литератор, журналист, издатель П.П. Свиньин, опубликовавший в «Сыне отечества» в 1818 г. статью «Поездка в Грузино» (имение А.А. Аракчеева в Новгородской губернии. — *Н. В., Д. Ж.*) с лирическим посвящением: «Я весь объехал белый свет: / Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою, — / Дивился многому умом, / Но только в Гру́зине одном / Был счастлив сердцем

и душою, / И сожалел, что – *не поэт*» [5]. Вследствие этого закономерно суждение С.А. Рейсера, отмечавшего, что не Вяземский пародировал Рылеева в своей старой эпиграмме, а наоборот – Рылеев как бы перепевал Вяземского [6].

Несмотря на то, что стихотворение Вяземского не было опубликовано в 1810–1820-х гг. ни под именем автора, ни анонимно, оно распространялось изустно и в списках и даже оценивалось самим Пушкиным как «лучшая эпиграмма» друга, уязвившего расчетливого поэта-дворянина. «Я поэт, у коего не вырвется никогда: “Я не поэт”», – утверждал, используя автоцитату, тот же Вяземский в письме к общему с Пушкиным приятелю А.И. Тургеневу 18 декабря 1820 г. [7].

Заметим, что, по крайней мере, один из современников Вяземского, поэт-декабрист А.И. Одоевский, все же решился на литературный акт отрицания себя как *поэта*, – но по особым художественным соображениям, далеким от политики: «За мотыльком бежит дитя вослед, / А я душой парю за призраком волшебным, / Но вдруг существенность жезлом враждебным / Разрушила мечты – и я уж не поэт! / *Я не поэт!* (курсив здесь и далее наш. – Н. В., Д. Ж.) – и тщетные желанья / Дух юный отягчили мой!» («Иль, сбросив бремя светских уз...», 1821) [8]. Данное стихотворение – фрагмент письма поэта к его двоюродному брату В.Ф. Одоевскому от 15 октября 1821 г. [9] и едва ли не первый поэтический опыт автора, что важно для понимания лирической рефлексии А.И. Одоевского. Были и позднейшие прецеденты подобного рода, как полупародийные, так и вполне искренние, например: «*Я не поэт* – и, не связанный узами / С музами, / Не обольщаюсь ни лживой, ни правою / Славою. / Родине предан любовью безвестною, / Честною, / Не воспевая с певцами присяжными, / Важными / Злое и доброе, с равными шансами, / Стансами, / Я положил свое чувство сыновнее / Всё в нее. <...>» (В.С. Курочкин. «Я не поэт – и, не связанный узами...», 1859) [10]; «*Я – не поэт*, но с любовью глубокой / Музе-шалунье, как эхо, служу, / И в деревеньке, и в роще широкой, – / Всюду в природе ее нахожу» (Л.Н. Трефолов. Пляска весны, 1892) [11]; «Увы, того, что было, нет; / Бескрылая, без сил, душа любовь забыла, / Со мною милой нет. *Я – не поэт*. / Восторги гордые молитв и словословий / Игрою грустных грез теперь заменены, / И жребий горести мне выпадает вновь, / Даруя вновь и скорбь, и злые сны» (Ю.А. Сидоров. Муза, 1906–1909) [12].

Еще до Вяземского антитезный зачин «Я не поэт...» использовал К.Н. Батюшков в стихотворении «Меня преследует судьба...», приведенном в его письме к В.Л. Пушкину в марте 1817 г., но ставшем широко известным лишь после публикации в «Московском телеграфе» (1827. № 3):

Меня преследует судьба,
Как будто я талант имею!
Она, известно вам, слепа;

Но я в глаза ей молвить смею:
«Оставь меня, я не поэт,
Я не ученый, не профессор;
Меня в календаре в числе счастливых нет,
Я... отставной ассессор!» [13].

Комментарий автора к тексту стихотворения помогает понять душевное состояние поэта, представлявшего себе, что его творчество не будет интересно потомкам, что оно столь же брэнно, как и он сам: «...ваши внуки не тыщут моего имени в лексиконе славы. Много писал, и теперь, рассматривая старые бумаги, вижу, что написал мало путного. Что в рифмах, если в них мало счастливых, и что в счастливых стихах без счастья! Посудите сами! Живу один в снегах, и долго ль проживу — не знаю» [14].

В противопоставлении поэта-творца отставному ассессору, то есть «прозаичному» чиновнику VIII класса, можно увидеть отдаленную аллюзию на поэзию Я.Б. Княжнина: «Не занимаясь вовек о рангах спором, / Рафаэль (Рафаэль Санти. — *Н. В., Д. Ж.*) не бывал коллежским ассессором» («Послание к российским питомцам свободных художеств», 1782) [15]. Эти строки Княжнина оказались созвучны и суждениям Вяземского, который, размышляя о том, что благосклонность власть имущих и благоволение Аполлона редко бывают солидарными союзниками поэта, процитировал стихи предшественника в очерке «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» (1817): «...когда можно говорить о качествах души, о домашних добродетелях человека, известного нам по одной его славе, то, умалчивая о чинах его, припомню с Княжнинным, что *Рафаэль не бывал коллежским ассессором*, лучше определим его права не на адрес-календарь, но на любовь граждан, уже платящих дань уважения умственным его способностям» [16].

Последующие употребления формулы «Я не поэт...» в поэзии второй половины 1820-х гг. были, вероятно, свидетельством ее растущей популярности, основанной на ироничной, а иногда эстетически неожиданной игре с «чужим словом». Так, Д.В. Давыдов восклицал: «Я не поэт, я — партизан, казак. / Я иногда бывал на Пинде (место обитания Аполлона и муз в древнегреческой мифологии. — *Н. В., Д. Ж.*), но наскоком / И беззаботно, кое-как / Раскидывал перед Кастальским током / Мой независимый бивак» (Ответ, 1826) [17]. Не успевший в полной мере раскрыться в творческом плане А.П. Крюков (1803—1833) оправдывал своего лирического героя: «Таланта скромный обожатель, / Я не поэт, а подражатель; / Мой не блистателен венок; / Но подражанье — не порок!» (Подражатель, 1828) [18]. Интересно, что лицеист, поэт-декабрист В.К. Кюхельбекер, следивший за литературными новинками в тюремном заточении, отметил 22 декабря 1833 г. в дневнике: «Крюков, без сомнения, подражатель Пушкину, но подражатель не бесталанный» [19].

А.И. Полежаев использовал данное литературное клише как ироническое обоснование не официозного или романтического, а реалистического, «прозаического» отражения кавказских реалий и событий [20]:

...А я, имейте на примете,
 Перо туплю не на заказ,
 Без подлой лести и прикрас.
 Не знаю, строгая цензура
 Меня осудит или нет;
 Но всё равно – я не поэт,
 А лишь его карикатура.
 («Эрпели», 1830) [21]

– что, в общем-то, соответствовало и духу пушкинской поэзии второй половины 1820-х гг., ср., например: «Иные нужны мне картины: / <...> / Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака / Перед порогом кабака. / Мой идеал теперь – хозяйка, / Мои желания – покой, / *Да щей горшок, да сам большой.* // Порой дождливою наемни / Я, завернув на скотный двор... / Тыфу! прозаические бредни, / Фламандской школы пестрый сор! / Таков ли был я, расцветая? / Скажи, Фонтан Бахчисарая!» (Евгений Онегин, Отрывки из Путешествия Онегина) [3. Т. 6. С. 200–201].

Новый импульс внимания к рылеевской формуле «Я не Поэт, а Гражданин!» ощущается с середины 1850-х годов и объясняется либерализацией общественной и литературной жизни после смерти Николая I. Данная строка, легко узнаваемая читателями, была взята, например, в качестве анонимного эпиграфа к «Отрывку из неоконченного собрания сатир» (1855) А.А. Григорьева, вслед за предшественниками провозгласившего необходимость высмеивания общественных пороков, но уже в иных исторических условиях:

Сатиры смелый бич, заброшенный давно,
 Валявшийся в пыли, я снова поднимаю:
 Поэт я или нет – мне, право, все равно,
 Но язвы наших дней я сердцем понимаю [22].

К этому времени относится и самый известный отклик на памятную строку Рылеева – ораторский призыв Н.А. Некрасова в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856), заглавие которого непосредственно указывает на ближайшего предшественника автора по линии *гражданской* поэзии:

Будь гражданин! служи искусству,
 Для блага ближнего живи,

 ...Поэтом можешь ты не быть,
 Но гражданином быть обязан [23. Т. 2. С. 10].

Внимание Некрасова к рылеевскому стиху могло быть навеяно четвертой статьей Н.Г. Чернышевского из цикла «Очерки гоголевского периода русской литературы», напечатанной в «Современнике» (1856. № 4), где критик рассуждал о Н.В. Гоголе: «Но ни в ком из наших великих писателей не выражалось так живо и ясно сознание своего патриотического

значения, как в Гоголе. Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а отечеству, он думал о себе: “Я не поэт, я гражданин”» [24]. Примечательно, что Некрасов, редактор «Современника», настаивал на публикации данной статьи в переговорах с цензорами [25].

Еще ранее, в стихотворении «Тот не поэт» (1839), Некрасов, как нам представляется, также подразумевает рылеевский поэтический лозунг, хотя и в романтической «редакции», например: «...Кто у одра страдающего брата / Не пролил слез, в ком сострадания нет, / Кто продает себя толпе за злато, / Тот не поэт!» [23. Т. 1. С. 256]. Ср. развитие той же мысли в «Поэте и гражданине»: «[Гражданин] А ты, поэт! избранник неба, / Глашатай истин вековых, / Не верь, что не имущий хлеба / Не стóбит вещей струн твоих!», «Будь гражданин! служа искусству, / Для блага ближнего живи...», «...Поэт клянет или хоть стонет, / А гражданин молчит и клонит / Под иго голову свою» [Там же. Т. 2. С. 9, 11].

После появления стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин» формула «Я не Поэт, а Гражданин» отчасти потеряла прежнюю актуальность, уступив в читательском сознании место новой яркой лирической декларации гражданской миссии поэта. Особенно это касалось шестидесятников, народников и близкого к ним по духу С.Я. Надсона: «Это не песни — это намеки: / Песни невмочь мне сложить; / Некогда мне эти беглые строки / В радугу красок рядить; / Мать умирает, — дитя позабыто, / В рваных лохмотьях оно... / Лишь бы хоть как-нибудь было излито, / Чем многозвучное сердце полно!» («Это не песни — это намеки...», 1885) [26].

Вместе с тем она могла вызывать и естественный протест своей политической и эстетической прямолинейностью, о чем писал в эмиграции И.А. Бунин: «Я не был правее их [молодых народников] в общем, то есть в своей легкомысленной революционности, в искренней жажде доброго, человеческого, справедливого, но я просто не мог слушать, когда мне, даже шутя (а все-таки, разумеется, наставительно), напоминали: “*Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!*” — когда в меня внедряли эту обязанность, когда мне проповедовали, что весь смысл жизни заключается в “работе на пользу общества”, то есть мужика или рабочего. Я из себя выходил: как, я должен принести себя в жертву какому-нибудь вечно пьяному слесарю или безлошадному Климу...» (Жизнь Арсеньева. Юность, 1927–1933) [27].

В художественной литературе и публицистике советского времени можно обнаружить немногие примеры использования этой некогда знаковой фразы; причем соотносимость с литературной традицией становится менее очевидной, так как чаще речь заходит о пророческом даре поэта или его профессионализме, например: «Нет, я не поэт, я или пророк, / Или только жалкий юродивый, / Что, задрав рубашку, на брюхе ползет / И орет: “Это будет! Это будет сегодня!” / <...> / У поэтов пышные облачения, / А я не поэт — я нищий. / У меня нет даже дерева, / Чтоб сорвать хоть один фиговый листик»

(И.Г. Эренбург. «Нет, я не поэт, я или пророк...», 1918) [28]; «Свой весенний побег / Я засушил меж этажей фолиантов; / *Я не поэт* — я утонченнейший виртуоз, / И расцветенность первой моей тетради — / Лишь пестрота коллекции марок» (И.Л. Сельвинский. «На заре туманной...» — из поэмы «Записки поэта», 1925) [29].

Однако в пору шестидесятников XX столетия гражданские мотивы Рылеева и Некрасова озвучиваются в новой поэтической «редакции». Это, прежде всего, знаменитая декларация Е.А. Евтушенко во вступлении к поэме «Братская ГЭС» (1965), как бы подытоживающая рассуждения великих предшественников на поприще русской литературы (Молитва перед поэмой, 1964):

Поэт в России — больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уютно нет, покоя нет.

Поэт в ней — образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него [30].

Первая строка этого обращения к поэтам прошлого (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Пастернак, Есенин, Маяковский), как и некрасовская [31], со временем стала крылатой фразой и, в свою очередь, породила разнообразные, порой шуговые, перепевы: «...так вот театр в России — больше, чем театр. Эта была та ничейная территория, где реализовывались остатки свободы духа...»; «Наконец-то поэт в России не больше, но ровно — поэт»; «Сарай в России больше, чем сарай. В провинции без него не проживешь»; «Кумир в России больше, чем кумир»; «Журнал в России — больше, чем журнал»; «ТВ в России больше, чем ТВ»; «Евтушенко всё же больше, чем поэт» и др. [32].

Другой известный шестидесятник — А.А. Вознесенский справедливо заметил по этому поводу уже в эпоху перестройки, подчеркивая все-таки изначально эстетическую функцию художественного слова: «Бездарные советские поэты и бездарные поэты антисоветские пылко прикрывались... “гражданственностью”. Но дело в том, что истинная гражданская роль поэта заключается в том, чтобы быть прежде всего *поэтом*, витамином духовности. Бесчестно называться поэтом и писать посредственные стихи» [33].

Наконец, относительно недавно рылеевско-некрасовские образы трансформировались в форме пародийного литературного проекта «Гражданин поэт» (Д. Быков, М. Ефремов, А. Васильев), травестирующего известную формулу «Поэт и Гражданин», что тоже естественно, поскольку *высокое* начало рано или поздно подвергается в истории культуры его

профанации, *низменной* карнавальной интерпретации, о чем ярко писал М.М. Бахтин [34].

Таким образом, лирический манифест «Я не поэт...» — со всеми его структурными и смысловыми вариациями, перепевами и зеркальными отражениями — существует и здравствует в отечественной литературе вот уже два столетия, наполняясь конкретным актуальным содержанием в каждую из эпох своего теперь уже почти фразеологического бытования.

Литература

1. *Рылев К.Ф.* Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста А.В. Архиповой, В.Г. Базанова, А.Е. Ходорова. Л., 1971. С. 185–186.
2. [*Вяземский П.А.*] Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. [Ч.] П. Литературные арзамасские шалости // Рус. архив. 1866. № 3. Стб. С. 475.
3. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.—Л., 1937–1949.
4. *Вацуро В.Э.* Продолжение спора (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Звезда. 1999. № 6. С. 154.
5. *Свиньин П.П.* Поездка в Грузино // Сын отечества. 1818. № 39. С. 3.
6. *Рейсер С.А.* Примечания // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 577.
7. Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. / Издание С.Д. Шереметева; под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб., 1899. Т. 2. С. 121.
8. *Одоевский А.И.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и прим. М.А. Бриксмана. Л., 1958. С. 48.
9. Из переписки князя В.Ф. Одоевского / Сообщил И.А. Бычков // Рус. старина. 1904. Т. 107. № 2. С. 373–374.
10. Поэты «Искры». В 2 т. / Вступ. статьи, сост., подгот. текста и прим. И.Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 1. С. 71–72, 340 (прим.).
11. *Трефолов Л.Н.* Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и прим. И.Г. Айзенштока. Л., 1958. С. 183.
12. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... М., 2011. Кн. 6. С. 336.
13. *Батюшков К.Н.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Н.В. Фридмана. М.—Л., 1964. С. 249.
14. *Батюшков К.Н.* Сочинения. В 3 т. / Издание П.Н. Батюшкова. СПб., 1886. Т. 3. С. 434.
15. *Княжнин Я.Б.* Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Л.И. Кулаковой. Л., 1961. С. 645.
16. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. В 12 т. СПб., 1878. Т. 1. С. 27–28.
17. *Давыдов Д.В.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. В.Э. Вацуро. Л., 1984. С. 100.

18. Поэты 1820–1830-х годов. В 2 т. / Вступ. ст. и ред. Л.Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и прим. В.Э. Вацуро. Л., 1972. Т. 1. С. 545–546.
19. *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подготовили Н.В. Королева, В.Д. Рак. Л., 1979. С. 290.
20. *Васильев Н.Л.* А.И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992. С. 79–80.
21. *Полежаев А.И.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Н.Ф. Бельчикова; подгот. текста и прим. В.В. Баранова. Л., 1957. С. 256.
22. *Григорьев А.А.* Избранные произведения / Вступ. ст. П.П. Громова; подгот. текста и прим. Б.О. Костелянца. Л., 1959. С. 143.
23. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Л., 1981–2000.
24. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1947. Т. 3. С. 137.
25. *Гаркави А.М.* Чернышевский и стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин» // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1968. Вып. 5. С. 54–57.
26. *Надсон С.Я.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. Г.А. Бялого; подгот. текста и прим. Ф.И. Шушковой. СПб., 2001. С. 269.
27. *Бунин И.А.* Собр. соч. В 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 147.
28. *Эренбург И.Г.* Стихотворения / Сост. Б.М. Сарнова; подгот. текста и прим. Н.Г. Захаренко. Л., 1977. С. 99–100.
29. *Сельвинский И.Л.* Из пепла, из поэм, из сновидений: Сборник стихотворений / Сост. и вступ. ст. А.М. Ревича. М., 2004. С. 424.
30. *Евтушенко Е.А.* Избранные произведения. В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 395.
31. *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. Изд. 4-е. М., 1987. С. 278.
32. *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулешкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. В 2 т. Магнитогорск; Greifswald, 2008. Т. 2. С. 237.
33. *Вознесенский А.А.* На виртуальном ветру. М., 1998. С. 462.
34. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Изд. 2-е. М., 1990. С. 9–18.

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева*

Пензенский государственный технологический университет

«Египетская тьма»: книга Премудрости
Соломоновой в стихотворном переложении
В.А. Жуковского

© Д.В. ДОЛГУШИН,
кандидат филологических наук

В статье реконструируется биографический контекст стихотворения В.А. Жуковского «Египетская тьма», анализируется поэтика этого стихотворения в сопоставлении с 17 главой книги Премудрости Соломоновой, переложением которой оно является.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Библия, русский романтизм, церковно-славяно-русские паронимы

DOI: 10.31857/S013161170003001-0

The article reconstructs the biographical context of V.A. Zhukovsky's poem «Egypetskaya tma», analyzes the poetics of this poem in comparison with the 17th Chapter of the book of Wisdom of Solomon, the arrangement of which it is.

Keywords: V.A. Zhukovsky, Bible, Russian romanticism, Church Slavonic-Russian paronyms

Интерес первого русского романтика к библейской книге Премудрости Соломоновой в середине 1840-х гг. был устойчивым и постоянным. Об этом свидетельствует, в частности, одна из рукописей Жуковского этого времени – сделанные им выписки из Библии, собранные в единый текст – так называемый «катен», «цепь», состоящую из библейских цитат [1. С. 460–464]. Чаще других в нем встречаются цитаты именно из книги Премудрости. В 1846 г. Жуковский сделал стихотворное переложение 17 главы этой книги [2. С. 264–266] и опубликовал его под названием

«Египетская тма» в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 г.». Чем же привлекла Жуковского эта книга?

Она появилась на рубеже древней и новой эры в Александрии Египетской — крупнейшем мегаполисе античного мира, прославленном центре эллинистической культуры, в котором традиции ветхозаветной религии и древнегреческой образованности входили в соприкосновение друг с другом. Написанная на греческом языке, книга Премудрости давала своим читателям ответ на вопрос, особенно волновавший людей эллинистической эпохи: как научиться «искусству жизни» [3] и достичь счастья?

Жуковского этот вопрос занимал еще с юношеских лет. В зрелую эпоху своего творчества он развивал теорию о том, что счастьем является соединение небесного и земного, которое достижимо только на минуту, в «чистые мгновения бытия» [4. С. 223], когда при встрече с прекрасным душа ощущает «присутствие Создателя в созданье» [Там же. С. 130]. Мгновения эти скоротечны. Они похожи на звезды, сияющие в темном небе, или на фонари, горящие на ночной улице [5]. Фонари не могут полностью рассеять мглу ночи. Счастливые мгновения не могут длиться долго. Однако, промелькнув, они исчезают не совсем: от полного уничтожения их спасает воспоминание. Секрет счастья заключается в умении хранить память о «чистых мгновениях бытия».

Эта концепция счастья породила в лирике Жуковского 1810 — первой половины 1820-х годов целую систему мифопоэтических образов. К их числу относится образ завесы — «покрывала», плотно отделяющего «темную область земную» [4. С. 223] от светлой области небесной. Завесу эту иногда и на мгновение распахивает существо, которое Жуковский в одних стихотворениях называл «ангелом» [Там же. С. 24–25, 232–234], в других — «гением чистой красоты» [Там же. С. 223], «таинственным посетителем» [Там же. С. 239–240], «мимопролетевшим гением» [Там же. С. 147–149], «Лаллой Рук» [Там же. С. 222–224]. Едва появившись на земле, существо это исчезает, оставляя на темном небосклоне жизни «прощальную звезду» воспоминания, через которую небесный свет продолжает нисходить на землю. Эту систему образов Жуковский однажды назвал «философией Лалла Рук» [6].

Образы и мотивы «философии Лалла Рук» оказались близки образам и мотивам 17 главы книги Премудрости, содержащей в себе истолковательный (по типу древнееврейского мидраша) комментарий на 21–23 стихи 10 главы библейской книги Исход, в которых описывается одна из казней египетских — тьма, на три дня охватившая Египет из-за нежелания фараона отпустить израильтян из рабства [7]. В книге Исход об этом событии рассказывается довольно кратко: «И сказал Господь Моисею: простри руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма. Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня; у всех же сынов Израилевых был свет в жилищах их» (Исх. 10: 21–23) [8].

Как видно по этой цитате, в книге Исход египетская тьма описывается как явление по преимуществу физическое, внешнее. Ее вещественный характер подчеркнут указанием на то, что она была «густой» и даже «осязаемой» — то есть осязаемой на ощупь. В книге Премудрости о той же тьме говорится как о тьме внутренней, духовной, от которой нельзя спрятаться (Прем. 17: 2–4) потому, что она окутывает человека не только извне, но и изнутри. Египтяне, согласно этой книге, были мучимы не столько отсутствием освещения, сколько страхом и унынием, поселившимися в их сердцах (Прем. 17: 14). Для этих чувств не было внешних оснований — страшилища и привидения, которые, как казалось египтянам, обступили их в ночном мраке, на самом деле не существовали. Настоящей причиной охватившего египтян смятения была не внешняя угроза, а внутренняя беда — беспокойная совесть и неверие в «вечный Промысл» (Прем. 17: 2), которые и рождали в их душах ужас, лишали разума и надежды (Прем. 17: 11–12): «осуждаемое собственным свидетельством нечестие боязливо и, преследуемое совестью, всегда придумывает ужасы» (Прем. 17: 10) [8]. Тьма распространилась на египтян (Прем. 17: 20) потому, что они уже были помрачены своими грехами, «сами они для себя были тягостнее тьмы».

Перелажая эту главу в стихи, Жуковский достаточно точно следовал библейскому тексту, однако в некоторых местах расставлял определенные смысловые акценты. Чтобы их выявить, необходимо сравнить стихотворение Жуковского с церковнославянским текстом Елизаветинской Библии [9], с которого он делал свое переложение, но при этом учитывать, что в процессе работы поэт мог сопоставлять церковнославянский текст с французским [10] и немецким [11] переводами, имевшимися в его библиотеке (данная стратегия уже была использована Жуковским в 1844–1845 годах, когда он переводил с церковнославянского Новый Завет) [1. С. 482–486].

Обратим внимание прежде всего на то, как Жуковский переложил первый стих 17 главы. В этом месте Елизаветинской Библии говорится о египтянах как о «ненаказанных» (то есть «ненаставленных», «ненаученных») душах, которые «заблудились»; Жуковский же в своем переложении ведет речь о «нечестивых», которые, по суду Божьему, оказались ввержены в «помешательство».

Елизаветинская Библия	Стихотворное переложение Жуковского
Велицы бо суть суди Твои, Господи, и неизглаголанны: сего ради ненаказанныя души заблудиша [9].	Велик, неизглаголанно велик Твой суд, Господь! Он в помешательство ввергает нечестивых [2. С. 264].

Перевод «ненаказанныя» — «нечестивые» не имеет основания в церковнославянском тексте. Французский текст [10] («les ames sans science» — «ненаученные души») также не может объяснить такого переводческого

решения. Зато можно предположить влияние второго стиха 17 главы немецкого текста, в котором египтяне называются «die Ungerechten» («неправедные») или того же стиха церковнославянского перевода («беззаконнии»). Трактовка Жуковского не искажает смысла подлинника, т.к. автор книги Премудрости, используя слово «ненаученные» («ἀλαίθευτοι» [12]), имел в виду языческое неведение египтян, их ненаученность библейской вере, то есть, по сути, нечестие.

Влияние немецкого текста сказалося и на переводе цсл. «заблудиша». Жуковский долго колебался в поисках соответствия этому слову. Судя по черновой рукописи, сначала поэт склонялся к тому, чтобы сохранить исходный глагол и передал это место так: «Он в заблуждение ввергает нечестивых», однако затем зачеркнул слово «заблуждение», исправив его на «искушение» [13. Л. 11]. В авторизованной копии, сделанной рукою секретаря Жуковского В.Я. Кальянова, читается уже окончательный вариант: «Он в помешательство ввергает нечестивых» [14. Л. 2]. К этому варианту Жуковский, очевидно, склонился под влиянием немецкого текста, где египтяне называются «die törichten» — «безрассудные», «безумные» (Прем. 17: 1).

Нужно сказать, что в первой половине XIX века слово «помешательство» понималось иначе, чем сейчас. И в академическом словаре 1789–1794 года [15], и в академическом словаре 1847 года [16] в качестве его первого значения указывается «препятствие, помеха» (т.е. то, что мешает) и только лишь в качестве второго — «расстройство, повреждение ума; сумасшествие». В стихотворении Жуковского слово «помешательство» одновременно обозначает и внешние препятствия, окружившие египтян из-за начавшейся тьмы, и помрачение их рассудка. Оно включает в себя понятие заблуждения — в смысле ошибки, обмана (ср. французский перевод, в котором указывается, что египтяне «se sont égarés» — «обманулись»), но значительно усиливает его. Помешанный, сумасшедший человек настолько «заблудился», что не может видеть подлинной реальности, он находится в плену у мнимости. Таковы египтяне. В переложении второго стиха 17 главы Жуковский прямо называет их «безумцами», а потом несколько раз употребляет по отношению к ним глагол «мнить» в значении «обманываться».

Так, в переложении третьего стиха он пишет о том, что египтяне «мнили» «укрыться от вечной мудрости» «под мрачной пеленой забвения» [2. С. 264]. Эти слова интересны не только своим акцентом на безумном нечестии египтян, но и тем, что, полностью соответствуя библейскому оригиналу, они в то же время соответствуют поэтическому языку Жуковского периода «философии Лалла Рук». Только теперь, в «Египетской тме», поэт использовал привычные для него образы для описания мира, диаметрально противоположного миру этой философии.

Как мы уже говорили, в лирике периода «философии Лалла Рук» часто встречается образ распахивающейся завесы — здесь же завеса («мрачная

пелена забвения») намеренно сомкнута. В «философии Лалла Рук» «гений чистой красоты» появляется на земле, чтобы открыть небо, — здесь же египтяне скрываются от неба; в «чистые мгновенья бытия» сияет небесный свет — здесь же господствует мрак; в «философии Лалла Рук» душа живет воспоминанием о таких мгновениях — здесь же египтяне стараются обо всем забыть; через звезды, засиявшие в «чистые мгновенья бытия», на землю проникает небесный свет — здесь же тьма не пропускает его: «и звезды не могли / Рассеять мглу густой их ночи» [Там же], — пишет Жуковский в переложении третьего стиха 17 главы. В мире «философии Лалла Рук», господствует вера, а потому — упование и надежда; в мире «египетской тьмы» — безверие, а потому — тревога, переходящая в панический страх. Именно тревога и страх населяют Египет воображаемыми страшилищами. Египтянам мнится, что во тьме их окружают какие-то ужасные существа: «шумы же сходяще возмушаху их, и привидения дряхлая печальными лицами являхуся» (Прем. 17:4) [9].

Жуковский уделил особое внимание переводу данного места. Сначала он написал в черновике: «И дряхлые с лицом печальным тмы / Глядели им в глаза» [13. Л. 11]. В авторизованной копии читается другой вариант: «И дряхлые с лицом печальным мертвецы / Смотрели им в глаза» [14. Л. 2]. В печатном тексте 1847 г.: «И дряхлые призраки с грустным ликом / Смотрели им в глаза» [17]. Не совсем понятно, какой из двух последних вариантов следует признать окончательным (авторизованная копия, содержащая в себе, кроме «Египетской тмы», полный текст стихотворения «Четыре сына Франции», датированная 1852 годом и относящаяся, таким образом, к времени более позднему, чем публикация 1847 года). Существенно, что во всех этих вариантах присутствуют мотивы печали и «дряхлости». Последний из них требует особого пояснения.

Слово «дряхлый» является церковнославяно-русским паронимом. В современном русском языке оно означает «слабый, немощный от старости» [18]. Однако исходное, церковнославянское значение этого слова иное — «опечаленный», «смущенный», «унылый», «угрюмый», «мрачный» [19, 20, 21, 22] (ср. «scheußliche» немецкого и «affreux» французского текста — «отвратительный», «ужасный»). Это значение было хорошо известно Жуковскому, и он никогда не ошибался при переводе лексемы «дряхлый» с церковнославянского на русский язык в Новом Завете (ср. Мф. 16: 3; Мк. 10: 22; Лк. 24: 17 [1]). Не став заменять в «Египетской тме» пароним «дряхлый» на другое, более однозначное слово (например, вместо «дряхлые призраки» — «мрачные призраки», что вполне укладывается в размер), Жуковский сознательно пошел на то, чтобы в восприятии читателя смысл этого места двоился, лишился однозначности и «на перекрестке» русского и церковнославянского значений создавался странный и запоминающийся образ мрачных и «немощных от старости» привидений. Видимо, со стремлением сделать этот образ менее противоречивым связана

замена стиха «и мрачные призра́ки с грустным ликом» издания 1847 года на стих «и дряхлые с лицом печальным мертвецы» авторизованной копии 1852 года: быть «немогущим от старости» более естественно мертвецам, чем призракам.

Еще один необычный образ того же ряда – это страшные и таинственные огни, чудившиеся египтянам во мраке: «являшеся же им токмо внезапный огонь страха исполнь» (Прем. 17: 6) [9]. В переложении Жуковского: «И лишь один невыразимый, / Самогорящий, страха полный огонь / Пред ними вдруг воспламенялся» [2. С. 264]. Откуда взята выразительная деталь – что огонь, являвшийся египтянам, был «самогорящим»?

Церковнославянский перевод данного места восходит к латинскому тексту Вульгаты, с которого в конце XV в. был сделан перевод книги Премудрости в Геннадиевской Библии. При работе над Острожской и затем Елизаветинской Библией он исправлялся по греческому оригиналу [23], но недостаточно последовательно, и в 17 главе сохранилось соответствующее Вульгате чтение «внезапный огонь» – «*subitaneus ignis*» [24]. Французский перевод Леметра де Саси также делался с Вульгаты. Зато при переводе книги Премудрости на немецкий язык М. Лютер и его помощники опирались на оригинал, поэтому в немецком тексте (Прем. 17: 6) чтение соответствует греческому: «*selbstbrennendes Feuer*» – «*αὐτομάτη πύρρ*» («самогорящий огонь»). Именно на немецком тексте и основывался Жуковский (греческий был ему недоступен из-за недостаточного знания этого языка).

Примечательно определение, которое он дает «самогорящему огню», называя его «невыразимым». Употребляя этот знаковый для «философии Лалла Рук» эпитет в «Египетской тме», Жуковский подчеркивает антитечность поэтики своего стихотворения: мир «Египетской тмы» – полная антитеза миру «философии Лалла Рук». В «философии Лалла Рук» изображено «присутствие Создателя в созданье» [4. С. 130]. В «Египетской тме» – отсутствие Создателя в созданье. Причина этого отсутствия заключается не в том, что Творец отвернулся от своего творения, а в том, что творение отвернулось от своего Творца и погрузилось во мрак безверия, страха и уныния.

Что же подвигло Жуковского изобразить такой пребывающий во мраке мир? Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить биографические обстоятельства, в которых создавалось его стихотворение.

Жуковский жил в это время в Германии, где поселился после женитьбы на Елизавете, дочери своего друга, немецкого художника Герхарда фон Рейтерна. 1846 год оказался тяжелым для большинства немецких земель: на него пришелся один из самых сильных климатических катаклизмов в истории Европы XIX в. Зима этого года в Германии была, по выражению Жуковского, «странной» [25. С. 252]: морозы не наступали, все время стояла пасмурная и промозглая погода с сильными ветрами.

Затем разразилось крайне засушливое, мучительно жаркое лето. Отсутствие дождей и начавшаяся еще в 1845 году «картофельная болезнь» (фитофтороза) уничтожили большую часть урожая. Резко поднялись цены на продовольствие. Тревожные новости приходили из-за границы. Англия, Франция, Голландия, как и Германия, пострадали от засухи, а в Ирландии начался страшный голод [26]. Все это стало одной из причин народных волнений, вылившихся в конце концов в революцию 1848 года.

Не миновали бедствия и Россию. В ее средней полосе весна началась рано, но затем тепло сменилось сильными заморозками и холодами, стоявшими до конца мая, что нанесло вред озимым. Лето, как и в Европе, оказалось небывало жарким. На юге началась засуха. От жары трескалась земля, трава выгорала, деревья стояли без листьев, увядших под беспощадным солнцем [27. Ч. 16. С. 151]. В средней полосе летняя жара неожиданно и резко сменилась ранними холодами и проливными дождями, затруднившими сбор урожая [Там же. С. 591–592]. Бедствия усугублялись распространением насекомых-вредителей. В западных губерниях расплодился «зеленый червь», «зарождавшийся внутри стеблей ржи», который стубил пятую часть посевов; юго-запад пострадал от нашествия саранчи [Там же. Ч. 15. С. 164–166]. В результате многие регионы страны оказались под угрозой голода.

Новости обо всем этом, приходившие из России, тревожили Жуковского. После беседы с одним из соотечественников, навестившим его во Франкфурте-на-Майне 15 июня 1846 года, поэт записал в дневнике: «Разговор, приводящий в трепет, о бедной России. И помощи никакой. Одна верная, небесная. Но, может быть, нам за наше всеобщее развращение посылается наказание» [28. С. 286]. Из этой записи видно, что современные события Жуковский был склонен осмыслять в библейских терминах, и засуха с неурожаем, обрушившимся на Европу и на Россию «за всеобщее развращение», вполне могли напомнить поэту «казни», посланные на египтян.

Еще одна составляющая биографического контекста «Египетской тмы» связана с личными обстоятельствами Жуковского. Зимой 1845–1846 годов пошатнулось его здоровье. Поэта мучали слабость, сердцебиение и другие немощи. Но самым страшным было то, что резко и необратимо ухудшалось зрение. В январе 1846 года Жуковский записал в дневнике: «надобно заранее готовиться к слепоте; помоги Бог переносить ее: это заживо смерть» [Там же.]. Надеясь обмануть недуг, он принялся разрабатывать специальную картонную «машинку» для письма, которая позволила бы ему писать вслепую. Ужас перед непроницаемой темнотой, обступающей человека со всех сторон, стал для Жуковского автopsихологическим мотивом.

Столь же выстрадаанным для поэта был и мотив темноты не внешней, а внутренней. С 1845 года он чувствовал эту внутреннюю темноту,

переживая упадок творческих сил. Литературные занятия его были «как будто разбиты параличом» [29], главный труд этого времени – перевод «Одиссеи» не продвигался «вперед ни на шаг» [30. С. 560]. В марте 1846 года в той же тетради, в которой позже появится черновой автограф «Египетской тмы», Жуковский сделал полную трагизма запись: «Окаменность и рассеяние мною владеют. Воля моя бессильна. Вместо веры одно только знание, что вера есть благо верховное и что я не имею сего блага. Молитва моя одно мертвое рассеянное слово. Ум без мысли. Сердце без любви. Одна рука Твоя, Господь-Спаситель, <...> может извлечь меня из сей бездны: простри ко мне Твою руку, посети мою душу Твоим Святым Духом» [28. С. 286]. Этой записи вторит другая, сделанная шестью месяцами позже 2 (14) октября 1846 года во время подготовки к причащению. В ней Жуковский, вновь сокрушаясь о своем «бедственном состоянии сухости, маловерия и бесчувственности», спрашивает самого себя: «Что в таком случае делать? Какую сталью выбить искру, зажигательную и осветительную, из камня сердца?» [Там же. С. 288]. Как видим, свою внутреннюю жизнь Жуковский описывает в терминах тьмы и света, столь близких поэтике «Египетской тмы» – нужен огонь, чтобы осветить изнутри душу, и огонь этот может возжечь только Бог.

Драматически автобиографичен и столь важный для «Египетской тмы» мотив мучительного и беспричинного ужаса: картина подобных переживаний разворачивалась у Жуковского перед глазами. Вторую половину июля и август 1846 года он вместе со своей женой провел в расположенном неподалеку от Франкфурга-на-Майне курортном городке Швальбахе, где старался поправить здоровье минеральными ваннами. Изнурительная жара и испуг от случившегося здесь землетрясения стали толчком для развития у его супруги тяжелой нервной болезни, выразившейся в приступах депрессии, тоски и страха. «Моя бедная жена тяжело страдает <...>, – описывал Жуковский ее состояние в письме А.П. Елагиной. – Физическая тоска душит ее и производит в ней беспрестанный страх смерти; при этом страдания самые несносные, все убивающая, нравственная грусть вытесняет из ее головы все прежние мысли и из ее сердца все прежние чувства. <...> Моя бедная жена худа, как скелет; и ее страданиям я помочь не в силах; против черных ее мыслей нет никакой противодействующей силы; воля тут ничтожна; рассудок молчит» [30. С. 560–561]. Болезнь Елизаветы, оказавшаяся хронической, навсегда разрушила семейное счастье. Первое столкновение с этим недугом в конце лета – начале осени 1846 г. должно было особенно поразить Жуковского и напомнить ему об описанных в 17 главе книги Премудрости египтянах, томимых «тяжелым ужасом» и печалью. Именно второй половиной лета – началом осени 1846 года, судя по расположению чернового автографа в рабочей тетради Жуковского, и датируется «Египетская тма» (ее текст следует сразу за набросками «Повести о войне Троянской», начатыми 18 июля 1846 года).

Таким образом, и жизненные обстоятельства Жуковского, и близость образов и мотивов 17 главы книги Премудрости образам и мотивам его лирики 1810–1820-х годов обусловили интерес поэта к этой библейской книге и определили специфику ее стихотворного переложения.

Литература

1. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. Второй полутом: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / Сост., вступ. статья, примечания Д.В. Долгушина; подгот. текста Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Д.В. Долгушина; ред. Д.В. Долгушин, А.С. Янушкевич. М., 2016.
2. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4 / Сост. и ред. А.С. Янушкевич. М., 2009.
3. Kealy S.P. The Wisdom books of the Bible: Proverbs, Job, Ecclesiastes, Ben Sira, Wisdom of Solomon: a survey of the history of their interpretation. — Lewiston, Queenston, Lampeter, 2012. P. 7.
4. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2 / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2000.
5. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13 / Сост. и ред. О.Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 132–133.
6. Der Briefichsel zwischen Alexandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij (1802–1829) / Herausgegeben, kommentiert und eingeleitet von Holger Siegel. Köln, Weimar, Wien, 2012. S. 430.
7. Cheon S. The Exodus Story in the Wisdom of Solomon: A Study in Biblical Interpretation. Sheffield, 1997. P. 68–76.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. (Синодальный перевод). М., 1991.
9. Библия, сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. [Т. 2. М., 1751].
10. La Bible. Traduction de la Vulgate, par Le Maistre de Sacy. Т. 1–3. Paris, 1834–1835.
11. Die Heilige Schrift. In richtiger Übersetzung mit kurzen Anmerkungen. Bd. 2. Frankfurt a/M, 1819.
12. Septuaginta, id est Vetus Testamentum graece iuxta interpretes edidit A. Rahlfs. <Stuttgart>, <1994>.
13. РНБ. Ф. 286. О. 1. № 52 (Жуковский В.А. Рабочая тетрадь, 1842–1846).
14. РНБ. Ф. 286. О. 2. № 6 (Копии стихотворений В.А. Жуковского «Египетская тма», «К русскому великану», «Четыре сына Франции»).
15. Словарь Академии Российской. Ч. IV. СПб., 1793. Стлб. 446.
16. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847. Т. III. С. 331.

17. Жуковский В.А. Египетская тма (опыт подражания Библейской поэзии) // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 188 (первая пагинация).
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. М., 2006. С. 181.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1990. Т. 1. С. 271.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 / Пер. с нем. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. Изд. 2-е. М., 1986. С. 546.
21. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5. С. 112–113.
22. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008. С. 115.
23. Чистович И.А. Исправление текста славянской Библии перед изданием 1751 г. // Православное обозрение 1860. Т. II. С. 42–44.
24. Biblia sacra iuxta vulgatam versionem. Adiuvantibus B. Fischer, I. Gribomont, H.F.D. Sparks, W. Thiele. Recensuit et brevi apparatu critico instruxit R. Weber. Editionem quartam emendatam cum sociis B. Fischer, H.I. Frede, H.F.D. Sparks, W. Thiele. Preparavit R. Gryson. <Stuttgart>, <1994>.
25. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем. Т. XIII / Сост., подг. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.—Киев, 2009.
26. Журнал министерства внутренних дел 1847. Ч. 18. С. 456–458.
27. Журнал министерства внутренних дел 1846.
28. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 14 / Сост. и ред. О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М., 2004.
29. Сочинения В.А. Жуковского. Изд. 8-е. / Под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1885. Т. 6. С. 519.
30. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852. / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жилияковой. М., 2009.

Новосибирский государственный университет

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 16-24-08001

Дым в прозе И.С. Тургенева
и поэзии Ф.И. Тютчева

© А.Л. ГОЛОВАНЕВСКИЙ,
доктор филологических наук

Образы *дыма* в прозе И.С. Тургенева и поэзии Ф.И. Тютчева преобразуются в прецедентные высказывания и характеризуют русскую действительность, оценка которой зависит от мировоззренческих установок.

Ключевые слова: дым, дым отечества, Тургенев, Тютчев, заглавие, оппозиция.

DOI: 10.31857/S013161170003002-1

The images of smoke in the prose of I.S. Turgenev and poems of F.I. Tyutchev transform into precedent statements and characterize the Russian reality, the assessment of which depends on outlook.

Keywords: smoke, the smoke of Fatherland, Turgenev, Tyutchev, title, opposition.

«И дым отчества нам сладок и приятен!» –
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш – и сам талант всё ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!

Ф.И. Тютчев

Роман «Дым» написан Тургеневым в 1867 году, то есть когда уже были опубликованы все его известные произведения.

Уже само название этого романа, в отличие от написанных ранее, наталкивает на мысль о чем-то несбывшемся, может, трагическом, ибо

дым – это, последствия огня (дыма без огня не бывает). А все, что сопутствует огню, превращает сгоревшее во что-то неощутимое, летучее, испаряющееся. В «Словаре языка Пушкина» находим пример переносного значения: ‘*Перен.* Мои стихи скользнули в Лету. Что слава мира ... дым и прах!’ [1]. Современные словари так конкретизируют переносное значение этого слова: ‘Призрак, мечта, иллюзии’ [2]; ‘О чем-либо призрачном, существующем лишь в мечтах’ [3]. Переносное значение усматривается в выражении *дым отечества*: ‘о чем-то родном и потому, независимо ни от чего, дорогим, близком; книжн.’ [4]. В XIX веке употребление слова в этом выражении рассматривалось в прямом значении, поэтому эти строки Грибоедова из «Горе от ума» иллюстрирует именно прямое значение: густой пар, выходящий из горячих веществ.

Заглавие романа «Дым» привлекало ученых, ибо оно во многом определяет формально-содержательные характеристики произведения, а также и мировоззренческие установки автора.

А.А. Бельская, обращаясь к работам исследователей заглавия вообще и романа «Дым» в особенности, утверждает, что заглавие романа многозначно и не только связано со всем содержанием текста, но и имеет интертекстуальные и автоинтертекстуальные связи [5]. Заглавие романа по-иному и не может восприниматься, но его интертекстуальные связи, возможно, нужно рассматривать в прецедентном словосочетании «дым отечества» и сравнительном обороте «как дым».

«Дым отечества» как цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» фиксируется Н.С. и М.Г. Ашукиными [6], где приводится и история употребления выражения, краткое содержание которой сводится к следующему. Впервые *дым отечества* встречается у Гомера в песне из «Одиссеи», а позже у Овидия. Он, как и Одиссей, «жаждет иметь возможность видеть хоть дым с отечественных очагов». А в русской поэзии античные традиции продолжены Г.Р. Державиным в «Арфе» (1798): «Мила нам добра весть о нашей стороне. Отечества и дым нам сладок и приятен». Позже Грибоедова П.А. Вяземский возвращается к этим строкам Державина в стихотворении «Самовар» (1840): «Отечества и дым нам сладок и приятен, не самоваром ли, – сомненья в этом нет – Был вдохновен великий наш поэт». Эпиграмма Тютчева не вошла в «Полное собрание стихотворений» 1987 года, так как, по словам К.В. Пигарева, она одно время приписывалась Вяземскому и лишь позднее было доказано тютчевское авторство, на основании которого оно и вошло в издание «Полное собрание сочинений и письма» 2003 года.

В русской литературе *дым* – символ навсегда ушедшего прошлого, с которым нередко расставаться тяжело, так как неизвестно, что обещает будущее, как об этом говорится в «Степи» А.П. Чехова: «Егорошка почувствовал, что с этими людьми для него исчезло навсегда, *как дым*, все то, что до сих пор было пережито; он опустил в изнеможении на лавочку и

горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь <...> Какова-то будет эта жизнь?» [7] (Курсив здесь и далее наш. — А.Г.). Сравнительный оборот *как дым* всплывает в памяти у авторов прозаических и поэтических произведений всякий раз, когда их персонажи мысленно прощаются с невозвратимым прошлым.

В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева во всех приводимых иллюстрациях со сравнительным оборотом *как дым* подчеркивается значение исчезновения — людей, животных, мыслей, надежд, переживаний, событий: «Федос не возвращался. Федос исчез... *словно дым* растаял» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «При одном воспоминании об отечестве, о России, все мое тщеславие *исчезало как дым...*» (Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин); «Ну, пусть, что прошло, то прошло, а что есть, то завтра *исчезнет как дым*» (Ф.М. Достоевский. Подросток) [8]. Тютчев использовал этот оборот в афористическом стихе в переводе хоровой песни Ф. Шиллера: «Как уходят клубы дыма, так уходят наши дни!» [9. Т 2. С. 29–33].

Итак, несомненно, что в названии романа Тургенева реализуются переносные значения лексемы, а основной семьей этого значения является ‘исчезновение из настоящей реальности, ушедшее навсегда в прошлое’. Считаем, что именно это переносное значение и должно фиксироваться словарями. «Дым» в переносном значении — это своего рода второй член частной оппозиции в семантической системе ядерной оппозиции: «прошлое — настоящее». А первый член может выражать семантику всего того, что отмечается в словарях, и этот лексико-семантический ряд остается открытым: *призраки, мечты, фантазии, иллюзии, надежды, жизнь, стремления, чувства ...*

Другой характерной семантической оппозицией для русской литературы 1860-х годов является оппозиция: «дым отечества» — «дым чужбины», в которой *дым* выступает в своем прямом значении. Все рассуждения о дыме главного персонажа романа, Литвинова, навеяны чередой трагических эпизодов в его личной жизни заграничного периода. Утраченная и преданная любовь обострили его переживания, и дым паровоза, мчавшего его в Россию, вдруг совершенно неожиданно затмил его сознание. Непосредственно с дымом в романе связан всего лишь один эпизод — возвращение Литвинова на родину. Но именно эта сцена обобщила все прошлое, мысленно связала его с неизвестным будущим, и ее ключевое слово вынесено в заглавие романа. Приведем этот фрагмент, чтобы лучше понять тургеневский замысел. «Ветер дул навстречу поезду; беловатые клубы пара, то одни, то смешанные с другими, более *темными клубами дыма*, мчались бесконечной вереницей мимо окна... Он стал следить за этим паром, за *этим дымом*. Бесперывно *взвиваясь, поднимаясь и падая, крутясь... и тая*, неслись клубы за клубами: они непрестанно менялись и оставались те же...» [10. С. 155–156]. Клубы дыма и пара привлекли внимание Литвинова. Он внимательно всматривался, что происходит с

ними. А они неслись так, как в реальности проходила жизнь главного героя: поднимаясь и падая, крутясь и тая. Именно к таким сравнениям он приходит в своих дальнейших размышлениях: «*Дым, дым*», — повторил он несколько раз; и *всё вдруг показалось ему дымом*, всё собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское. *Всё дым* и пар, думал он, всё как будто беспрестанно меняется <...> *Дым, шептал он, дым; ... Дым, повторял он, дым и пар <...> дым, дым и больше ничего*. А собственные стремления, и чувства, и попытки, и мечты? Он только рукой махнул» [Там же]. Переход от наблюдений за клубами дыма к последующим размышлениям — выводам заканчивается фразой: «...они непрестанно менялись и оставались те же». Разве это не о самом Литвинове, чьи мысли и представления о прошлой собственной жизни и русской жизни вообще напоминают беспрестанно меняющееся движение клубов дыма?

Роман «Дым» вызвал осуждение единомышленников Тютчева, но, пожалуй, только он не ограничился «горькой жалобой на нравственное настроение, проникающее в повесть, и на всякое отсутствие национального чувства», как писал В.П. Боткин [Т. 2. С. 538—539]. Помимо эпиграммы Тютчев откликнулся на роман одноименным стихотворением «Дым», где в довольно прозрачной метафорической форме выразил свои впечатления о прежнем творчестве Тургенева. Роман вышел в марте 1867 года, а эпиграмма и стихотворение были написаны в конце апреля этого же года, то есть сразу же после прочтения романа. Резко отрицательная оценка «Дыма» во многом объясняется тем, что именно в это время Тютчев с особой остротой переживал все те угрозы, которые исходили от западных политиков по отношению к России и славянофильству вообще. В мае этого же года он пишет два стихотворения под названием «Славянам», где выражает надежду на будущее единство славянских народов, их государств и России. В этих стихотворениях он видит Россию не той, какую она показана Тургеневым в его романе. Поэтому вполне обоснованно Р.Ф. Брандт замечал, что стихотворение «Дым» представляет патриотический протест против пессимизма тургеневского «Дыма» [Там же]. В стихотворении с помощью метафор лес и дым дается оценка прошлого творчества Тургенева и его последнего романа. О своем восхищении рассказами «Записок охотника» Тютчев неоднократно писал жене, и оно передается в первой же строфе стихотворения: «Здесь некогда, могучий и прекрасный, / Шумел и зеленел волшебный лес, — / Не лес, а целый мир разнообразный, / Исполненный видений и чудес» [Там же. С. 174].

Лес — это прошлое творчество Тургенева. Образ леса проходит через весь цикл «Записок охотника», он объединяет тургеневских героев, они надолго остаются в памяти читателей: «На перекрестках, с речью и приветом, / Навстречу нам, из полутьмы лесной, / Обвеянный каким-то чудным светом, / Знакомых лиц слетался целый рой» [Там же].

Но прошли годы:

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?
Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым – безотрадный, бесконечный дым! [Там же].

Дым – это всё то, что осталось в настоящем от прошлого, связанного с *лесом*, и, таким образом, в данном случае ядерная оппозиция «прошлое – настоящее» конкретизируется в частной: «лес – дым». В переносном значении *дым* не связан семантически с *огнем*, как в прямом, но, конечно, не утрачивает окончательно огненных ассоциаций. Ведь всё, что в нашем сознании воспринимается дымом в переносном значении, так или иначе возвращается к горению. А после выхода «Дыма» название романа вспоминали при дыме от костров и пожаров. В июле 1868 года дымом был окутан Петербург от горящих лесов и торфяных болот. Жители города задыхались от дыма. Известный цензор и литератор А.В. Никитенко в своем «Дневнике» отметил: «Вечера были бы прелестны, если бы не дым от горящих в окрестности торфа и лесов. <...> В Петербурге буквально каждый день пожары, а в иные дни по несколько одновременно <...> *Дым, дым и дым, только не тургеневский, а настоящий, густой, едкий от горящих вокруг Петербурга лесов и торфа*» [Там же. С. 553]. Один из таких пожаров Тютчев наблюдал по пути из Петербурга в Москву. И уже 20 июля стало известно его стихотворение «Пожары», начинающееся так:

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготее над землей [С. 189].

Тема «дыма» объединяет творчество Тютчева и Тургенева и, пожалуй, возникает необходимость рассматривать тютчевскую и тургеневскую дымную тематику в единстве, выясняя, что их сближает и что разъединяет.

Ю.М. Лотман справедливо заметил, что стихотворения Тютчева составляют «единый текст, парадигму вариантов глубинной смысловой структуры» [11]. Такой поэтический текст Тютчева создается методом циклизации: «Произведений (речь, конечно, идет главным образом о значащих произведениях), не входящих в тематические циклы, у него почти нет...» [12]. Л.В. Пумпянский называет некоторые из этих циклов, хотя о теме «дыма» не упоминает. И это понятно, так как, по его мнению, «полный анализ всего этого явления возможен был бы, конечно, только в специальном филологическом исследовании»

[Там же. С. 11]. Несомненно, что в поэзии Тютчева тема «дыма» образует тематический цикл. Так, во-первых, она проходит через всё его творчество, начиная от «Безумия» и «Успокоения» (1829) до упомянутых стихотворений 1867–1868 годов и стихотворения «Гус на костре» 1870 года. Во-вторых, в разные годы повторяются в стихотворениях одни и те же выражения: «Треск за треском, / *дым за дымом*, / Трубы голые торчат...» («Пламя рдеет, пламя пышет...». 1855); «*Дым за дымом, бездна дыма / Тяготее над землей*» («Пожары». 1868). В-третьих, дым у Тютчева в разных стихотворениях становится предметом сравнения с человеческой жизнью, судьбой. Начало этому положено в стихотворении «Как над горячею золой...» (1829—начало 30-х): «Как над горячею золой / *Дымится свиток и сгорает ... / Так грустно тлится жизнь моя / И с каждым днем уходит дымом*» [Т. 1. С. 117]. Продолжено в стихотворении 1849 года «Как дымный столп светлеет в вышине»: «*Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, — / Не светлый дым, блестящий при луне, / А эта тень, бегущая от дыма ...*» [Там же. С. 210]. «Наша жизнь» у тютчевского персонажа даже не дым, а всего лишь его тень. И если уже в более раннем стихотворении *жизнь уходит дымом*, то возникает вопрос: почему так отрицательно воспринял поэт тургеневское сравнение жизни России с дымом? Ведь еще в 1865 году, то есть за два года до появления романа, в стихотворении «Другу моему Я.П. Полонскому» Тютчев вновь возвращается к теме «Дым — человеческая жизнь»: «Нет боле искр живых на голос твой приветный — / Во мне глухая ночь, и нет для ней утра... / *И скоро улетит — во мраке незаметный — / Последний скудный дым с потухшего костра*» [Т. 2. С. 143]. Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т!!!» (Тютчев!!!) и подчеркнул слова «*во мраке незаметный*» и «*скудный дым*» [Там же. С. 512]. В «дымном цикле» Тютчев в разные годы развивал тему: «Жизнь — дым, тень от дыма», но не мог принять тургеневского обобщения жизни России в целом как дыма, особенно в годы усиления в его творчестве славянофильской тематики. Тютчев и после «Дыма» надеялся, что Тургенев вновь просияет и возвратится в *тот же лес, волшебный и родной*. А ветерок *дымный призрак унесет с собой*.

Литература

1. Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956–1961. Т. 1. С. 742.
2. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М., 1948–1965. Т. 2. С. 1199–1200.
3. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1980–1981.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 184.
5. *Бельская А.А.* Полифония заглавия романа И.С. Тургенева «Дым» // Спасский вестник. 2005. № 12.
6. *Ашукины Н.С. и М.Г.* Крылатые слова. М., 1966. С. 264–266.

-
7. *Чехов А.П.* Степь. Избранные произведения. Минск, 1954. С. 145.
 8. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001. С. 168.
 9. *Тютчев Ф.И.* Поминки // Полное собрание сочинений и письма. В 6 томах. М., 2003. Далее указ. только том и стр.
 10. *Тургенев И.С.* Дым. Новь. Вешние воды. М., 1986.
 11. *Лотман Ю.М.* Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник. Таллинн, 1990. С. 108.
 12. *Пумпянский Л.В.* Поэзия Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л., 1928. С. 19.

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

«Элитарная языковая личность»
и бранная лексика
(на примере идиолекта Ф.М. Достоевского)

© И.В. РУЖИЦКИЙ

доктор филологических наук

© Е.В. ПОТЕМКИНА

кандидат педагогических наук

В статье рассматриваются конституирующие признаки так называемой «элитарной языковой личности», к которым относится соблюдение норм литературного языка, умение создавать сложный текст, владение всеми функциональными стилями, способность к диалогу и др. Показывается относительность этих параметров. В качестве примера анализируются некоторые особенности языковой личности Ф.М. Достоевского, прежде всего относящиеся к использованию писателем в художественной прозе лексики, выполняющей бранную функцию. Делается заключение о строгой избирательности в использовании бранной лексики, мотивированной задачей создания конкретного художественного образа. Расширяется диапазон функций бранной лексики. Высказывается предположение о том, что одним из ключевых параметров элитарной языковой личности

является не отсутствие в речи бранных слов, но способность к осознанному, рефлексивному, и мотивированному их употреблению.

Ключевые слова: элитарная языковая личность, бранная лексика, идиолект, Достоевский.

DOI: 10.31857/S013161170003003-2

The article considers the constitutive features of so-called «elite linguistic identity», which include the compliance with literary language standards, the ability to create a complex text, all language functional styles proficiency, the ability to dialogue, etc. The relativity of these parameters is shown. As an example, some features of Fyodor M. Dostoevsky linguistic identity are analyzed, primarily related to the abusive vocabulary use in fiction. The conclusion is made about the strict selectivity in the use of abusive words, motivated by the creating a specific artistic image task. The range of abusive words functions is broaden. An assumption is made that one of the elite linguistic identity key parameters is not the absence of abusive words in speech but the ability to consciously, reflexively, and motivated their use.

Key words: elite linguistic identity, abusive vocabulary, idiolect, Dostoevsky.

Как только вышла в свет книга Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в лингвистике, в основном отечественной, начался настоящий терминологический бум, вызванный желанием многих ученых, подчас необъяснимым, расширить терминологическую парадигму, ядром которой явилось бы понятие языковой личности. Так появились «коммуникативная личность», «речевая личность», «орфографическая личность», «вторичная языковая личность», «полифункциональная языковая личность», «элитарная языковая личность» и др. В статье речь пойдет об элитарной языковой личности, хотя правомерность этого сочетания и вызывает некоторые сомнения. «Элитарными», то есть ‘лучшими, отборными, избранными’, могут быть семена или растения. Только с начала XIX века слово «элита» стало использоваться по отношению к высшим социальным группам в системе общественной иерархии. Даже такие сочетания, как «деловая элита» и «политическая элита», ласкают слух разве что только самим представителям этих «элит».

Тем не менее постараемся определить содержание данного квази-термина – «элитарная языковая личность», которое можно извлечь из многочисленных работ, посвященных в основном тому, что традиционно всегда называлось «речевая культура»: «Большими лингводидактическими и культурологическими возможностями <...> обладает исследование языковой личности носителя элитарной речевой культуры, или элитарной языковой личности, – своего рода образца для представителей языкового коллектива в области владения языком и использования его ресурсов в общении, признающемся успешным в данной ситуации»

[1. С. 402]. Конституирующими признаками элитарной языковой личности при этом принимают следующие: (1) владение всеми литературными нормами русского языка, отступление от нормы используется намеренно, как языковая игра [см. 2. С. 67]; (2) способность порождать и понимать тексты разной сложности; «элитарная языковая личность, опираясь на прецедентные тексты культуры, сама способна порождать тексты, которые окажутся культурно значимыми для современников и потомков» [Там же. С. 68]; (3) владение «всеми функциональными стилями литературного языка», свободный переход «с одного на другой в зависимости от условий и целей общения, при этом строго разграничивая устную и письменную формы речи» [3. С. 80]; (4) способность порождать «дискурсы, воспринимаемые большими аудиториями, большим количеством людей», поэтому «владение навыками воздействия, убеждения, привлечения внимания, харизматическими чертами поведения» [2. С. 68]; (5) владение «эффективными стратегиями и тактиками в различных видах коммуникации; <...> элитарная языковая личность приветствует обсуждение разногласий, допускает различные точки зрения, не навязывает свою позицию, но пытается как можно полнее и доступнее ее раскрыть» [Там же]; (6) «носитель элитарной речевой культуры – это понятие не только языковой компетенции, но и нравственности, миропонимания, духовности, творческой природы личности – всего того, что является свойствами интеллигента» [4; цит. по: 2. С. 68]; (7) «принадлежность к элитарному типу речевой культуры означает наличие у носителя данного типа целого ряда психологических навыков: выработанность навыков самоконтроля, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, вообще к людям, тяга к знаниям» [5; цит. по: 2. С. 68].

Условность приведенных выше параметров элитарной языковой личности, на наш взгляд, очевидна:

(1) Владеть всеми литературными нормами в принципе невозможно, особенно если принять во внимание относительность самого понятия «норма», ее подвижность и т. д. Ошибки, погрешности, небрежности и т. п. в той или иной мере встречаются в речи любого человека [см. 6]. Что же касается способности и готовности к языковой игре в широком ее понимании, то это, по всей видимости, является обязательной особенностью развитой языковой личности. Так же как и «полистилевая манера речи», она не просто «допускается в элитарной речевой культуре» [7], но развитая языковая личность должна обладать такой способностью – рефлексией над стилем и сознательным смещением стилей в речи.

(2) Понятие «сложность текста» тоже весьма относительно, к тому же непонимание кем-то какого-то текста вряд ли всегда означает, что этот человек не обладает развитой языковой культурой. Более того, «сложность текста» в определенных коммуникативных ситуациях окажется неуместной, то есть, наоборот, умение использовать простой текст покажет степень развития

языковой личности. Еще более абстрактным и труднообъяснимым представляется «культурная значимость текста для современников и потомков».

(3) Владеть всеми функциональными стилями вряд ли возможно, однако развитая языковая личность способна при необходимости овладеть ими. Лингвист, который в стремлении доказать свою «полифункциональность» пытается заниматься литературным творчеством, часто вызывает лишь сожаление, и наоборот, писатель, рассуждающий о каких-то языковых явлениях, представляется очень наивным.

(4) Данный параметр вступает в оксюморонные отношения с понятием элитарности, а «харизматические черты поведения», характеризующие личность вообще, могут быть никак не связаны с личностью языковой, примеров чему множество – в политическом и других дискурсах. И, конечно, размер аудитории оратора часто никак напрямую не соотносится с его речевой культурой.

(5) С этим параметром «элитарной языковой личности» сложно не согласиться, но с одним маленьким дополнением – не только способность к диалогу и его предпочтение, но и умение в определенной ситуации не вступать в диалог, то есть не только речевая способность, но и молчание, паузы становятся значимыми.

(6) Естественно, безнравственную личность сложно назвать «элитарной», хотя это часто и происходит; все дело в том, что в каждом конкретном случае понимать под нравственным и безнравственным. И, конечно, понятие нравственности напрямую никак не связано с развитостью у личности той или иной языковой компетенции.

(7) Все это, так же как и в (6), черты личности вообще.

Таким образом, понятие элитарной языковой личности представляется весьма условным и аморфным, это некий абстрактный конструкт, созданный под влиянием моды на термин «языковая личность». Проще сказать о том, чем «элитарная языковая личность» не является, а точнее – что не должно быть свойственно человеку, обладающему элитарной речевой культурой, однако и здесь возникают определенные сложности, одна из которых связана с возможным использованием в речи бранной лексики. С этой точки зрения рассмотрим в качестве примера особенности языковой личности Ф.М. Достоевского, которую часто считают столь противоречивой, что ее «элитарность» можно поставить под сомнение. Если говорить об особенностях авторского стиля, то большинство исследователей сосредоточивается на трудности восприятия текстов писателя, связанных с достаточно сложным синтаксисом, частым использованием непонятных или малопонятных слов, нарушением закона семантического согласования, многочисленными повторами и т. д. Все это часто оценивается критиками как стилистические погрешности.

Такое «небрежение» словом у Достоевского часто является осознанным, на что одним из первых обратил внимание Д.С. Лихачев [6], полагая,

что нарушение стилистических норм у писателя выполняет вполне определенную функцию — создание неожиданной и чаще всего «неудобной» для понимания ситуации. Сталкиваясь с неточными и двусмысленными формулировками Достоевского, читатель невольно самостоятельно достраивает текст, и тем самым происходит очень эффективное, никем ранее в русской литературе не использованное, втягивание его в рефлексивный процесс. Рассматривая с этой точки зрения использование Достоевским бранной лексики, мы пришли к заключению о том, что и в этом случае имеет место строгая избирательность, мотивированная задачей создания конкретного художественного образа, а иногда и типа языковой личности персонажа.

Приведем алфавитный список обнаруженных нами в художественной прозе Достоевского слов и словосочетаний, которые могут использоваться в бранной функции. Этот список вряд ли можно считать исчерпывающим, но он в достаточной степени репрезентативен:

балбесина, балясина, баран, бараний лоб, барчонок, басурман, безобразный человек, бесстыдник, бестия, бирюлина корова, болван, варвары, варнак, вахлак, ведьма, верхопьяс, висельник, вольнодумец, выжига, вышвырка, лупоглазая гадина, гвоздырь, гнида ты эдакая, голландская рожа, голова, греховодник, дармоед, деспот, дрянь, дура, дурак, дуралей, дурочка, дурачок, дурында, душегубец, ехидна, жид, жид пархатый, злодей/злодейка, змей гремучий, змея, идиот, идол проклятый, изверг, каблук, кадушка, каналья, книга писаная, князь, колбаса, колбасник, колбасница, колодник, колпаки, кошон, кровопивка, крючок судейский, лайдак, лизоблюд, лизун, лохматая, лохмотник, маклак, маска привозная, мерзавец, мерзавцы-безобразники, монумент, мразь, мудрец, негодник, негодный, негодяй, нигилист, нигилистка, нюня, облизына зеленая, обтирка сапога, обшмыга, окаянный, олух, осел, ослы, остолоп, парх, паршивик, паршивка, пашенок, пентюх, пескарь, пехтерь, пес, петля этакая, пивавка, плут, подлец, подлая ты прусская куриная нога в кринолине, полишинель, поросенок, посконная голова, потаскун, проклятый, пупырь, разбойник, ракалья анафемская, распутница, рожа, свинья, сволочь, семя крапивное, скот, слюняй, сопля, сопляк, срамец, смрадная букашка, стерва, сыч, тать окаянный, тварь, телескоп, тряпка, туз, тузовый, тунядец, тупица, ублюдки, упорная сатана, ученый, фанфарон, фигляр, физик, франтиха, фря, фурий, фурия, халдей, хамлет, пьяная харя, пьяный черт, цыганка, чума бендерская, чумичка, чучела, шваль, шельма, шельмец, шенапан, шлепохвостница, шлюха, шпага французская, шут, шушера, язва сибирская, язевый лоб, язычник.

Остановимся на некоторых случаях употребления слов в бранной функции, когда их выбор писателем строго детерминирован и связан с текстом концептуально, что раскрывается через семантику самого бранного слова.

В «Преступлении и наказании» Раскольникова (и больше никого у Достоевского) называют «выжигой»:

«— Выжига! — крикнула баба. — Да чего с ним толковать, — крикнул другой дворник, огромный мужик, в армяке нараспашку и с ключами за поясом. — Пшол!.. И впрямь выжига... Пшол! <...> — Нечего связываться, — решил большой дворник. — Как есть выжига! Сам на то лезет, известно, а свяжись, не развяжешься... Знаем!» [8. Т. 6. С. 135].

«Выжига» в словаре В.И. Даля — ‘ухорез, пройдоха, опытный и бывалый мошенник’, изначально — человек, разграблявший могилы чиновников ради расшитых золотом мундиров, то есть добывающий золото путем сжигания украденной или даже снятой с трупа одежды. Таким образом, в контексте преступления Раскольникова происходит совмещение этимологического значения этого слова и его употребления в бранной функции.

Особую метатекстовую, то есть тесным образом соотносимую с ситуацией общения, функцию выполняет в романе «Преступление и наказание» слово «подлец»:

«[Мармеладов] Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» — Он задумался. — Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не подлец человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное все — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..» [Там же. С. 25]; «[Раскольников] “Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подломом называет”, — прибавил он через минуту» [Там же. С. 123]; «[Порфирий Петрович Раскольникову] Вышло-то подло, это правда, да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец!» [Там же. С. 351]; «[Раскольников] О, я знал, что я подлец, когда я сегодня, на рассвете, стоял над Невой!» [Там же. С. 401].

Скрытое этимологическое значение этого слова — ‘человек из просто-народья’, то есть ‘подчиняющийся’, имплицитно присутствует и в этом случае. В собственно бранном, оскорбляющем другого, значении «подлец» в «Преступлении и наказании» не используется, чего нельзя сказать о других текстах писателя (всего слово «подлец» в текстах полного собрания произведений Достоевского употребляется 396 раз: 347 в художественной прозе, 17 — в публицистике, 32 — в письмах).

В «Подростке» Аркадием Долгоруким осмыслиется «роковое слово» «безобразный», которое само по себе не являясь бранным, но входит в одно словообразовательное гнездо с «безобразник» и используется в тексте романа в составе сложного слова «мерзавцы-безобразники»:

«[Макар Иванович] Безбожника-то я совсем не встречал ни разу, а встречал заместо его суетливого — вот как лучше объявить его надо. Всякие это люди; не сообразишь, какие люди; и большие и малые, и глупые

и ученые, и даже из самого простого звания бывают, и все суета. <...> благообразия не имеют, даже не хотят сего; все погибли, и только каждый хвалит свою погибель, а обратиться к единой истине не помыслит; а жить без бога — одна лишь мука. <...> Идолопоклонники это все, а не безбожники, вот как объявить их следует» [Т. 13. С. 303]; «[Аркадий Долгорукий] Макар Иванович, вы опять употребили слово «благообразие», а я как раз вчера и все дни этим словом мучился... да и всю жизнь мою мучился, только прежде не знал о чем. Это совпадение слов я считаю роковым, почти чудесным... Объявляю это в вашем присутствии... <...> Для меня, господа, — возвысил я еще пуще голос, — для меня видеть вас всех подле этого младенца (я указал на Макара) — есть безобразие» [Там же. С. 305]; «[Татьяна Павловна Аркадию] Э, убирайся, шут! Сам-то небось тоже, как воробей, влюблен — отец [Версильов] с сыном в один предмет! Фу, безобразники!» [Там же. С. 394]; «[Татьяна Павловна Аркадию] Ах, пашенок! Так это письмо в самом деле у тебя было зашито, и зашивала дура Марья Ивановна! Ах вы, мерзавцы-безобразники! Так ты с тем, чтоб покорять сердца, сюда ехал, высший свет побеждать, Черту Ивановичу отметить за то, что побочный сын, захотел?» [Там же. С. 433]

Бранная функция слова «безобразник» в романе «Подросток» совмещается со значением ‘человек, потерявший благообразие’, то есть человеческий облик. Такое же совмещение значений слова «безобразник» мы находим в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах» и «Дневнике писателя».

Еще одно характерное бранное слово, которое мы часто встречаем не только у Достоевского (исключительно в художественной прозе), но и, например, у Лескова, — «сволочь». При этом во всех случаях слово «сволочь» у Достоевского имеет собирательное значение (*медицинская сволочь, вся эта сволочь, вся сволочь и шушера, рулеточная сволочь* и т. п.), частично раскрывающееся в речи Хроникера из «Бесов»:

«<...> В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки. Я не про тех так называемых «передовых» говорю <...> Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается. <...> Какие-то Лямшины, Телятниковы, помещики Тентетниковы, замороженные сопляки Радищевы, скорбно, но надменно улыбающиеся жидашки, хохотуны заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы, поэты взамен направления и таланта в поддевках и смазных

сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностью своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос <...> Уж если Варвара Петровна, до самой катастрофы с ее сынком, состояла чуть не на посылках у всей этой сволочи, то другим из наших Минерв отчасти и простибельна их тогдашняя одурь» [Т. 10. С. 354].

В Словаре В.И. Даля «сволочь» – ‘дрянной люд, шатуны, воришки, негодяи, где-либо сошедшиеся’; у Достоевского – ‘собирающиеся в смутное время вместе люди, совершающие или готовые совершить подлые поступки’.

Помимо строгой обусловленности использования бранной лексики авторскими интенциями, такого же рода детерминированность мы видим во взаимосвязи сквернословия с типологическими чертами персонажей Достоевского, принимая также во внимание личность адресата, на которого направлена брань. Выделим основные типы персонажей, использующих у Достоевского бранную лексику.

1. Разорившиеся (обедневшие) помещики или чиновники, обращающиеся чаще всего к своим слугам или родственникам:

«[Голядкин Петрушке] Болван! Не можешь сказать принесли-с» [Т. 1. С. 111]; «[Фома Фомич Фалалю] Поди сюда, идиот, румяная ты рожа!..» [Т. 3. С. 61]; «[Марья Александровна о Никитке] У меня есть предчувствие, что этот изверг Никитка непременно испортит обед! Я уверена, что он уже пьян... | <...> вместо того чтоб идти присмотреть за извергом Никиткой, Настасья Петровна проходит в зал» [Т. 2. С. 319].

Бранная лексика здесь и в подобных случаях употребляется, с одной стороны, для номинации лица, то есть как собственно оскорбление, с другой стороны, намеренное повторение бранных слов по отношению к одному и тому же адресату эксплицирует и другую их функцию – ярлыка. Чаще всего такое словоупотребление встречается в речи персонажей-самодуров, создающих посредством многочисленных ругательств вокруг себя некоторую эпатажность.

2. Речь арестантов и их надсмотрщиков в «Записках из Мертвого дома», а также Федьки Каторжного:

«– Подлец ты, а не каган!» [Т. 4. С. 24]; «– Подлец! – Варнак! – И пошла опять ругань, еще больше, чем до потчеванья» [Там же. С. 113].

3. Речь однозначно отрицательных персонажей, «персонажей-хищников», например Петра Верховенского:

«Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [Т. 10. С. 325]; «Я с

вечера выдаю деньги, с тем чтоб он и сестрица завтра чем свет отправлялись; поручаю это дельце подлецу Липутину, чтобы сам посадил и отправил. Но мерзавцу Липутину понадобилось сошкольничать с публикой <...>» [Там же. С. 403]

Анализ речи персонажей-арестантов и «персонажей-хищников», к которым можно, помимо Петра Верховенского, отнести также Валковского, Лужина и некоторых других, показывает, что в обоих случаях количество употребляемых ими бранных слов, по сравнению с первой группой персонажей (Фома Фомич, Голядкин, Марья Александровна и т. п.), намного меньше. Если в речи Верховенского бранная лексика и используется, то чаще всего это происходит осознанно, как часть заранее подготовленной, выверенной реплики. В речи Лужина и Валковского бранные слова и вообще отсутствуют.

Логично было бы предположить, что наибольшее количество бранных слов будет в речи арестантов, каторжников, однако у Достоевского все ровно наоборот. Арестанты – «диалектики-ругатели» – не злоупотребляют бранной лексикой, но используют их дозированно и строго мотивировано: «Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у них в науку; старались взять не столько обидным словом, сколько обидным смыслом, духом, идеей – а это утонченнее, ядовитее» [Т. 4. С. 13], тогда как их надсмотрщики, напротив, чаще перестают себя контролировать. О них соответствующим образом отзывается и сам Достоевский в письме М.М. Достоевскому о плац-майоре Кривцове: «Каналья, каких мало, великий варвар, сутяга, пьяница, все, что только можно представить отвратительного» [Т. 28. Кн. 1. С. 170].

4. Речь героев, находящихся в возбужденном, неконтролируемом эмоциональном состоянии:

«[Голядкин] Ах ты голова, голова! ведь и утерпеть-то не можешь ты, чтоб не провраться, как мальчишка какой-нибудь, канцелярист какой-нибудь, как бесчиновная дрянь какая-нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая-нибудь, сплетник ты этакой, баба ты этакая!.. Святые вы мои! И стишки, шельмец, написал и в любви ко мне изъяснился! Как бы этак, того... Как бы ему, шельмecu, приличнее на дверь указать, коли воротится?» [Т. 1. С. 160]; «[Лембке] Негодяй! – крикнул он, указывая на Лямшина. – Схватить мерзавца, обернуть... обернуть его ногами... головой... чтоб голова вверху... вверху! <...> Выгнать всех мерзавцев, которые смеются!» [Т. 10. С. 391].

5. Ругательства, обращенные персонажами на самих себя:

«[Егор Ильич] Ну, да ведь она [Агафья Тимофеевна], братец, grande dame, генеральша! добрейшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему эдакому утонченному... не чета мне, вахлаку!» [Т. 3. С. 11]; «[Антониды Васильевны] Экая дура! экая дурында! Старая ты, старая дурында!» [Т. 5. С. 277]; «[С.Т. Верховенский Софье Матвеевне] Я негодяй! О, я всю жизнь

был бесчестен <...> Я вам давеча все налгал, — для славы, для роскоши, из праздности, — все, все до последнего слова, о негодай, негодай!» [Т. 10. С. 496].

6. Оскорбление какого-либо лица во внутреннем монологе персонажа:

«Кто живет дольше сорока лет, — отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодаи живут» [Т. 5. С. 100]; «[Раскольников] Вот они снуют все по улице взад и вперед, и ведь всякий-то из них подлец и разбойник уже по натуре своей; хуже того — идиот!» [Т. 6. С. 401]; «[Хроникер о Лямшине] У мерзавца действительно был талант. Степан Трофимович уверял меня однажды, что самые высокие художественные таланты могут быть ужаснейшими мерзавцами и что одно другому не мешает. <...> Этот негодай, который несколько лет вертелся пред Степаном Трофимовичем, представляя на его вечеринках, по востребованию, разных жидков, исповедь глухой бабы или родины ребенка <...>. Я не заговорил бы об этом мерзавце особливо, и не стоил бы он того, чтобы на нем останавливаться; но тут произошла одна возмущающая история, в которой он, как уверяют, тоже участвовал <...>» [Т. 10. С. 252].

Рассмотренные случаи показывают, что бранная лексика у Достоевского далеко не всегда направлена на оскорбление кого-либо, что является ее прямой функцией, она также часто или выступает в роли аффективов, приобретая междометный характер, или, наоборот, употребляется осознанно и взвешенно, как, например, в абсолютно размеренной, правильно оформленной речи Федьки-Каторжника. Другими словами, экзальтированная, взволнованная речь не обязательно волнует, а неэмоциональная речь может возбудить у слушателя эмоции, что в очередной раз говорит о способности Достоевского соединять несхожее по форме, стилю и значению для создания феноменального, то есть трудно постигаемого смысла.

Диапазон функций бранной лексики, таким образом, может существенно расширяться: кроме интенции оскорбить мотивацией является вуалирование, сокрытие смысла; в некотором роде противоположная функция — парольность, снятие оппозиции свой/чужой; бранные слова часто используются для заполнения пауз в речи; говорящий, например интеллигент или интеллектуал, публично употребляет табуированное бранное слово для того, чтобы произвести впечатление или показать свою независимость от существующих норм, и т. д. Можно предположить, что одним из ключевых параметров элитарной языковой личности, если воспользоваться этим устоявшимся штампом, является не отсутствие в речи бранных слов, но способность к осознанному, рефлексивному, и мотивированному их употреблению. Что, впрочем, можно сказать об употреблении вообще любого слова.

Литература

1. Салимова Л.М. Элитарная языковая личность и проблемы интертекстуальности // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 4. С. 402–407.
2. Ланно М.А. Кого можно назвать носителем элитарной речевой культуры? // *Русская речь*. 2014. № 4. С. 67–72.
3. Сиротинина О.Б. Риторическая грамотность как составляющая речевой и общей культуры человека // *Известия Саратовского ун-та*. 2003. Т. 3. Вып. 2. С. 80–83.
4. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. СПб., Саратов, 2005.
5. Сиротинина О.Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь // *Хорошая речь: Коллективная монография* / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001. С. 222–228.
6. Лихачев Д.С. «Небрежение словом» у Достоевского // *Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1976. Т. 2. С. 30–41.
7. Дымарский М.Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // *Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы*. Вып. 4. Сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 173–186.
8. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 1, 2, 3, 5, 6, 10, 13, 28 (кн. 1).

МГУ им. М.В. Ломоносова

Художественные функции устаревших слов в «Солдатах» И.С. Шмелева

© Л.В. КОВАЛЕВА,
доктор филологических наук

Статья посвящена художественным функциям устаревшей лексики в произведении И.С. Шмелева «Солдаты». Понимание значения устаревших слов приближает читателя к описываемой автором эпохе. В статье дается определение устаревшей лексике, приводятся многочисленные примеры. Лексемы даются с толкованием их происхождения, развития и употребления. В статье делается вывод о том, что разнообразие лексики в произведении Шмелева служит раскрытию художественного замысла писателя.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, «Солдаты», устаревшая лексика.

DOI: 10.31857/S013161170003004-3

The article is devoted to the analysis of national peculiarities of outdated lexicon in I.S. Shmelev's work «Soldiers». It is an attempt to study the language of this work in terms of identifying cultural, domestic and historical features in it. Understanding the meaning of outdated words is necessary for the reader to learn more about the bygone era. The article defines the outdated vocabulary, gives numerous examples that allow us to uncover Russian traditions of period covered the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. Examples of lexemes are given with an interpretation of their origin, development and use. The article concludes that the variety of vocabulary in Shmelev's work serves the writer's intention – to depict not only the history of Russia, its heroes, but also simple soldiers – defenders of the Fatherland.

Keywords: I. S. Shmelev, «Soldiers», archaic words, archaisms.

В нашей работе представлена попытка исследования устаревшей лексики произведения И.С. Шмелева «Солдаты» с точки зрения отражения особенностей жизни и быта персонажей как источника культурологической информации.

К разряду устаревшей лексики относятся слова, которые в толковых словарях имеют стилистические пометы «устар.» и «стар.» или

специальные графические пометы, а также указание на исторический характер реалии в самой словарной статье [1].

Основными лексико-семантическими разрядами устаревшей лексики являются архаизмы и историзмы. Как известно, архаизмы представляют собой слова, устойчивые сочетания и лексико-семантические варианты слов, «называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами»; а историзмы — слова, устойчивые сочетания и лексико-семантические варианты слов, «вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий» Как отмечается в научной литературе, время устаревания словесных единиц в значительной степени определяет и степень их устаревания [Там же]. Среди анализируемой лексики можно выделить лексемы, которые стали менее употребительными, но еще известны носителям языка; лексемы, которые являются малоупотребительными и редко встречаются в текстах; лексемы, которые уже совсем вышли из употребления и неизвестны многим носителям языка [2].

Понимание таких слов для современного читателя является достаточно затруднительным. Чем больше проходит времени с момента написания произведения, тем больший процент устаревших слов встречается в нем. Но здесь следует подчеркнуть, что функции устаревшей лексики в произведении Шмелева «Солдаты» еще никем детально не рассматривалась.

У русского народа существуют свои традиции приготовления тех или иных блюд, своя русская национальная кухня, отражающая образ жизни людей. Многие блюда являются специфически русскими, характерными только для русских. Шмелев в своем произведении наглядно раскрывает эту традицию. Так, например, писатель, описывая кухню русских солдат, отмечал, что на обед подают похлебку и кашу со шкварками: «Капитан попробовал похлебку, кашу со шкварками. Одобрил. Покатал в пальцах мякиш, понюхал» [3].

Лексема *похлебка* — «род супа из картофеля или крупы» [1] — восходит к глаголу *хлебать*, от которого произошли древнерусский глагол *хлебнути* и русский — *хлепать*. В допетровские времена похлебками называли все жидкие блюда в России. Слово *суп* иностранного происхождения, и появилось оно только в эпоху Петра Первого. Вначале им называли иностранные жидкие блюда. Позднее супом стали именовать и русские жидкие блюда — похлебки.

В России крестьяне сеяли рожь, пшеницу, ячмень, из которых после обмолота и помола на мельнице получали муку и пекли вкусный ароматный хлеб — *ситник* (ситный хлеб): «Он дал Федосеичу, фельдфебелю, три рубля: “на ситники им, на завтра!” *Ситный* — просеянный через сито хлеб высокого качества.

Представления, связанные с выпечением хлеба в русской культурной традиции, являются самым важным культурным символом. Часто мука

заканчивалась, и тогда выпекали калабушки: «Солдаты... тащили в мешках душистые калабушки хлеба». *Калабуха* (в русской народной сказке — колобок) — истинно русское название хлебного изделия, выпекавшегося из колобкового теста. Колобки пекли тогда, когда заканчивались запасы муки для выпечки хлеба. На колобок шли остатки разной муки: пшеничной, ржаной, овсяной, ячневой и т. д., — все, что было в доме. Таким образом, мука была не однородной, а смешанной. В известной русской сказке о колобке вспоминаем: «по сусекам поскребла». Именно этот сбор муки разного качества придавал определенный характер колобковому тесту, изделие из которого было не очень качественное. Колобковое тесто с закваской обеспечивало пышный, ноздристый, мягкий, пропеченный и долго не черствеющий хлеб, который имел круглую, шарообразную форму, и именно это свойство отразилось в сказке о колобке.

В романе «Солдаты» есть и описание праздничных блюд: «Был бесконечный ужин, с необыкновеннейшим осетром на блюде, пулярдами в пестрых перьях, индейками с рапущенными хвостами, с «парижскими пирогами», с корзинами тонких фруктов, с бешенною пальбой шампанского, с коньяками, с ликерами, с кошелками соленого миндаля, фисташек» [Там же]. *Пулярды* — пулярки — «кастрированные куры, используемые для откорма и дающие мясо особенно хорошего качества. С развитием откорма цыплят (бройлер) и утят пулярды в настоящее время потеряли свое значение» [4].

Описываемые предметы интерьера так же не всегда понятны читателю: «На полках красовались солоницы, бураки, ковши. По карнизам тянулись вышивки-подзоры».

Лексема *солоница* означает «сосуд для соли, солонка». В русской традиции солонки изображали в виде плывущей утки. Большой утиный клюв соединялся с грудью утки, и образовавшаяся петля служила удобной ручкой. Поднимающаяся спинка (крышка солоницы) укреплена и отводится в сторону. Внешний вид солоницы передает характерные черты плывущей птицы, которая для многих районов России, в частности для Северной Двины и Архангельской области, была самой распространенной формой солоницы. Образ утки когда-то тесно связывался со свадебным обрядом. Ее считали в народе покровительницей семейного счастья [5].

Бурак — сосуд с крышкой из бересты цилиндрической формы, который использовался крестьянами для хранения молока, воды или сыпучих продуктов.

Подзор — кружевная кайма, оборка на чем-либо — декоративная деталь, украшающая постель в крестьянском жилище. Подзор представляет собой полосу с вышивкой или кружевом, пришиваемую к одному из длинных краев простыни, так что при застеленной постели подзор остается открытым и свисает над полом. В кружевных подзорах, обычно белого цвета, используется геометрический или растительный

орнамент, изображаются бытовые сценки обычно свадебного характера с участием молодых и других участников обряда. Вышивка на подзорах являет собой одну из самых ярких страниц художественного творчества и мастерства русской женщины.

В тексте романа встречаются названия русской мебели: *залавок*, *поставец*. *Залавок* представляет собой длинный сундук, который служил в крестьянском доме в качестве сундука для хранения предметов обихода и других вещей, одновременно служивший как скамья или стол. *Поставец* крестьянского дома — это низкий шкаф, который устанавливался в избе на скамью.

Вводит Шмелев в свой текст и названия одежды, например, *чуйка*: «Это огородник Валунов... фи-гура! Из такого теста Ломоносовы выходят. Был подпаском. И вот, от лаптя — чуть ли не миллионер. И, уверяю вас, ровно никого не грабил. Не смотрите, что он в чуйке. Чуйка его эта стоит дороже сюртука со смокингом».

Чуйка — это верхняя мужская суконная одежда в виде длинного кафтана. Такая одежда была распространена в России в девятнадцатом веке и в начале двадцатого. Чуйку носили в основном в городской мещанской среде: ремесленники, мелкие торговцы.

Солдаты носили *сери* — шинель, свернутую особым образом в трубку и связанную в концах для ношения через плечо: «Тяжелая черная колонна, в серых скатках через плечо, с лесом штыков над нею, стала грузно спускаться с плаца» [Там же].

Встречаются в романе и непонятные современному читателю средства передвижения: «Загромыхали колокольцы, застучало. Он пригляделся: парой в тарантасе, почта. Проехала». *Тарантас* — четырехколесная конная повозка на длинных дрогах (продольной раме), уменьшающих дорожную тряску в длительных путешествиях. Была распространена в России первой половины XIX века. Рассчитана, как правило, на четырех пассажиров [1]. «Он сел в пролетку. Судейский что-то ему шептал, нагнувшись. Бураев обогнал пролетку с кучером-солдатом». *Пролетка* — легкая четырехколесная двухместная повозка.

Некоторые лексемы используются Шмелевым в переносном смысле, в связи с чем особенно важно знать значение устаревшего слова, иначе не будет понят смысл высказывания. К таким словам относится *кряжик*: «Наши кряжики-то тоже, сам с усам. Политики. А вот. Мокей наш давно готовит труд «Русские основы», томов, говорил, на пять» [Там же]. *Кряжик* представляет собой толстый короткий обрубок бревна из близкой к корню части дерева. Образ толстого короткого бревна в переносном значении используется Шмелевым для описания коренастого человека крепкого телосложения.

Семья Шмелева была глубоко религиозной, поэтому писатель с детства знал и соблюдал все церковные праздники.

В романе «Солдаты» Шмелев описывает пасхальный дрожжевой хлеб, который называется *Артос* (по-гречески *άρτος* – ‘хлеб’). Это высокий хлеб цилиндрической формы, в “центре которого помещено изображение воскресшего Христа». Он освящается на Пасхальной седмице обязательно в храме. Так как артос символизирует присутствие Христа, его называют «хлебом жизни» [6]. «Его преосвященству маслице мое по вкусу. Артоса мне прислал, три фунта!» [3].

Как видим, анализ лексики произведения дает возможность читателю почувствовать атмосферу того времени, в котором жили герои, а также ощутить широту изобразительного потенциала русской лексики.

Литература

1. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 2001.
2. *Загоровская О.В.* Состав и основные разряды устаревшей лексики в русском языке новейшего периода. Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии. Воронеж, 2013. С. 69–77.
3. *Шмелев И.С.* Солдаты. URL: <https://azbyka.ru/fiction/soldaty/>. (дата обращения 23.10.2017).
4. Сельскохозяйственный словарь-справочник. М.–Л., 1934.
5. Русская народная резьба и роспись по дереву: Из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. М., 1974.
6. *Мовлева Н.С.* Малый православный толковый словарь. М., 2005. С. 28.

Воронежский государственный технический университет

Из истории ранних русских переводов Шарля Бодлера

© С.В. САПОЖКОВ,
доктор филологических наук

В статье приводится подробный сравнительный лингво-стилистический анализ перевода стихотворения в прозе Ш. Бодлера «Толпы», выполненного Н.М. Минским (1856–1937) и В.И. Бибиковым (1863–1892). К переводу этого текста в разное время обращались Д.С. Мережковский, Ф. Сологуб и др. поэты рубежа веков. Доказывается, что перевод мог послужить Минскому одним из источников эстетической концепции статьи «Старинный спор», раннего (1884) манифеста русского символизма.

Ключевые слова: «новые романтики», «Старинный спор» Н. Минского, «Толпы» Ш. Бодлера, «искреннее» творчество, С. Надсон, «Три портрета. Стендаль – Флобер – Бодлэр» В. Бибикова, П. Якубович, «Речь о Пушкине» Ф. Достоевского, «мэонизм».

DOI: 10.31857/S013161170003005-4

The article provides a detailed comparative linguistic and stylistic analysis of the translation of the poem in S. Baudelaire's prose «Crowds», made by N. Minsky (1856–1937) and V. Bibikov (1863–1892). The translation of this text at different times appealed To D. S. Merezhkovsky, Sologub and other poets of the turn of the century. It is proved that this translation could serve Minsky as one of the sources of the aesthetic concept of the article «Ancient dispute», this early (1884) Manifesto of Russian symbolism.

Keyword: «new romantics», «Ancient dispute» by N. Minsky, the «Crowd» by Charles Baudelaire, «warm» creativity, S. Nadson, «Three portraits. Stendhal – Flaubert – Baudelaire» by V. Bibikov, P. Yakubovich, «Speech on Pushkin» by F. Dostoevsky, «maonism».

Восьмидесятые годы XIX века – сложный период в истории русской литературы. Кризис народничества, усиление консервативных тенденций в сфере общественно-политической мысли, вызванное убийством Александра II, закат классической эпохи русской литературы и первые ростки модернистской эстетики. К ним, в частности, принадлежит статья Н.М. Минского «Старинный спор», опубликованная в киевской газете «Заря» в 1884 году. До сих пор остается нерешенным вопрос о возможных западноевропейских источниках

этого программного документа раннего русского символизма, среди которых, по нашему мнению, почетное место должно быть отведено творчеству великого французского поэта Шарля Бодлера.

Есть все основания полагать, что с поэзией автора «Цветов зла» Минский, как, впрочем, и его коллега по киевскому кружку «новых романтиков» И.И. Ясинский, могли познакомиться еще в пору их совместного сотрудничества в петербургском журнале «Слово», где в 1878 году увидели свет первые переводы стихотворений из «Цветов зла», выполненные поэтом-народником П.Ф. Якубовичем. Кроме того, сотрудники журнала активно посещали «флоберовские вечера» в доме князя А.И. Урусова, известного адвоката и литературного критика. Поэт С.А. Андреевский в позднейшем письме к Ясинскому от 26 декабря 1910 года вспоминал об атмосфере, царившей на «флоберовских вечерах»: «Мы с Вами встретились в кружке Урусова и Коропчевского (Д.А. Коропчевский – один из редакторов «Слова». – С.С.). <...> То был особый островок в литературе: научные эстетсы. В этой маленькой партии уже зарождалась революция против бесшабашного позитивизма» [1]. Урусов был авторитетным пропагандистом и переводчиком в России творчества Бодлера [2].

Совокупность фактов, здесь перечисленных, дает законную возможность поставить вопрос о специфике рецепции Бодлера на раннем этапе формирования модернистской эстетики в России – вопрос, заметим в скобках, к исследованию которого компаративистика еще только приступает [3].

Речь идет об одном из самых ударных мест статьи Минского. Автор «Старинного спора» формулирует новый критерий художественной правды, требуя от писателя так называемой искренности взгляда на мир. Акцентируя преимущества художественного познания действительности перед научным, Минский утверждает: «Миросозерцание для ученого является последней целью, вершиной всех его трудов. <...> Для художника же миросозерцание есть не цель, но исходная точка, первый толчок для деятельности. Ему мир *кажется* добрым или злым, светлым или мрачным; не путем рассуждения он дошел до этого вывода, он просто *видит* мир таким или другим (Курсив автора. – С.С.)». И далее: «Если цель художника достигнута, если в своем произведении он отразил мир вполне таким, как он ему казался, то подобное произведение мы называем правдивым, не научно, но художественно... Единственный критерий художественной деятельности – искренность художника – и только» [4].

Спустя год после публикации «Старинного спора» в рецензии на «Стихотворения» С. Надсона (1885) критик почти дословно повторяет свой программный тезис: «Вообще говоря, поэт – не философ, для которого обязательны единство и цельность миросозерцания. Быть искренним в каждую минуту творчества – вот обязанность его, и если один раз его вдохновляет вера, а другой – сомнение, он так же мало ответственен за

эту непоследовательность, как музыкант, в душе которого наивно и весело шепетала мелодия колыбельной песенки, а сегодня гудят торжественные и скорбные звуки похоронного марша» [5. С. 489–490]. И теперь вновь, уже вторично по ходу рецензии, ссылается на авторитет Бодлера. «Вспомним слова Бодлера, — резюмирует он в заключение. — “Поэт пользуется ни с чем не сравнимым преимуществом существовать, по желанию, в себе и вне себя. Подобно блуждающей душе, ищущей тела, лишь он один может, когда захочет, проникнуть во все окружающее. Для него одного все открыто...”» [Там же. С. 490]. Минский прямо не называет источник цитаты, но нетрудно установить, что он цитирует в собственном переводе известное стихотворение в прозе Бодлера «Толпы». Оно-то и призвано подтвердить исповедуемый критиком идеал «искренного творчества».

Этот текст французского поэта выпал из поля зрения исследователей, пытавшихся установить генезис эстетической концепции «Старинного спора». С одной стороны, он, казалось бы, подтверждает гипотезу о бодлеровской концепции свободы фантазии художника как об источнике эстетических построений Минского 1884–1885 годов [6]. С другой, он же демонстрирует, что эта концепция возникла в критике Минского в совершенно оригинальном литературном контексте, будучи предварительно пропущенной через восприятие современной Минскому народнической поэзии «упадка», точнее ее специфически русского варианта, представленного творчеством Надсона. Наличие подобного «посредника», естественно, не могло не деформировать исходной «бодлеровской» составляющей эстетических взглядов автора «Старинного спора». В чем же заключалась эта деформация?

В поисках ответа на вопрос будет целесообразно сопоставить перевод Минского с переводом этого же стихотворения в прозе Бодлера, выполненным другим участником кружка «новых романтиков» — В.И. Бибиковым (1863–1892), и включенным им в книгу «Три портрета. Стендаль — Флобер — Бодлэр» (1890), правда, с измененным заглавием: не «Толпы», а в единственном числе — «Толпа». В переводе Бибикова то место бодлеровского «стихотворения в прозе», которое приводится в рецензии Минского, выглядит так: «Поэт наслаждается этим несравненным преимуществом и по своей воле живет то самим собой, то перевоплощаясь в другого. Как те блуждающие души, которые ищут тела, он входит в существо любого человека, когда захочет. Для него одного доступно все; и если некоторые области кажутся закрытыми для него, то потому только, что в его глазах посещение их не имеет никакого значения. Одинокий и задумчивый путник упивается этим всемирным общением <...> Он переживает как свои собственные все радости и несчастья, смотря по обстоятельствам» [7. С. 222–223].

Данный отрывок показывает, что коллега Минского по кружку «новых романтиков» понял бодлеровский принцип свободы творческой фантазии

несколько иначе, чем автор «Старинного спора». Перевод Бибикова значительно смягчает, а местами и нейтрализует звучащую в переводе Минского бодлеровскую апологию самоценности вдохновения и фантазии художника. В переводе Бибикова явно ощущается привкус религиозно-экстатического переживания творчества как «всемирной отзывчивости» гения, о чем свидетельствуют такие формулы, как «*перевплощаясь в другого*», «*входит в существо любого человека*», «*переживает как свои собственные все радости и несчастья*», «*упивается этим всемирным общением*». Они весьма напоминают религиозно-мессианский пафос всем хорошо памятной речи Ф.М. Достоевского, с ее знаменитым тезисом о «всемирной отзывчивости» гения Пушкина. В оригинальном тексте Бодлера этих образов нет: вместо «перевплощаясь в другого» — более строгое и точное «*может по желанию быть самим собой или другим*» [8] («*qu'il peut à sa guise être lui-même et autrui*») [9. С. 196]; вместо «упивается этим всемирным общением» — более прозаическое «*извлекает особенное упоение из этого общения с толпой*» («*tire une singulière ivresse de cette universelle communion*») [Там же]. Ориентация Бибикова на пушкинскую речь Достоевского особенно заметна в переводе финального пассажа бодлеровского текста, сплошь стилизованном под православно-учительскую риторику: «То, что люди называют любовью, слишком ничтожно, ограничено и слабо в сравнении с этой невыразимой оргией, с этим *святым унижением души*, которая отдается вся *во имя поэзии и человеколюбия* каждому встречному, каждому прохожему» (Курсив здесь и далее наш. — С.С.) [7. С. 223]. Опять-таки в тексте Бодлера эти образы поданы речче и более нервно: «...с этой невыразимой оргией, с этой священной проституцией души, которая всецело отдается — сама поэзия и само великодушие — первой неожиданности и первому прохожему-незнакомцу» («*à cette ineffable orgie, à cette sainte prostitution de l'âme qui se donne tout entière, poésie et charité, à l'imprévu qui se montre, à l'inconnu qui passe*») [9. С. 196]. Следовательно, Бибилов несколько преувеличивает смысловые возможности бодлеровского текста, форсируя трактовку личности художника как «всемирно-отзывчивого» гения и, тем самым, воскрешая органическую, интуитивную концепцию эстетического познания, восходящую к Ф. Шеллингу и своеобразно преломленную в православно-мессианской образности, характерной для пушкинской речи Достоевского [10].

И, возможно, Бибилову, переключившему содержание «Толп» Бодлера в религиозно-утопический план, «пример» подал сам автор знаменитой речи. Например, мотив странничества, трактуемый в речи как стержневой для всей русской культуры, в высшей степени характерен и для бодлеровского образа художника. Образ Алеко как тип «несчастливого скитальца в родной земле» [11. С. 137] явно соотносится с образом бодлеровского поэта, «одинокого и задумчивого скитальца» [12. С. 42], от рождения питающего «ненависть к домашнему очагу и страсть к путешествиям»

[Там же. С. 41]. Удивительная способность Пушкина «перевоплощаться» в «чужую национальность», «в дух чужих народов» [11. С. 146], как уже говорилось, — образ, возможно, навешанный аналогичными мотивами текста Бодлера: «...он усваивает себе все профессии, переживает, как свои, все радости и все бедствия, которые преподносит ему случай» [12. С. 42]. Наконец, сам бодлеровский образ «живого и отзывчивого поэта» [Там же. С. 41] принимает в речи Достоевского грандиозные очертания пророческого дара, демонстрирующего «стремление ... ко всемирности и ко всечеловечности», «к воссоединению людей» [11. С. 147]. Объединяет оба текста и установка на мессианское призвание Поэта. В «Толпах» Бодлера поэт от «общения со всем миром» испытывает такое «таинственное упоение», которое знакомо «основателям колоний, пастырям народов, отцам-миссионерам, заброшенным на край света» и живущим «в лоне созданной их гением обширной семьи» [12. С. 42–43]. В речи Достоевского этот мотив многократно усилен: «настоящий русский» поэт наделяется пророческим даром «указать исход европейской тоске своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» [11. С. 148].

Впрочем, «подтягивание» образа художника, как он запечатлен в творчестве Бодлера, к «диалогической», универсально-«отзывчивой» концепции бытия — прецедент на русской культурной почве, имеющий тенденцию перерасти в устойчивую закономерность. Недаром же народник П.Ф. Якубович увидел в творчестве французского поэта «не растлевающее влияние, а, напротив, — возвышающее и одухотворяющее» (письмо к Н.М. Михайловскому от 25 сентября 1896 года) [13]. Во вступительной статье к «Цветам зла», изданным в собственном переводе, Якубович акцентировал гуманистический пафос поэзии Бодлера: «...суровой печалью веяло на душу от осужденных за безнравственность стихов; грубый, местами дерзко-откровенный реализм будил в ней, каким-то чудом искусства, лишь чистые, благородные чувства — боль, скорбь, ужас, негодование» [14]. В 1898 году критик М.М. Могилянский, принадлежащий к кругу Якубовича, уже прямо скажет об «*утонченной отзывчивости великой души Бодлера*» и в связи с этим заметит: «Бодлер имел несчастье быть голосом человеческой совести за всех несчастных, страдающих и павших, за всех униженных и оскорбленных» [15]. Современный исследователь назвал такую ассоциацию с Достоевским «замечательно плодотворной» [16].

На этом фоне рецепция эстетического идеала Бодлера в русской культуре 1870–1880-х годов перевод Минского отрывка из «Толп», включенный в рецензию на «Стихотворения» Надсона в качестве ее программного тезиса, обладает ярко выраженной спецификой. Показателен пропуск ряда мотивов, бывших весьма значимыми в переводе Бибикова. Отсутствует

мотив «перевоплощения в другого». Нет и упоения «всемирным общением». «Наслаждается» заменено сухим — «пользуется». Подчеркнута замкнутость духовного мира художника. Вместо «живет <...> самим собой» Минский переводит «существовать <...> в себе». Вместо протейческого по смыслу образа — «входит в существо любого человека» — Минский дает «смазанный» вариант: «может <...> проникнуть во все окружающее». В целом, нужно констатировать: к пафосу «всемирной отзывчивости», отсылающего в переводе Бибикова к центральным константам русского культурного самосознания, Минский как переводчик Бодлера оказался не восприимчив. Его концепция художественного творчества абсолютно не диалогична.

Однако «бодлеровский элемент», свойственный эстетике «новых романтиков», все же наличествовал в теории автора «Старинного спора». Он — во взгляде на миссию поэта с точки зрения «толпы» — взгляд, по мнению Минского, вполне определившийся уже в поэзии Надсона. Недаром лирического героя известного стихотворения «Цветы» (1883) рецензент сравнивает с «пролетарием», который «смотрит на безумную роскошь века с злобной завистью» [5. С. 488]. Думается, такая трактовка поэзии Надсона была внушена Минскому именно текстом стихотворения в прозе «Толпы», в котором поэт рассматривается как личность, извлекающая «странное упоение» из «общения со всем миром», мыслимым, однако, в образе «озабоченной толпы». Такая личность умеет «растворяться» в «толпе», то есть скрывать свое лицо и надевать «маски» других лиц — это и есть, по мысли Бодлера, предельно возможная степень «перевоплощения». «Перевоплощения» во всех и ни в кого в особенности, когда «многочудство» и «одиночество» выступают понятиями «тождественными и обратимыми одно в другое» («Multitude, solitude: termes égaux et convertibles...») [9. С. 195]. В 1884 году Минский в письме к Ясинскому от 28 февраля откровенно выскажется на этот счет: «Мне, наоборот, кажется, что чем читатель менее искушен в литературных тонкостях, *чем более лик представляет толпу*, тем его отзыв вернее» [17]. Этот взгляд «среднего человека», с подачи автора «поэмы в прозе» «Толпы», стал не только основным критерием «искренности» творчества, который утверждается в статье «Старинный спор», но и важной предтечей мэонизма Минского.

Литература

1. РГАЛИ. Ф. 581. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 5.
2. См.: Зусман В., Сапожков С. Князь А.И. Урусов о Бодлере: по материалам французской символистской периодики 1890-х гг. // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения. Коллективная монография под ред. С. Фокина и А. Ураковой. М., 2017. С. 346–362.

3. См.: *Орагвелидзе Г.* Первые русские переводы из Бодлера // Сб. научных трудов Ташкентского университета. 1976. Вып. 512. Ташкент, 1976. С. 104–113; *Эткинд Е.* Ранний русский Бодлер // *Филологические записки*: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 4. Воронеж, 1995. С. 93–102; *Ваннер А.* Бодлер в русской культуре конца XIX – начале XX века // *Русская литература XX века. Исследования американских ученых.* СПб., 1993. С. 24–46.
4. *Минский Н.* Старинный спор // *Заря*. 1884. № 193, от 29 августа. С. 2.
5. *Виленкин Н.* Стихотворения С. Надсона. СПб., 1885 // *Новь*. 1885. Т. III. № 11.
6. *Абашина М.Г.* Массовая литература 1880 – начала 1890-х годов (И.И. Ясинский, В.И. Бибиков). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 68–71.
7. *Бибиков В.* Три портрета. Стендаль – Флобер – Бодлэр. СПб., 1890.
8. Здесь и далее мы даем наш подстрочный перевод текста Бодлера. Он представляет собой скорректированную версию перевода Эллиса в книге: *Бодлер Ш.* Стихотворения в прозе. М., 1910. Этот перевод, на наш взгляд, является на сегодняшний день наиболее близким к подстрочнику. Укажем на другие переводы «Толп» Бодлера: *Д.С. Мережковского* // *Изящная литература*. 1884. № 10. С. 141–158; *А.А. Алябьева* // *Литературные приложения к Торгово-промышленной газете*. 1899. № 2, от 4 апреля. С. 1–2; № 3, от 11 апреля. С. 1–2; *Федора Сологуба* // *Новая жизнь*. 1914. № 12. С. 7–8.
9. *Baudelaire Ch.* Oeuvres completes. Paris, 1954.
10. *Маркус Ч. Левитт.* Литература и политика: пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994.
11. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 26. Л., 1984.
12. *Бодлер Ш.* Стихотворения в прозе. Пер. Эллиса [Л.Л. Кобылинского]. М., 1910.
13. Цит. по изд.: *Тарланов Е.З.* Константин Фофанов. Легенда и действительность. Петрозаводск, 1993. С. 80.
14. *Якубович П.* Бодлэр, его жизнь и поэзия // Бодлэр. Цветы зла. Перевод П. Якубовича-Мельшина. [Пб], 1909. Без нумерации стр.
15. *Могиланский М.* Критические наброски. СПб., 1898. С. 56.
16. *Нольман М.* Шарль Бодлер: Судьба. Эстетика. Стиль. М., 1979. С. 304.
17. ОР РНБ. Ф. 901. Оп. 3. Ед. хр. 535. Л. 1.

Московский педагогический государственный университет

Работа выполнена в ИМЛИ РАН
при финансовой поддержке РФФИ. Проект №17-04-00-553

О дигитализации языка

© Н.И. КЛУШИНА,
доктор филологических наук

В статье поднимается проблема дигитализации языка. Выявлены причины трансформации современного литературного языка и описаны ключевые моменты в истории развития цифровой эпохи, оказывающие влияние на современный литературный язык.

Ключевые слова: язык, дигитализация, медийный язык, медиакультура, медиастилистика.

DOI: 10.31857/S013161170003006-5

The article contains the problem of digitalization of language. The author tries to understand which reasons influence on transformation of modern literary language. Besides, the author describes the key moments of history of research of digital era, influencing the modern literary language.

Key words: language, digitalization, digital-language, mediaculture, media stylistika.

Создание азбуки и изобретение печатного станка Гуттенбергом распространило и утвердило книжную культуру, возвеличив ее над устной речевой стихией. Это дало особые привилегии письменному языку, который, по мысли академика В.Г. Костомарова, лег в основу всех научных изысканий. Хотя живая разговорная речь не столько первобытна, сколько первична в жизни социума, в приоритете тем не менее речь книжная, письменная, зарегулированная и отшлифованная.

Книга – не просто носитель информации, какими в свое время были и воощенные глиняные дощечки, и берестяные грамоты, и папирус. Печатная книга явила собой новый тип культуры – культуры книжной, которая сегодня называется традиционной. Именно книга преодолела «местечковость» локальных культур и объединила интеллектуальные порывы мыслителей разных эпох и стран. В принципе книга – это и есть материализованная ноосфера Вернадского.

Ученые всегда отмечали факультативность, необязательность культуры, ведь она не относится к базовым потребностям человека, определенным пирамидой Маслоу, где в основании лежат потребности в еде, воде, одежде и другое. Поэтому хотя и радикально, но вполне справедливо звучат

идеи некоторых современных философов о «принуждении к культуре», чтоб не оказаться снова в пещере, которую излишне идеализировал Руссо.

Книжный язык велеречивый, неспешный, размеренный, рассчитанный на вдумчивое чтение. Книжная эпоха формировала несуетность мысли, ценила эстетику молчания и учила, по Пушкину, «удерживать вниманье долгих дум».

Интернет породил новый тип культуры – медиакультуру, которая потеснила культуру книжную и заменила ноосферу инфосферой. Лаконизм, обрывочность мыслей, клиповость сознания, болтовня, хайп (ажитаж) и самопрезентация – маркеры современной медиакультуры, которую можно рассматривать как антитезу культуры книжной, традиционной.

Роль Интернета в развитии языка и культуры сопоставима только с технологической революцией Гуттенберга и гуманитарно-стилистической революцией Пушкина.

В пространстве Интернета, по мысли члена-корреспондента РАН Ю.Л. Воронникова, язык получил иное бытование. И действительно, язык в Интернете становится другим. Мы его критикуем, нам не нравятся многие новации, особенно поток интернет-жаргона (лайф-хак, изи, профит и тому подобные), мы отмечаем его аграмматизм и пренебрежение пунктуацией. Но новые, цифровые условия существования языка неизбежно сказываются на его трансформации и пренебрегают языковым вкусом, сложившимся в обществе в доинтернетовскую эру. Дигитализация языка и культуры – это серьезные вызовы новейшего времени, времени слома книжной эпохи и рождения цифровой.

Книжная культура линейна. Она отражает нашу письменность (слева направо и сверху вниз) и наше последовательное мышление – как будто тянется и прядется нить мыслей, а не обрывается из-за жестких рамок дигитального экрана. Интернет – это культура экранная, «рамочная». Интернет-тексты – тексты в рамке, а потому компрессированные, лаконичные, немногословные. Лучшими интернет-текстами сегодня были бы афоризмы Козьмы Пруткина («Бди!», «Нельзя объять необъятное!» и другие).

Компрессия текстов обусловлена границами экрана. Длинные тексты в соцсетях и чатах остаются не прочитанными. Не случайно социологические замеры аудитории сегодня включают параметр «глубина просмотра» – как долго читатель задержался на конкретном тексте в Сети. А Твиттер строго параметризует свои тексты по количеству знаков. Так формируется экранная культура, с ее скольльзящим чтением вместо вдумчивого погружения в мир высокой традиционной культуры. Но в этом и спасение дигитального человека от информационного стресса, вызванного информационным потоком в Сети.

В становлении и развитии традиционной книжной культуры и языка самую значительную роль играли гении: Байрон, Гёте, Пушкин. Язык творит народ, но литературный язык творит гений. Гуманитарно-стилистическая

роль Пушкина в становлении русского литературного языка неоспорима, после Пушкина русский литературный язык стал другим. Академик В.В. Виноградов писал о том, что именно Пушкин раздвинул границы салонного языка Карамзина и включил народную стихию в свои произведения. Ученик академика В.В. Виноградова академик В.Г. Костомаров шутливо замечает, что его язык, язык Костомарова, совершенно безразличен русскому литературному языку, а вот язык Пушкина изменил весь литературный язык.

Сегодня в современной медиакультуре роль Пушкина взял на себя Интернет. Именно Интернет произвел не только технологическую, гуттенберговскую революцию, но и стилистическую, пушкинскую революцию, которая кардинальным образом отразится на нашем языке.

Новые цифровые технологии стали ретортами для реформатирования книжного письменного языка в язык устно-письменный, как сегодня называют язык Интернета. Интернет, как и Пушкин, раздвинул границы дозволенного для устной разговорной стихии, произвел так называемую коллоквиализацию языка, то есть сделал разговорность своей ведущей чертой. И если заглянуть в будущее, то мы стоим на пороге создания нового, дигитального варианта языка, активно утверждаемого в современном дигитальном обществе.

И как в истории любого литературного языка, в творимой на наших глазах истории языка дигитального можно уже выделить несколько периодов: Web1.0, Web 2.0 и Web 3.0.

Web 1.0 – это так называемый «старый Интернет», практически не отразившийся на литературном языке. Это эпоха институализированного Интернета, когда общественные институты (медиа, официальные организации) создавали сайты и электронные версии изданий.

В этот период сайты являлись электронными клонами печатных газет. Электронная версия газеты дублировала ее печатный контент, отличия были только в дизайне и в гиперссылках, когда читатель, нажимая на любую из гиперссылок, мог расширить границы текста и перейти на другой сайт или оказаться на странице «архива» данного издания. «Прогулки по гиперссылкам» раздвигают границы текста и позволяют читателю моделировать авторский текст по своему усмотрению, расширяя его информационный потенциал. Но влиять на язык в Интернете пользователи не могли. Автор эпохи Web 1.0 терял контроль над границами своего текста, но не над языком.

Язык Web 1.0 равен литературному языку традиционной эпохи, подчиняется ее нормам и только, как почки на деревьях, накапливает изменения, которые раскроются в эпоху Web 2.0.

Эпоха Web 2.0 вошла в новейшую дигитальную историю как эпоха твиттер-революции и революции соцсетей. Web 2.0 открыла в Сети шлюзы для пользовательского контента – любой человек смог создавать и выкладывать

свои тексты в ЖЖ, в Фейсбуке, ВКонтакте и на других интернет-платформах. Язык Web 2.0 — это язык текущего момента. Пользователи Интернета, в том числе и мобильного, в чатах, смсках, в мессенджерах и соцсетях творят новый язык новой эпохи. Интернет в своей виртуальной лаборатории экспериментирует со стихией разговорной речи, речи ненормированной а иногда и ненормативной, не ограниченной нормами и строгими рамками книжной культуры, экспериментирует с заимствованными словами и неологизмами, создает язык эмодзи и эмотиконов (когда вместо этикетных и эмоциональных слов используются смайлики, обозначающие улыбку, а выбор любой другой эмоции зависит только от возможностей вашего смартфона) и использует в качестве крылатых слов и выражений интернет-мемы (картинки или выражения, вызывающие устойчивые ассоциации с чьим-либо высказыванием или с какой-либо ситуацией, например, «ждун», «руки-базуки», «денег-нетно-вы-держитесь»).

Пользователи Интернета карнавализуют язык, как в свое время улицы и площадь, по мнению М. Бахтина, переворачивали и высмеивали догмы и нормы Средневековья.

Литературный язык в Интернете в эпоху Web 2.0 стал испытывать очень серьезное давление узуса. Неограниченная свобода самовыражения, непрерывный диалог пользователей в Сети (в сообществах, на форумах, в комментариях, чатах) и установка на самопрезентацию приводят к пренебрежению нормами языка, к доминированию разговорно-просторечного стиля (мимимишный, себяшки, обнимашки, целовашки) и намеренному включению модных заимствованных слов (шоурумы, коучи, тренды, подкасты), манифестирующих стремительную модернизацию языка цифровой эпохи. С точки зрения нормированного литературного языка традиционной культуры язык современной медиакультуры представляется макароническим («смесь французского с нижегородским»), то есть варваризованным и стилистически сниженным.

Дигитализация языка в эпоху Web 2.0 приводит к пренебрежению формой для выражения смысла, то есть намеренному отказу от стилистики в пользу антистилистики: как в высказывании одного из блогеров на платформе Яндекс.Дзен «обними меня по волосам» (пример А.В. Николаевой), в котором форма «подавлена» смыслом и абсолютно не важна, с точки зрения современных пользователей Сети, для понимания в интернет-коммуникации.

Дигитальный язык Web 2.0 — это еще и визуальный язык, в котором гифкам и стикерам, смайликам и эмотиконам отводится не менее важная роль, чем буквам, запятым, абзацам и дефисам традиционного линейного письма. Именно дигитальный язык становится новым способом выражения наших мыслей и выплескивается в офлайн (#москвалучшийгородземли) и тем самым «перереформирует» традиционный литературный язык.

А на пороге уже Web 3.0 – этап развития интернет-технологий, который может привести не просто к дигитализации языка, а к его дегуманизации. Создание чат-ботов (роботов, которые автоматически формируют и «просеивают» информацию в Сети), генераторов стихов и генераторов новостей (автоматически формируемых искусственным интеллектом), роботизация текстов, существующие уже сегодня, вытесняют человека из языкового бытия. Новая форма бытования языка в Интернете может оказаться бытованием без человека, язык создавшего и создающего. Успешно протестированный недавно робот Вера прекрасно выполняет функции менеджера по кадровым вопросам: шлет ответы на резюме и проводит собеседования по телефону, правда, пока еще предупреждая, что она робот. Роботизированный язык – это искусственный язык, но в отличие от эсперанто или азбуки Морзе, удачно мимикрирующий под естественный язык. Мы незаметно оказываемся в Бартовском мире симулякров. И вполне вероятно, что человеку дигитальному придется переформулировать онтологические вопросы цифровой эпохи: не «Гугл тебе в помощь», а «Сеть, знай свое место».

В монографии Б. Тошовича «Генераторская лингвистика» (2018) ученый исследует роботизированные тексты, сгенерированные искусственным интеллектом, и показывает, что в скором будущем они будут составлять значительную часть нашей культуры.

Эсхатологические мотивы всегда сопровождают смену эпох. Но логика жизни показывает, что, как бы ни менялся язык, как бы мы ни сопротивлялись этим изменениям, он есть и останется способом выражения наших мыслей и способом сохранения культуры – книжной, цифровой и неведомой пока нам культуры будущего.

И если посмотреть на язык в Интернете не с позиций культуры речи, а с позиций онтологии языка, то мы осознаем, что дигитальный язык – не испорченный литературный язык, а принципиально новая форма литературного языка и что с ним надо не бороться и отвергать, а корректировать и «встраивать» в историю развития литературного языка, сохраняя основные достижения традиционной культуры.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00032а
«Влияние Интернета на жанровые и стилистические
параметры медиатекста»

Как говорим, так и пишем: о произносительных ошибках, отражающихся и на письме

© Э.Д. ГОЛОВИНА,
кандидат филологических наук

Языковые нормы и речевые ошибки суть ключевые, основообразующие понятия культуры речи. Однако и сегодня не разработана их полная и общепринятая классификация, построенная на непротиворечивых, строго научных принципах.

Ключевые слова: язык СМИ, нормы литературного языка, классификация речевых ошибок, произносительные ошибки, отражающиеся и на письме.

DOI: 10.31857/S013161170003007-6

Language norms and speech errors are the key ones, underlying concepts of speech culture. Today, however, their full and generally accepted classification built on consistent, strictly scientific principles remains undeveloped.

Keywords: language of mass media, norms of the literary language, classification of speech mistakes, pronunciation errors, reflected in written form.

Самое досадное в сложившейся ситуации – многолетнее внедрение в школьную практику умозрительной классификации речевых ошибок, не соотнесенной с уровнями языка. Типы ошибок, которые, например, диагностируются на полях школьных сочинений, нелогичны и не мотивированы реалиями современного русского литературного языка. Так, методические документы предписывают учителям оперировать терминами «речевая ошибка» и «грамматическая ошибка», что ставит в один ряд родовое и видовое понятия, и т.д.

Между тем научная классификация речевых ошибок была разработана давно и многократно опубликована, в том числе в методических изданиях для работников образования. В частности, классификация речевых ошибок, актуальная и сегодня, была дана в работе В.А. Добромыслова под редакцией профессора А.М. Пешковского [1]. Принципы научной классификации речевых ошибок пропагандировались также Ю.В. Фоменко [2], С.Н. Цейтлин [3], К.С. Горбачевичем [4], Э.Д. Головиной [5] и другими исследователями.

Они исходили из того, что речевая ошибка – это любое немотивированное, неосознанное нарушение норм литературного языка. Следовательно, ошибки и нормы находятся в полном и безоговорочном соответствии друг с другом.

Нормы литературного языка существуют на каждом его уровне, или ярусе: фонетический уровень – произносительные нормы – произносительные (орфоэпические и акцентологические) ошибки; грамматический уровень – грамматические нормы – грамматические (морфологические и синтаксические) ошибки; лексический уровень – лексические нормы – лексические ошибки. Классификация последних разработана автором [6].

Стилистического уровня языка не существует. Стилистическую маркировку могут иметь языковые единицы, относящиеся к различным языковым ярусам. Общеизвестна стилистическая маркированность лексических единиц: *спать – дрыхнуть – почитать* и т.д. В примерах *нет мест – нет местов* представлена грамматическая (морфологическая) маркированность, а в примерах типа *на пАльцах – на пальцАх, грейпфрут – грейпфрукт* – фонетическая, произносительная.

По представленности в том или ином типе коммуникации ошибки подразделяются на свойственные устной или письменной речи. Так, неверное ударение обнаруживается в устной речи, а ошибки орфографические свойственны речи письменной.

К сожалению, мало кто (даже из лингвистов) останавливает свое внимание на «универсальных» по своей представленности, вездесущих нарушениях литературных норм – и видимых, и слышимых.

К произносительным ошибкам, представленным одновременно и в устной, и в письменной речи, относятся вставки лишних согласных и гласных (эпентезы) и выкидки необходимых (диерезы), различные мены звуков (букв), а также их перестановки (метатезы).

В рамках данной статьи рассматривается первый из названных типов. Насколько нам известно, предметом анализа в научных исследованиях он не был, за исключением одного [6].

Как свидетельствуют факты, вставка лишних согласных – едва ли не самая распространенная в современной медийной речевой практике ошибка такого рода. Какие это звуки (буквы)?

Согласный Н:

беспрецеНдентный – беспрецеДентный (Товар – деньги – товар. 2012. № 10; Эхо Москвы. 6.12.12, 13:25; Эхо Москвы. Киров. 2.04.11. 10:02; Авторadio. 23.12.11. 00:05; Авторadio. Киров. 28.05.07. 19:15; т/к Культура. 29.06.08. 18:20; РЕН ТВ. 26.06.10. 19:20; 33 канал. Город. 28.05.07. 6:10; т/к Россия 24. 24.09.09. 21:15; 1 т/к. Большая премьера. 14.05.05; ТВ 1991–1999, Б. Ельцин, постоянно);

дермаНтин – дерматин (Новая газета. 2000. № 5; Вятский наблюдатель. 1994. № 46; 1997. № 6; 2010. № 28; 2015. № 11; 2017. № 9, кроссворд; Наш

выбор. 2007. № 26; ОРТ. Шутка за шуткой.13.04.02; РЕН ТВ. Час суда. 13.04.09; 5 т/к. След. 18.11.11);

дермаНтиновый – **дерматиновый** (Эхо Москвы. Киров. 6.09.11. 18:50; 1 т/к. Пока все дома. 18.03.07; РТР. Комната смеха. 7.05.04);

здравНица, тост – **здравица** (Про Город. 2004. № 12; За права человека. 2003. № 10; Вести. 2006. № 109; Источник новостей. 2.09.08; Детектив Урала. 2000. Март; Кировское радио. 5.02.96, М. Трапезников);

инциНдент – **инцидент** (ОРТ. Времена. 14.12.02; 1 т/к. Монтекристо. 22.08.08; След. 3.02.10, 15.03.10, 22.06.10, 5.07.10; РЕН ТВ. Неделя. 14.03.09; Час суда. 25.01.08, 15.04.08, 27.01.10, 18.05.11; НТВ. Улицы разбитых фонарей. 20.11.07; Последние слова. 18.12.10; 5 т/к. След. 23.11.11);

компромеНтация – **компрометация** (Эхо Москвы. Особое мнение. 1.04.11, дважды);

компромеНтирующий – **компрометирующий** (Вятский наблюдатель. 1997. № 14; РЕН ТВ. Неделя. 7.02.09);

конкурентНоспособный – **конкурентоспособный** (Вятский наблюдатель. 1999. № 18; Новая газета. 2009. № 140; Стройка. 2009. № 15; Яранский союз промышленников и предпринимателей. 2004. № 1; Бизнес Новости. 2014. № 41; Эхо Москвы. 9.03.09. 16:20; Авторадио. 21.09.09; Радио Мария. 9.03.09. 16:15; ОРТ. Время. 12.02.04, В. Путин; т/к Россия. Танцы со звездами. 26.04.09; НТВ. Средний класс. 15.02.10);

конкурентНоспособность – **конкурентоспособность** (Россия. Вести – Кировская область. 15.01.10. 23:55; РЕН ТВ-Киров. Центр. 27.05.09);

констаНтировать – **констатировать** (Эхо Москвы. 28.11.11. 17:15; 1 т/к. 15.03.04. 10:05; т/к Россия. Вести. 13.01.11; т/к Культура. Верона – уголок рая на земле. 9.09.10; т/к Вести. 22.08.08. 21:10; РЕН ТВ. Час суда. 23.06.04 и 4.11.04; РЕН ТВ-Киров. Центр. 20.08.09; НТВ. Больше хороших шуток. 30.09.07);

коррупциНогенный – **коррупциогенный** (Вятский наблюдатель. 2013. № 49);

лиНенин – **лигнин** (Бизнес Новости. 2011. № 2);

неконкурентНоспособный – **неконкурентоспособный** (АиФ – Вятка. 2003. № 10; За права человека. 2006. № 2; т/к Вести. 14.06.09. 20:05);

омбуНдсмен – **омбудсмен** (Российская газета. Неделя. 2013. № 240);

ошуйНую – **ошуюю**, т.е. по левую руку (Эхо Москвы. 28.03.12, М. Веллер);

помутНившийся – **помутившийся** (Кировская правда. 2010. № 101);

преНтендент – **претендент** (Эхо Москвы. 14.11.11. 17:30; Авторадио. 12.09.05. 20:20);

прецеНдент – **прецедент** (Эхо Москвы. 11.02.11. 16:20, 29.09.11. 19:02 и 13.12.11, 15:08. Радиолиния. 5.06.02. 14:40; 1т/к. Пусть говорят. 4.06.08; Новости. 20.04.11. 12:10; т/к Россия. 2.09.06, Н. Цискаридзе; РЕН ТВ. Час суда. 22.03.04, 8.12.04 и 24.05.07; СТС. Бюро новостей «Давеча». 6.08.07);

пфенниНг – **пфенниг** (Санкт-петербургский Час пик. 2008. № 2; Личная жизнь. 1993. № 2; Право на свободу. Минск. 2002. № 11; Вести. 1995. № 29;

Всем. 1996. № 37; Каленчук М., Касаткина Р. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997. С. 329; Обратный словарь русского языка. М., 1974. С. 120; Авторадио. 30.11.11. 10:32; НТВ. Своя игра. 21.01.06);

СеверНо-Байкальск – Северо-Байкальск (1 т/к. Умники и умницы. 27. 1.08); *стипендияНты – стипендиаты* (РЕН ТВ-Киров. 21.04.09. 19:09).

Согласный М:

жуМпел – жупел (Бизнес Новости. 2011. № 15, трижды);

каМпучино – капучино (Авторадио. 22.08.11. 20:20, песня Трофима «Зима на пороге»);

кондоминиМум – кондоминиум (Эксперт-Урал. 2004. № 10; Метро. 1999. № 227; Вятский наблюдатель. 1997. № 42; Из-Вестник. 2001. № 31; Стройка. 2004. № 4, трижды; Обратный словарь русского языка. М., 1974. С. 456);

лаМбрадор – лабрадор (МК. 23 – 30.05.02);

лиМпосакция – липосакция (1 т/к. Большая премьера. 14.05.05).

Согласный Л:

благословЛение – благословение (Про Город. 2004. № 8; Трудовая Россия. 2011. № 11; Деловая Вятка. 2011. № 1 и № 11; Бульвар новостей. 2008. № 16; НТВ. Своя игра. 29.01.11);

гЛазыри – газыри (Кировское радио. 10.11.93);

незлюбЛивый – незлобивый (Вятская особая газета. 2011. № 54).

Согласные К и Г:

грейпфруКт – грейпфрут (Вятский наблюдатель. 1997. № 27; Вести. 2005. № 23; 1 т/к. Здоровье. 18.11.06);

рекреКационный – рекреационный (Новая газета. 2009. № 140);

субстраКт – субстрат (Вятский край. 2000. № 44; т/к Россия. Вести. Дежурная часть. 18.12.09);

эКскалатор – эскалатор (СТС. Моя прекрасная няня. 18.04.08);

эКсквайер – эсквайр (Вятский край. 1994. № 105);

эКскорт – эскорт (Про Город. 2010. № 43; 1 т/к. Время. 12.03.06; РЕН ТВ. Концерт Михаила Задорнова. 29.05.10);

эКстроген – эстроген (Презентация. 1999. № 27);

бадминГтон – бадминтон (РЕН ТВ. Неделя. 30.10.11).

Согласные Т и Д:

интриганТы – интриганы (РТР. Вести недели. 4.11.2001);

интриганТка – интриганка (РЕН ТВ. Час суда. 12.02.08);

кранТик – краник (Эхо Москвы. 4.03.13. 9:50; Навигатор. 2013. № 34);

метисТ – метис (Комсомольская правда в Кирове. 4.09.03);

нокдаунТ – нокдаун (Эхо Москвы. Педсовет. 18.01.15);

НьюкасТл – Ньюкасл (Единая Россия. 2004. № 18);

одночасТье – одночасье (т/к Россия. Наш футбол. 18.03.10; т/к Вести. 9.03.11. 23:50; РЕН ТВ. Неделя. 20.11.10; 5 т/к. Сейчас. 4.04.12. 22:05; Эхо Москвы в Кирове. Велотур – 2014. 16.10.14. 8:45);

отдышка – **одышка** (Народная медицина. 2011. Декабрь; Страничка здоровья. 2011. Ноябрь);

отсТрочить – **отсрочить** (1 т/к. Берег мечты. 5.04.04);

отсТрочка решения – **отсрочка** (Эхо Москвы. 10.07.13. 7:35; Эхо Москвы в Кирове. 31.10.16. 12:45);

смесТитель – **смеситель** (Горячие головы: Экономическая газета для школьников. 2004. № 9);

содержанТки – **содержанки** (Эхо Москвы. Особое мнение. 31.07.13, 2 раза);

универсТитет – **университет** (Радио России. Вести. Кировская область. 26.01.12. 6:10; Эхо Москвы. Киров. Дай почитать! 2017, неоднократно);

юрисТконсульт – **юрисконсульт** (Рго Город. 2009. № 52; Вятский наблюдатель. 1997. № 35);

наДсмеяться – **насмеяться** (АиФ-Вятка. 1999. № 8);

подвезло – **повезло** (Уральский рабочий. 1991. № 185);

подскользнуться – **поскользнуться** (Вести. Вятка. 2017. № 4).

Уместно обратить внимание на тот факт, что к анализируемым устно-письменным ошибкам не относятся случаи с непроизносимыми согласными: *коротковорсТные* меха (Навигатор. 2013. № 41), *наперсТник* (Я расту. 2007. № 11-12), *хулигансТво* (Вятский наблюдатель. 2013. № 32), *юрисТдикция* (Навигатор. 2011. № 36) и т.д. Их следует квалифицировать как ошибки орфографические, поскольку они обнаруживаются только на письме.

Согласный В:

яВство – **яство** (Рго Город. 2005. № 41; Презентация. 2007. № 43/1; Интервью. 1995. № 2; В. Майнк. Удивительные приключения Марко Поло. СПб., 1993. С. 184; 1 т/к. Повтори! 3.11.13; т/к Россия. О самом главном. 6.05.11).

Согласные Б и П:

оБхаять – **охаять** (Источник новостей. 14.10.17);

почтамПт – **почтамт** (Комсомольская правда в Кирове. 22.02–1.03.07).

Буквы Й, Ъ (звук -J-):

иЙшемия – **ишемия** (Жизнь. СПб. 2010. № 30);

сомбреЙро – **сомбреро** (1 т/к. Кто хочет стать миллионером? 17.01.09);

феЙричный – **фееричный** (Конкурент. 2011. № 31);

фреЙзерный – **фрезерный** (Источник новостей. 6.05.11);

хайкерский – **хакерский** (1 т/к. Выборы Президента России. 4.03.12. 22:10);

аффилЬированный – **аффилированный** (Репортер. 2009. № 15, 2010. № 16 и 2011. № 27; Прецедент. 2008. № 40);

мЬюзикл – **мюзикл** (Конкурент. 2011. № 21).

Отдельного упоминания заслуживает ситуация с недавним заимствованием из английского *badge*, которое в русских словарях и в СМИ фигурирует в формах бедж [7], бейдж, бейджик, а также бэджик (Ялик. СПбГУ. 2014. № 91), бэйджик (Бизнес Новости. 2013. № 22), бадж (т/к Россия 24. 8.10.13. 21:00).

В медийном дискурсе зримо преобладает, во-первых, вариант *бейдж*. Такова практика центральных изданий: «Фамилия сотрудника должна быть указана на его *бейдже*» (Российская газета. Неделя. 28.09.17); «Людей встречает группа молодых парней и девушек с *бейджами* фонда «АиФ. Доброе сердце» (АиФ. 2016. № 4); «Справа два молодых человека с *бейджами*» (Собеседник. 2016. № 48); «Зато обнаружилась куча журналистских *бейджей* на тесемках» (Комсомольская правда. 17.06.15); «Будут, по-видимому, выдавать уже готовые бейджи с вашим фото» (МК. 6—13.03.13).

Таков же тренд и в СМИ региональных: «Общественники записали отсутствие *бейджей* в список претензий» (Репортеръ. 2017. № 29); «После окончания тура соревнований вы уложите пойманную рыбу и *бейджи* с вашими персональными номерами» (Вятский наблюдатель. 2017. № 21); «В отеле “7 холмов” девушка без *бейджа* и специальной одежды не очень охотно разговаривала с нами» (Бизнес Класс. 2015. № 8); «Но бейдж охраны выдается только тогда, когда возникает необходимость» (Бизнес Новости. 2013. № 49); «Мы, как волонтеры, могли бесплатно посещать соревнования, правда, только в определенных зонах, которые были указаны на наших *бейджах*» (Репортеръ. 2013. № 33).

Во-вторых, к лидерам относится диминутив *бейджик*. Примеры из центральных изданий: «Акулу сфотографировали, навесили ей *бейджик* и отпустили» (Антенна Телесемь. 2017. № 27); «На лайнере у каждого сотрудника был *бейджик* с именем и названием страны» (АиФ. 2015. № 34); «Имя Надежда на *бейджиках* пишут как Норе» (Комсомольская правда. 20—27.02.14); «На бейджике указано имя: Иван Кретинин» (МК.27.03 — 3.04.13).

Примеры из региональной прессы: «Охранник должен быть в форме, с *бейджиком* и иметь удостоверение» (Pro Город. 2014. № 25); «Раз ты *бейджик* увидел, давай-ка напрягись и прочти, что на нем написано» (Моя веселая семейка. 2014. № 40). «К нам пожаловала делегация аж из трех прилично одетых молодых людей с *бейджиками* на груди» (Бизнес Новости. 2013. № 35); «Туда могли зайти волонтеры по своим *бейджикам*» (Репортеръ. 2013. № 33).

Таким образом, сегодня нормой здесь следует признать варианты с эпентезой *й*, ставшие нормативными. Чего не скажешь о других аналогичных заимствованных словах, где вариантность в устной и в письменной речи сохраняется, например: «Стражи порядка хотели убедиться, что фанатки не проносят в себе *файеры* и другие запрещенные предметы» (Наша версия. 2014. № 30); «А завершающим штрихом музейной ночи станет традиционное *фаер-шоу*» (Комсомольская правда. Киров. 16.05.14).

К сожалению, даже специальные, ортологические, словари, изданные в последние десятилетия, на производственные ошибки, которые отражаются и на письме, обращают внимание пользователей лишь эпизодически. Так, в словарь Д. Розенталя и М. Теленковой [8] включены лексемы *дерматин* (не дермантин), *желатин* (не желантин), *компрометировать*

(не компроментировать), *констатировать* (не константировать), *интриган* (не интригант), *прецедент* (не прецендент), *пуловер* (не полувер). Кроме того, без профилактических комментариев в словарь помещены имена существительные *бадминтон*, *грейпфрут*, *дурилаг*, *пертурбация*, *пфенниг*, *эскалатор*, *эскорт* и некоторые другие.

Еще более непредсказуемый и скромный перечень слов, проблемных в данном отношении, дан в некоторых новейших справочниках по культуре речи [9]. Словом, очевидна необходимость в представлении с профилактическими целями широкой публике, в том числе занятой образованием и самообразованием, как можно более полного и документированного речевого материала с анализом всех типов произносительных ошибок, отражающихся и на письме.

Литература

1. *Добромыслов В.А.* К вопросу о языке рабочего подростка. М., 1932.
2. *Фоменко Ю.В.* О принципах классификации ошибок в письменных работах школьников // Русский язык в школе. 1973. № 1. С. 32–35.
3. *Цейтлин С.Н.* Речевые ошибки и их предупреждение. Пособие для учителей. М., 1982.
4. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. Пособие для учителей. М., 1978.
5. *Головина Э.Д.* К типологии лексических ошибок в речи школьников // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987. С.138–146.
6. *Головина Э.Д.* На ошибках учимся. Пособие по культуре речи. Киров, 2003. С. 20–22.
7. Русский орфографический словарь. РАН. М., 2005.
8. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь трудностей русского языка. М., 1987.
9. *Крылов Г.А.* Новый словарь ошибок русского языка. СПб, 2017.

Киров

Спряжение глаголов на *-хать* в русском языке

© *Е.М. РУЧИМСКАЯ*,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается спряжение глаголов на *-хать* в русском языке. Показаны разные схемы спряжения таких глаголов и их формы повелительного наклонения. Обращается внимание на необычность спряжения глагола *ехать*.

Ключевые слова: русский язык, глаголы на *-хать*, спряжение, повелительное наклонение, глагол «ехать».

DOI: 10.31857/S013161170003008-7

The article is devoted to conjugation of verbs with *-хать* ending in Russian. Different schemes of conjugation of such verbs are shown. Their imperative forms are examined as well. The attention is paid to conjugation of the extraordinary verb *ехать*.

Keywords: Russian, verbs with the ending *-хать*, conjugation, imperative forms, the verb «ехать».

В газете «Мир новостей» (2017, 28 марта) мне встретила заметка анонимного автора «Индейцы Амазонки нашли эликсир молодости», рассказывающая об удивительном здоровье пожилых людей народности тсимаке, обитающей в районе боливийской Амазонки. Заметка кончается так: «Чтобы заполучить отменную сердечно-сосудистую систему и в преклонном возрасте *пышет* (курсив мой. — *Е. Р.*) здоровьем, нужно жить в дебрях Амазонки» [1]. Даже не сразу мне стало понятно, что это за глагольная форма — *пышет*. Потом я догадалась, что *пышет* — это, с точки зрения автора заметки, инфинитив от глагола *пышет* («Он *пышет* здоровьем»). Между тем, такой глагольной формы в русском языке нет. Инфинитив от *пышет* — *пыхать*.

Не случайно эта форма не пришла в голову автору заметки: глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-хать*, спрягаются по-разному.

Почему, к примеру, *пыхать* (*пыхаю, пыхаешь, пыхает, пыхаем, пыхаете, пыхают*), а *пахать* (*пашу, пахешь, пашет, пашем, пашаете, пашут*)? Глаголы, отличающиеся лишь одной буквой в письменном варианте языка, спрягаются совсем по-разному. В первом глаголе *х* сохраняется, затем

следует суффикс *a*, потом окончание, и в устном варианте появляется звук [j] ([п'ъхају]). Во втором глаголе *x* переходит в *ш*, после которой следует окончание (суффикса *a* нет).

У большинства глаголов, в инфинитиве оканчивающихся на *-хать*, первая схема спряжения (*жахать* — *жахаю...*, *чихать* — *чихаю...*, *грохать* — *грохаю...*, *порхать* — *порхаю...*, *отдыхать* — *отдыхаю...*, *засыхать* — *засыхаю...*, *нюхать* — *нюхаю...* и т.д.). Форма повелительного наклонения у этих глаголов оканчивается на *й* ([j] в устном варианте) (*жахай*, *чихай*, *грохай*, *опухай*, *отдыхай*, *засыхай*, *нюхай* и т.д.).

У немногочисленных глаголов вторая схема спряжения: *пахать* (*пашу́*, *па́шешь*, *па́шет*, *па́шем*, *па́шите*, *па́шут*), *брехать* (*брешу́*, *бре́шешь*, *бре́шет*, *бре́шем*, *бре́шаете*, *бре́шут*), *ныхать* (*нышу́*, *ны́шешь*, *ны́шет*, *ны́шем*, *ны́шите*, *ны́шут*). Обратим внимание на ударение. Если в инфинитиве ударение на последнем слоге, то в форме 1 лица ед.ч. оно тоже на последнем слоге (на окончании), а в остальных формах на предыдущем слоге (на основе): *пашу́*, *брешу́*. А если в инфинитиве ударение на основе, то оно так и сохраняется при спряжении во всех формах: *нышу*. Отметим, что глагол *злоныхать*, образованный от глагола *ныхать*, спрягается по первой схеме. Форма повелительного наклонения у этих глаголов оканчивается на *и* (*паши*, *бреши*, *ныши*).

Особое положение у глаголов *махать* и *колыхать*. Они могут спрягаться и по первой, и по второй схеме. Предпочтительной является вторая схема. В тщательно разработанном «Кратком словаре трудностей русского языка» Н.А. Еськовой читаем: «*махать*, *машу́*, *ма́шет*, и *допуст. маха́ю*, *махает*, *пов. маши́* и *махай́*». [2. С. 159], «*колыхать*, *колы́шу*, *колы́шет* и *допуст. колы́хаю*, *колы́хаёт*, *пов. колы́шь* (употр. несвободно) и *колы́хай́*» [Там же. С. 139]. У глагола *махать* так же, как у глаголов *пахать* и *брехать*, в 1 лице ед.ч. ударение на последнем слоге (*машу́*), а у глагола *колыхать* мы этого не наблюдаем (*колы́шу*). Т.е. глагол *колыхать* является исключением. А в XIX веке он не являлся исключением: из словаря Даля мы узнаем, что ударение в 1 лице ед.ч. было на окончании (*колышу́*) [3. С.144].

Интересно отметить, что глаголы, образованные от глагола *махать* с помощью префикса без переноса ударения, спрягаются и по первой, и по второй схеме (*замахать* — *замашу́*, *замахáю*; *помахать* — *помашу́*, *помахáю*), а глаголы, образованные от глагола *махать* с помощью префикса с переносом ударения, спрягаются только по первой схеме (*вымахать* — *вымахáю*; *вымашу* невозможно).

Форма повелительного наклонения от глагола *махать* — *маши*, *махай*. Форма повелительного наклонения от глагола *колыхать* — *колы́шь*, *колы́хай*. Здесь (в рамках этого материала) мы впервые сталкиваемся с формой повелительного наклонения на *ь* (пусть и употребляемой несвободно).

Совершенно особым образом спрягается глагол *ехать*. В детской речи встречается *ехаю* (но аналогии с *ахаю*, *охаю*, *нюхаю*). Но на самом деле

при спряжении появляется *д* (*еду, едешь, едем, едете, едут*). Форма повелительного наклонения вызывает затруднения. Неправильно *ехай* (по аналогии с *нюхай*), неправильно *едь*. Н.А. Еськова считает, что форма повелительного наклонения от *ехать* – *поезжай* [2. С.97]. Но может быть, «поезжай» – это форма повелительного наклонения от глагола *поехать*? Как форму повелительного наклонения с отрицанием от *ехать* Н.А. Еськова приводит «не езди» [Там же]. На наш взгляд, это – форма повелительного наклонения от глагола *ездить*. Так что, похоже, что у глагола *ехать* нет формы повелительного наклонения.

Итак, можно сделать вывод, что глаголы, в инфинитиве оканчивающиеся на *-хать*, имеют разные схемы спряжения, и совершенно особая схема спряжения у глагола *ехать*. Формы повелительного наклонения оканчиваются на *й, и, ь* – (только у глагола *колыхать*).

Литература

1. Индейцы Амазонки нашли эликсир молодости // Мир новостей. 2017. №14 С. 4.
2. Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955. Т.II.

Москва

Номинации одежды: перенос значений

© О.М. БАРСУКОВА-СЕРГЕЕВА,
кандидат филологических наук

Рассмотрены различные случаи употребления номинаций одежды, головных уборов и обуви в переносном значении, а также перенос значений в структуре некоторых наименований такого рода. Выявлены особенности некоторых лексических единиц — сфера употребления, стилистические характеристики и др.

Ключевые слова: наименования одежды, головных уборов, обуви, образность, перенос значений, метафора, синекдоха.

DOI: 10.31857/S013161170003009-8

Different cases of figurative use of names of clothes, headwear, footwear and transfer of meaning in structure of some names are observed. The features of identified lexical units (situations of use, stylistic characteristics) are considered.

Keywords: names of clothes, headwear, footwear, verbal imagery, transfer of meaning, metaphor, synecdoche.

В русском языке пласт лексики, обозначающей предметы, которыми закрывают голову, тело, конечности, довольно обширен. Многие из этих наименований отличаются образностью.

Рассмотрим различные случаи употребления номинаций одежды, головных уборов и обуви в переносном значении, а также перенос значений в структуре некоторых номинаций такого рода.

Наименования одежды или деталей одежды могут использоваться для обозначения лица или группы лиц

Среди таких обозначений находим, например, следующие: *синий чулок* — женщина, погруженная в интеллектуальную деятельность, лишенная женственности; *юбка* — женщина как предмет ухаживания, увлечения мужчин (*Он бежит за каждой юбкой*).

Наименования этого типа чаще представлены словосочетаниями и относятся к общеязыковым явлениям. Перенос значения происходит по типу синекдохи — вместо целого называется его часть. В качестве такого целого выступает лицо или группа лиц, выделенная на основе профессиональной деятельности (*белые воротнички* — офисные работники, *голубые мундиры* — жандармы, *белые халаты* — врачи), социальной принадлежности (*малиновые пиджаки* — внезапно разбогатевшие в 90-е годы люди с низким уровнем культуры) и других признаков. В основу переноса могут быть положены элементы рабочей, форменной или просто типичной для определенной социальной группы одежды, ее отличительные признаки, например цвет: *гороховые пальто* — агенты тайной полиции, *красная шапка* — посылный. Может выделяться характерная деталь одежды. «“Воротнички” — белые, серые, синие — термины, применяемые для обозначения отдельных категорий лиц наемного труда применительно к их профессиональной принадлежности: “белые воротнички” — инженерно-технический персонал и конторские служащие; “серые воротнички” — работники обслуживающих подразделений; “синие воротнички” — квалифицированные рабочие» [1]. Наименования последнего типа в русском языке возникли благодаря заимствованию: словосочетание *белый воротничок* представляет собой кальку с английского *white-collar worker*; заимствовано и наименование *синий чулок* (англ. *blue stocking*). В последние годы появились и “золотые воротнички” — служащие, в совершенстве владеющие компьютерными технологиями.

Как замечает исследователь А.А. Кожин, такие *профессионально-терминированные* наименования могут быть образными и эмоционально-оценочными, обычно их заключают в кавычки. Часто выделяют даже в тематические группы метафор, в частности, цветовую гамму, поскольку заметна метафоризация [2].

Употребления номинаций одежды, головных уборов, обуви и их производных в метафорических значениях

Среди многочисленных наименований этого типа можно выделить как языковые, так и художественные метафоры.

Рассмотрим те языковые метафоры, которые обычно отмечаются в словарях как переносные значения и употребляются преимущественно в разговорной речи. Среди них находим такие существительные, как *изнанка* – скрытая сторона чего-либо (*изнанка событий, изнанка человеческой души*); *подкладка* – скрытая основа чего-либо, подоплека (*подкладка событий*); *карман* – чье-либо имущественное состояние (*большой карман*); *шлейф* – то, что тянется за чем-либо; *венец* – вершина чего-либо, а также успешное завершение какого-либо дела (*венец творчества, конец – делу венец*); *шапка* – куполообразное покрытие (*горы под снежными шапками*); *подошва* – нижняя часть, основание чего-либо (*у подошвы горы*) и др. Эти метафоры сохранили свою образность.

Ряд существительных, имеющих разговорно-сниженную окраску (*шляпа, валенок, колпак*), употребляются для обозначения лиц. Они содержат эмоционально-оценочный компонент, как правило, отрицательный. Так, вялого, способного прощляпить что-либо человека пренебрежительно называют *шляпой*. Как грубовато-фамильярное воспринимается слово *колпак*, сказанное о недалеком человеке, которого легко *околпачить*, то есть обмануть. Простоватого и неуклюжего могут обозвать *валенком*. *Рубахой-парнем* называют открытого, простого в общении молодого человека. В отличие от других, это наименование заключает в себе положительную оценку.

Яркой образностью выделяются в этой группе словообразовательные метафоры, то есть производные слова, функционирующие в языке только в переносном значении: *юбочник (женолюб), карманник, прикарманить, халатность, околпачить, прощляпить, завуалировать, выкаблучивать* (в значении «вытворять, удивлять всех чем-либо»), *выкаблучиваться* (в значении «ломаться, выпендриваться»). Эта разговорно-просторечная лексика также характеризуется эмоциональной окрашенностью.

Среди словообразовательных метафор встречаются и такие, которые образованы от фразеологизмов: *шапкозакидательство* – «*Шапками закидаем*. Прост. Легко и быстро победим, одолеем. Хвастливое уверение, бахвальство» [3]; *подкаблучный (под каблуком)*.

Номинации одежды, головных уборов, обуви и их деталей в метафорическом употреблении используются и в качестве терминов. Это стертые метафоры, образность которых уже не ощущается носителями языка. Они в основном порождаются сходством формы двух предметов.

К техническим терминам такого рода можно отнести следующие существительные: *рукав* (труба для отвода жидкостей), *фартук* (чехол какого-либо устройства), *шуба* (снежный покров, образованный при охлаждении), юбка (удлинитель, расширяющийся книзу), *рубашка* (верхний слой, оболочка), а также *манжета, колпачок, шляпка, башмак* и др.

К специальным терминам относятся *вуаль* (потемнение в неосвещенных участках проявленного кино- или фотоизображения), *шапка* (издательский термин).

В географии встречаются термины *пояс, рукав* (ответвление от основного русла реки), в геологии — *мантия*, в астрономии — *венец* (ореол вокруг небесного светила), в биологии — *колпачок* (гриб).

Рассматриваемая лексическая группа неоднородна с точки зрения сферы употребления: она содержит не только общенародную лексику, но и слова, ограниченные в своем употреблении, — разговорно-сниженные и просторечные лексические единицы, а также научно-технические термины.

От языковых метафор отличаются художественные метафоры, представляющие собой явления стилистические. В русской поэзии XIX—XX веков немало примеров метафорического использования номинаций одежды, ее деталей, головных уборов. Приведем примеры из стихотворений русских поэтов (Курсив здесь и далее наш. — *О.Б.*).

«Что слава? — Яркая *заплата* / На ветхом рубище певца» (А. Пушкин); «Ель *рукавом* мне тропинку завесила» (А. Фет); «Густолиственный / Твой зеленый *шлем* / Буйный вихрь сорвал...» (А. Кольцов); «В час, как в огненную *ризу*, / Облеклась в степи заря...» (К. Бальмонт); «Вечера красный *подол*»; «Я навек за туманы и росы / Полюбил у березки стан, / И ее золотистые косы, / И *холощовый ее сарафан*»; «Замело дорогу вьюжным *рукавом*»; «Смотрят в *шали* пурги огоньки» (С. Есенин); «*Трико* феодальное ему тесно»; «Лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы черный *чулок*» (В. Маяковский); «Ни *шлейфы* зорь, ни веера закатов...» (М. Волошин); «*Плащи* тополей» (Б. Пастернак); «Щеголиха в белой *разлетайке* — / Русская румяная зима»; «Осень, в *шубу* желтую одета...» (Д. Кедрин); «Заря свой *халат* распахнула багряно» (Вс. Рождественский).

Приведенные примеры показывают, что в художественной литературе основой для метафоризации могут служить самые разнообразные наименования одежды, головных уборов. В метафорическом значении выступают: *венец, риза, ряса, плащ, шлейф, пола, подол, кафтан, сарафан, разлетайка, халат, штаны, чулок, шаль, трико, рукав, заплата, шапка, шлем* и др.

Явление переноса может наблюдаться во внутренней структуре некоторых наименований одежды, головных уборов, обуви и их деталей

Лексические единицы этого типа включают языковые метафоры, содержащие скрытое сравнение. Перенос значений мотивируется по большей части сходством формы одежды, головных уборов, обуви или их деталей с самыми разнообразными предметами (например, *брюки-дудочки* — брюки с очень узкими штанинами, напоминающими музыкальный инструмент дудку, *шляпка-таблетка* — маленькая, плоская, как таблетка; *юбка-карандаш* — узкая, прямая, похожая на карандаш), в отдельных случаях — каким-либо общим отличительным свойством, например скоростью движения или эластичностью, — так возникли названия *застежка-молния* и *узор «резинка»*. Некоторые из номинаций отличаются яркой образностью:

юбка «солнце», галстук-бабочка, вырез «капелька», каблук-шпилька, рукав-фонарик, рукав «летучая мышь».

Большая часть подобных наименований имеет двучленную структуру, включающую родовую (наименования одежды, головных уборов, обуви) и видовую части. В некоторых случаях родовое наименование может опустаться. Так, в словах *котелок, молния, резинка* закрепились одночленная структура, их метафоричность уже не ощущается носителями языка, значения этих слов как наименований головных уборов и деталей одежды общеизвестны и зафиксированы в толковых словарях. В разговорной речи одночленную структуру могут иметь и другие наименования, например, существительное *лодочки*, обозначающее туфли определенной модели. Можно сказать: *Она пришла на вечер в новых белых лодочках*, но нельзя сказать: *На нем были модные дудочки* или *Ей очень пошла бы белая таблетка*.

По сфере употребления большинство слов этой группы можно отнести к терминам, они обозначают модели, типы и детали одежды, головных уборов, обуви.

Литература

1. Словарь профессионально терминованной экономической лексики / Сост. Н.М. Карпухина. Изд. 2-е, доп. Москва, 2004. С.18.
2. *Кожин А.А.* Структурно-языковые и стилистические нормы современного русского литературного языка. М., 2008. С. 132–135.
3. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 4-е., М.,1986. С. 165.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Библейские аллюзии в медиапространстве

© Н.А. СЕГАЛ,
кандидат филологических наук
А.В. БАБИЧ

Статья посвящена исследованию семантико-прагматического потенциала прецедентной ситуации «вывод израильтян из Египта» в медиатекстах 2013–2017 годов. В работе анализируются особенности функционирования семантических компонентов данной ситуации при их экстраполировании на общественно-политическую реалию. Выявляется манипулятивный потенциал библейских образов при формировании современных медиатекстов и своеобразие трансляции прецедентной ситуации «вывод израильтян из Египта» на мир политики.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, прецедентная ситуация, масс-медийный текст, семантико-прагматический потенциал.

DOI: 10.31857/S013161170003010-0

The article is devoted to the study of the semantical and pragmatical potential of the precedent situation «the withdrawal of Israelis from Egypt»

in the media texts 2013–2017. The paper analyzes the features of the function of the components of this situation when they are extrapolated to socio-political realities. The manipulative potential of biblical images is revealed in the formation of modern media texts and the peculiarity of the translation of the precedent situation «the withdrawal of Israelis from Egypt» to the world of politics.

Keywords: political text, political discourse, precedent situation, mass-media text, semantic-pragmatic potential.

Гражданское общество, власть, политические процессы всегда остаются главным объектом внимания авторов масс-медийных текстов. СМИ являются главным источником информирования населения, посредником в диалоге народа и власти, создателем общественного мнения.

Одним из ярких признаков текстов современных СМИ является активное использование образных средств, воздействующих на сознание массового читателя. Ценным источником для ассоциирования тех или иных политических, экономических, социальных событий, явлений и лиц нередко становятся библейские предания. По мнению Е.С. Худяковой, выражения, связанные с Библией, выполняют две основные функции – эмоциональную и художественно-выразительную, где в первом случае библеизмы выражают преимущественно авторские эмоции, а во втором – использование этих средств создает нужный стилистический эффект и эстетическую организацию текстового пространства, что крайне важно для публицистического текста [1].

Цель данной статьи – семантико-прагматические возможности прецедентной ситуации «*вывод израильтян из Египта*» и особенности ее функционирования в медиатексте.

Включение выражений из Библии, отсылка к соответствующим библейским событиям, кроме коммуникативных намерений автора, выполняет также роль разгадки его основного замысла. Использование библейских выражений обогащает масс-медийный текст дополнительными смыслами, усиливающими потенциал СМИ. Т.А. Солдаткина утверждает, что библейская фразеология в политическом тексте подчеркивает ее универсальность. В политическом дискурсе, главная функция которого – манипуляция, библеизмы позволяют усилить воздействие на адресата благодаря яркой экспрессии и насыщенной выразительности [2].

В библейском предании говорится о пророке Моисее, который решил освободить свой народ от египетского рабства и получил разрешение фараона покинуть с израильтянами Египет. На протяжении сорока лет израильский народ скитался с Моисеем по пустыне в поисках земли обетованной и питаясь лишь манной небесной: «Моисей повел свой народ в Землю Обетованную через Синайскую пустыню. Сначала три дня они

шли пустыней Сур и не находили воды кроме горькой, но Бог усладил эту воду, повелев Моисею бросить в нее указанное им дерево. В пустыне Син Бог послал им множество перепелов, а затем (и в течение всех следующих сорока лет блужданий) ежедневно посылал им с неба манну» [3]. В масс-медийных текстах элементы этой ситуации представлены антропонимом *Моисей* и прецедентными сочетаниями *земля обетованная*, *манна небесная*, *водить по пустыне*, *ходить по пустыне*.

Для создания образов политических лидеров публицистический дискурс эксплуатирует те антропонимы, которые наиболее известны в данной культуре, перенося доминантные характеристики данного онима на определенного субъекта политики. Одним из ярких образов-ассоциатов является библейский *Моисей*.

Согласно Библии, этот предводитель израильтян был призван Богом для освобождения народа от фараоновского рабства. Пророк Моисей стал примером лидера национального и общечеловеческого значения. В.А. Бачинин отмечает: «Когда Бог повелел Моисею отправиться в Египет, то вооружил его несокрушимой верой в успех этой миссии, наделил всеми необходимыми лидерскими качествами великого народоводителя, отметил печатью Божьего избранничества — харизмой, дал ему все то, чем должен обладать пророк, духовный вождь, политический лидер, духовный предводитель и законоучитель» [4].

В медиатекстах данный антропоним претерпевает ряд изменений: от трансформаций структуры до потери первичной коннотации.

В зависимости от смысловой нагрузки, которую привносит антропоним *Моисей* в медиатекст, можно разделить приводимые контексты на две группы. К первой относятся те, где в ключевой единице *Моисей* актуализируются семы 'пророк', 'предводитель'. Вторая группа контекстов характеризуется дополнением вышеперечисленных сем компонентом 'отсутствие необходимости' с ярко выраженной негативной коннотацией. Рассмотрим выделенные группы более подробно.

При актуализации семы 'предводитель' субъект предстает в роли лидера, за которым идут остальные, доверяя его опыту и возможностям. С целью эффективной актуализации данного значения и достижения большей метафоричности авторы политических текстов могут прибегать к различным изменениям в структуре антропонима. В зависимости от этого данную группу также можно разделить на несколько подгрупп:

1) контексты, в которых антропоним не претерпевает изменений (Курсив здесь и далее наш. — Н.С., А.Б.): «*Моисей* сорок лет вел народ по пустыне тоже через страдания. Так вот у Януковича сегодня очень нелегкая роль с таким скрежетом провести нас в Европу, и я лично бы сравнил его с *Моисеем*...», — заявил Табачник» (<http://news.eizvestia.com>. 16.07.2013); *России нужен свой Моисей*, который не допустит сомнений и разброда» (<http://rus.delfi.lv>. 23.09.2015). В подобных контекстах мы формируем образ

политического лидера, опираясь на собственную картину мира, в которой зафиксированы знания о библейском пророке. Авторы политических контекстов показывают нам, что стране нужен политический лидер, подобный библейскому Моисею, в котором преобладают выносливость, целеустремленность, настойчивость, организованность, умение мотивировать и вдохновлять.

2) контексты, метафоризация в которых происходит за счет сочетаемости антропонима *Моисей* с субстантивом, указывающим на лицо, наделяемое лидерскими качествами и грамматически выступающее в роли приложения: «В Киеве на день города в киевском Гидропарке музыкальный коллектив исполнил песню про украинского *Моисея* – Порошенко, который ведет свой народ через пустыню и нищету к благословенному НАТО» (<http://skeptimist.livejournal.com>. 28.05.2017) «Как сказал Дмитрий Чепур в статье “Украина в режиме телемоста ратифицировала Договор про Ассоциацию с Евросоюзом”, “половину “*пути Моисея*” Украина уже прошла...” и уверенно ее ведет новый украинский *Моисей* – Порошенко» (<http://vzpolitik.ru>. 17.09.2014). Такое уподобление, выраженное с помощью приложения, дает яркую образную характеристику политическому лидеру. Авторы контекстов считают необходимым максимально сблизить названные образы, уподобить их друг другу с целью придания личности политика в глазах адресата наибольшей значительности, нередко переоцененной.

3) контексты, метафоризация в которых происходит за счет сочетаемости антропонима *Моисей* с определением, указывающим не просто на личность политического лидера, но и на государство, в котором этот лидер является наиболее актуальным: «Журнал называет Трампа человеком, который изменил правила игры в 2016 году, но он также использует при его упоминании такие эпитеты, как “торгаш” и “демагог”. При этом самые добрые слова Time приберегает для Хиллари Клинтон, которую он с благоговением именует *Американский Моисей*» (<http://systemity.livejournal.com>, 07.12.2016 г.); «Мне думается, что Путин и есть тот самый “*русский Моисей*”, который должен вывести народы мира, раздираемые внутренней им западом злобой, в “райские куши” взаимной любви и уважения» (<http://yurayakunin.livejournal.com>. 27.03.2017).

В контекстах данного блока библейский антропоним *Моисей* вступает в сочетание с адъективами, указывающими на сферу влияния политического лидера, а именно на нацию, для которой этот политический субъект является предводителем и в рамках которой деятельность политика будет наиболее успешной. Авторы подобных политических текстов показывают таким образом, что действия того или иного политического лидера имеют и свою национальную направленность с целью наиболее результативной реализации политической кампании, а значит, и для нахождения поддержки среди граждан своего государства, что является основой успеха

для политика-лидера. Так же и Моисей, согласно Библии, направил свои силы на спасение еврейского народа, что стало его целью.

4) контексты, в структуру которых входит сравнительный союз как: «Сегодня у человечества нет общего *поводыря как Моисей* в свое время у евреев» (<http://yurayakunin.livejournal.com>. 27.03.2017); «Кобзон думает, что *Путин как Моисей* – раздвинет перед ним море санкций. Российский певец и политический деятель Иосиф Кобзон написал обращение к президенту РФ Владимиру Путину, в котором отметил невозможность бороться с западными санкциями отдельным гражданам» (<https://ria.ru>). Сравнительный оборот с союзом *как* насыщает медиатекст образными оттенками. Образность дополняется отсылкой не только к самому библейскому персонажу, но и к библейским событиям. Политический лидер, по мнению авторов, должен стать для народа *поводырем*, который будет вести за собой неосведомленное, не ведающее правильного пути общество и раздвинет перед этим обществом все преграды подобно тому, как Моисей «развернул» Красное море перед израильтянами.

Вторая группа политических контекстов характеризуется дополнением семы '*предводитель*' негативно окрашенным компонентом '*отсутствие необходимости*', что объективирует нежелание народа иметь такого предводителя: «Мы свою пустыню преодолели не за 40, а за 23 года. И без *Моисея*, и без скрижалей, путем собственных, иногда дорогостоящих ошибок, рискуя сбиться с пути, вышли-таки на путь демократии и свободы, европейской и евроатлантической интеграции», – сказал Петр Порошенко (<http://fakty.ua>. 22.08. 2016); Николай Травкин: «Нам нужен *Моисей*, но мы выбираем Одиссея. Кто ж за *Моисея* проголосует? Кому охота 40 лет по пустыне шастать? Нет желающих. А Одиссей, он одним махом, раз – и подвиг совершил!» (<http://www.rosbalt.ru>. 07.07. 2017); «Рахой представляется в этой ситуации героическим Иваном Сусаниным, который, впрочем, погубил не своих, а чужих. Или *Моисеем*, водящим соплеменников по кругу “туда, не знаю куда”. При этом у Испании нет 40 лет для подобной «прогулки» в поисках лучшей доли» (<http://www.russianspain.com>. 12.09.2016).

Яркая образность в контексте достигается и с помощью устойчивых конструкций. Так, в политическом тексте активно функционирует конструкция *манна небесная*. Согласно библейскому мифу, *манна небесная* – это пища, которую Бог посылал иудейскому народу каждое утро с неба, когда «сыны Израиля» шли пустыней в страну обетованную [5].

Анализ показал, что в контекстах данный библеизм, как правило, не претерпевает трансформаций, преимущественно реализуется в заголовках политических текстов и требует обращения к тексту самой статьи во избежание двусмысленного толкования: «Крымчане думали, что сразу после присоединения к России на них *прольется манна небесная*» (<http://www.business-gazeta.ru>. 12.07.2014); «*Манна небесная* от МВФ. Как и с чем ее едят» (<http://news24ua.com>. 13.03.2015). Нередко данным устойчивым

сочетанием называют государственные явления: «*Санкции как манна небесная*» (<http://www.compromat.ru>. 09.10.2014). Или социально-политических субъектов: «*Экс-посол США в РФ Макфол назвал Сноудена манной небесной для Путина и объяснил, зачем тот забрал Крым*» (<http://www.newsru.com>. 03.07.2014)). В лексикографических источниках *манна небесная* интерпретируется как «определение чего-либо конкретного желаемым и крайне необходимым». Таким образом, представленные политические явления и субъекты характеризуются как желательные для развития того или иного государства или укрепления позиций того или иного политического субъекта.

Одним из частотных в политических контекстах является устойчивое сочетание *земля обетованная*. В лексикографических источниках выражение имеет несколько словарных значений: «1. Место, куда к-л. страстно мечтает, стремится попасть; 2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.д.; 3. Место, где царит довольство, изобилие, счастье» [5]. В словарях отмечается, что «конструкция берет свое начало в Библии, согласно тексту которой означает “обещанную землю” (Палестину), а именно землю, которую Бог обещал евреям, выводя их из египетского плена, земля “хорошая и просторная, где течет молоко и мед”» [Там же]. Необходимо отметить, что в политических текстах реализуются первое и третье значения, закрепленные в словарях.

При реализации значения «место, куда к-л. страстно мечтает, стремится попасть» в контекстах речь идет о государствах, территориях государств, которые стали предметом мечтаний и стремлений побывать там: «*Крым — земля обетованная*» (www.argumenti.ru. 30.07.2015); «*Россия стала землей обетованной*» (www.gazeta.ru. 18.06.2015)). Кроме того, выявляется ряд контекстов, в состав которых входит негация и характеризуемый локатив не представляется желательным для посещения или жизни: «*Крым не был землей обетованной*» (www.vedomosti.ru. 17.06.2015); «*Земля не обетованная: почему бегут из Крыма?*» (www.hvlyla.net. 11.04.2014).

При реализации значения «место, где царит довольство, изобилие, счастье» определенные локативы не представляются благополучными и богатыми регионами, способными дать стремящимся туда людям все необходимое: «*Венгрия: СМИ обманывают беженцев, называя Европу землей обетованной*» (www.vz.ru. 12.09.2015).

Следует отметить, что при реализации данной конструкции возможно замещение первого стержневого компонента субстантивом, который привлекает внимание к названным территориям и усиливает их значимость в политическом мире: «*Германия обетованная*» (www.profile.ru. 23.09.2015); «*Херсонщина обетованная*» (www.ukraina.ru. 12.01.2016).

Наименее частотной в медиатекстах является конструкция *водить по пустыне*. Этот путь в поисках земли обетованной был наполнен тяжкими испытаниями для еврейского народа и для самого пророка Моисея.

В политических контекстах сочетание *водить по пустыне* встречается крайне редко и реализуется в значении «долго вести кого-либо к цели»: «Гройсман не будет *водить свой народ по пустыне* 40 лет... обещает только 10. Премьер-министр Владимир Гройсман считает, что через десять лет Украина будет в Европейском союзе. Об этом он заявил на открытии шведско-украинского бизнес-форума» (www.ua-reporter.com, 14.06.2016). Более частотным является употребление конструкции *ходить по пустыне*. Если мы обратимся к лексикографическим источникам, то увидим, что глагол *водить* в первом значении — «то же, что *вести*, с той разницей, что *водить* обозначает действие повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время» [6. Т. 1], а глагол *ходить* имеет сходное второе значение «то же, что идти, с той разницей, что *ходить* обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время» [Там же. Т. 4]. Примечательно, что в медиатекстах данные глаголы не являются синонимами, так как глагол *водить* имеет в своем значении компонент «идти во главе кого-, чего-л., предводительствуя, направляя движение», а глагол *ходить* не имеет семы “предводительство” и актуализирует значение самостоятельного движения на пути к поставленной политической цели: «Происходит формирование новой прослойки украинских граждан, поэтому мы обречены на успех. Я не могу сказать, сколько еще нам *ходить по пустыне*, но 50-летние еще могут заставить стратегические изменения в Украине» (www.gordonua.com. 21.11.2015); «На пресс-конференции в Киеве посол сообщил, что Украина будет бороться с коррупцией десятилетия...Этот вопрос необходимо решать на ментальном уровне. Соответственно страна будет *ходить по пустыне*, пока не изменит свое отношение к этому явлению через несколько поколений» (www.zi.dn.ua, 17.10.2016).

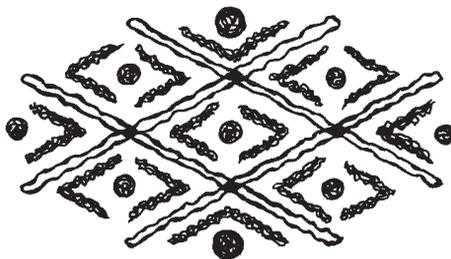
Таким образом, метафоричность и полисемантичность библейских образов является мощным средством влияния на политическую картину мира и дает возможность формировать в сознании человека определенное отношение к политической жизни мирового сообщества, что обуславливает использование в публицистическом тексте одной из значимых в библейском тексте прецедентных ситуаций *вывод израильтян из Египта*. Данная ситуация реализуется в публицистике с помощью различных языковых единиц (прецедентных антропонимов и устойчивых сочетаний). Данные единицы вносят в масс-медийный текст новые образные значения и ассоциации, что нередко достигается за счет изменения семантической структуры слов и сочетаний. Именно манипулятивный потенциал образных средств является ценным и значимым при формировании современных медиатекстов.

Литература

1. Худякова Е.С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. СПб., 2007. № 20 (49). С. 229.
2. Солдаткина Т.А. Фразеологические единицы библейского происхождения во французском политическом дискурсе [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rusnauka.com/20_AND_2014/Philologia/7_173304.doc.htm. Проверено 13.03.2018.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. М., 2014.
4. Бачинин В.А. Христианская мысль: Библия и культура. Христианство и литература. СПб., 2006. Том X.
5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского.
Симферополь*

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» гранта № ВГ20/2018

Об антикафе, антимагазинах и других антиобъектах

© Д.К. ПОЛЯКОВ,

кандидат филологических наук

В статье рассматриваются распространившиеся в недавнее время наименования предприятий торговли, обслуживания и общественного питания с приставкой *анти-*, первым из которых стало *антикафе*. Анализируется также семантика морфемы *анти-* в разных типах наименований и в разных контекстных условиях.

Ключевые слова: неологизм, потенциальное слово, интернациональная морфема, префикс, *анти-*.

DOI: 10.31857/S013161170003011-1

The article deals with the names of trade, service and public catering enterprises with the prefix *anti-* (e. g. *anti-café*). The semantics of morpheme *anti-* in different types of names and in different contextual conditions is also analyzed.

Key words: neologism, potential word, international morpheme, prefix, *anti-*.

Популярный неологизм *антикафе*, обозначающий заведение общественного питания, посетители которого платят не за еду и услуги, а за время, проведенное в нем, появился, по данным «Википедии», в 2012 году, когда в Москве открылось антикафе «Бабочки». Оно, однако, стало не первым предприятием такого формата: к тому времени уже год работало «свободное пространство» «Циферблат», также устроенное по принципу поминутной оплаты. Уже и до появления этого термина — перешедшего, заметим, из русского языка в другие (ср. англ., франц. *anti(-)café*, чеш.

antikavárna, пол. *antykwarnia*) — антикафе имели несколько обозначений, данных по их функции и специфическим чертам: *тайм-кафе*, *тайм-кофейня*, *тайм-клуб*.

Но наиболее популярным из них все же стало *антикафе*. Более того, сам тип заведения тут же обзавелся многими последователями, а слово-образовательная модель (о ее актуальности при наименовании предприятий общепита см., например, [1]) пополнилась новыми членами.

Широта значения морфемы и необычность нового объекта при этом почти всегда заставляют давать пояснение того, какой принцип работы «антизаведения» подразумевали его владельцы: *У абаканцев появилась возможность, провести время максимально комфортно, в необычном антикафетерии* (выделение жирным шрифтом здесь и далее наше. — Д. П.) *PasTime. Все как дома, даже тапочки, это место возможностей, в котором есть всё, что нужно современному человеку в любой его деятельности; Антибар TimeTerria — недавно открывшее свои двери антизаведение нового формата. На этот раз это «антибар», работающий по системе all inclusive, где платят только за время; Антитрактир «Бублички» — это общественная площадка, место встречи для всех тех, кто увлекается русской культурой, историей, традициями, которая будет функционировать в формате антикафе. Мы являемся первым русским народным антикафе!; В Барнауле открылось заведение, работающее в формате «антистоловой», где посетители платят за вход, а за блюда платят по себестоимости; Антимойка в г. Новый Уренгой. Предоставляем уборку и мойку вашего авто вам самим. Имеется всё необходимое оборудование и химия для качественной уборки автомобиля; Если вы устали от больших сетевых кинотеатров, <...> то можно пойти в антикинотеатры, где не платят за билеты. Здесь деньги возьмут за безлимитные попкорн и газировку или устроят для вас и ваших друзей эксклюзивный сеанс...; Антипекарня — это место, где создается необычный хлеб. Мы не печем его как в обычной пекарне. Процесс приготовления направлен на максимальное сохранение витаминов, микроэлементов и энзимов, содержащихся в натуральных ингредиентах нашего хлеба; PhysLand — антимузей, который открылся в 2014 г. в Санкт-Петербурге. Посетители становятся непосредственными участниками интерактивной программы. (Все примеры в статье взяты из текстов Интернета, в основном новостных или рекламных; в целях экономии места мы опускаем адреса сайтов, где были обнаружены интересующие нас лексемы.)*

Устойчивость модели подкрепляется ее использованием не только в качестве обозначения типа предприятий, но и в самих их названиях: *АнтиФитнес* — зал кроссфита и функционального тренинга. Это проект для людей, ценящий результат, а не средства для достижения; *Антистудия*. Запиши песню легко. Без поиска и аренды студии. Без ожидания свободного студийного времени. Без траты времени на дорогу. Без страха перед

микрофоном...; *Наше открытое швейное пространство Анти-Ателье чем-то похоже на Швейный коворкинг. <...> Это идеальная швейная мастерская для всех, кто любит шить!; Сайт Антикурсы призван помочь людям поверить в себя и начать заниматься языком в индивидуальном режиме...*

Создание не связанных с существующими реалиями потенциальных наименований по аналогии «антикафе → любой другой антиобъект» тоже указывает на популярность словообразовательной модели, ср. в отзыве о баре, работающем в формате антикафе: *Интересная идея – антирюмочная получается. В игровых употреблениях: Идея для стартапа: антикладбище. Не нужно покупать место, платишь только за время, которое там провёл, Антипляж – Семья на замусоренном и загаженном берегу водоема загорают на привезенном в прицепе песке (название карикатуры и ее описание); в антибордель зашел с женою / на пару партий в домино (поэтический экспромт); Если появились антикафе, то могут ли появиться антимагазины или антитуалеты?* (вопрос на форуме).

Наконец, распространение «антиобъектов» вызывает попытки осмысления и объяснения, как, например, в посте тюменского интернет-пользователя shebu_988 под названием «Мода на антимоду» от 2.04.2014: *Удивительная вещь: все больше вокруг нас появляется заведений или организаций с приставкой АНТИ-. Я не имею в виду всем давно знакомый антивирус или злополучный (для студентов) антиплагиат. А проекты, которые подразумевают какой-то уникальный формат – но вот почему-то «анти». То ли все остальное уже приелось, то ли это своеобразный протест, то ли просто веяние моды. А может ничего более умного в голову не приходит просто. Не смею судить, хорошо это или плохо. Просто интересно. <...> Оказывается, в Тюмени существует антитакси! <...> Выяснилось, что это такой проект взаимопомощи. Мол, если у меня есть машина, свободное время и желание пообщаться, то почему бы не сделать доброе дело и не подвезти кого-нибудь куда-нибудь? Правда, не совсем бесплатно. Плата все-таки присутствует, хоть и небольшая. По городу, например, 150 рублей. <...> Среди российских проектов мне также удалось найти анти-радио. <...> Его феномен заключается в том, что они готовы включать у себя ту музыку, которую по тем или иным причинам не пропустили на «нормальном» радио.*

Популярность обозначения объектов, явлений, артефактов с помощью приставки *анти-* можно усматривать в комбинации внутриязыковых и экстралингвистических причин, которые почувствовал автор процитированного поста: «то ли остальное приелось, то ли протест, то ли веяние моды». С одной стороны, наименования создаются по устойчивой и продуктивной словообразовательной модели, потенциал которой усиливался в течение всего XX века, с другой – здесь можно видеть маркетинговую ориентацию на броскость, неожиданность, попытки привлечь клиентов отталкиванием от известных, привычных им реалий.

Как сообщает «Русская грамматика», существительные с префиксом *анти-* обозначают «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным» [2]. Такое широкое толкование морфемы обуславливает ее легкую сочетаемость с различными основами и большой стилистический потенциал: среди только приведенных в грамматике примеров — и специальные термины (*антициклон*, *антивещество*), и стилистически маркированные слова с негативной оценочностью (*антикрасота*), и авторские употребления в поэтической речи (*Нет женщин — есть антимужчины*, А. Вознесенский). Значение противоположности и отрицания при этом «особенно активизировалось в середине XX в.» на фоне усилившегося взаимодействия русского языка с другими европейскими языками [3. С. 161]. Причиной тому послужил всплеск терминообразования — заимствование и создание на собственной почве естественнонаучных терминов (*антиатом*, *антивещество*, *антиводород*, *антипространство* и мн. др.), которые быстро входили в общелитературный язык, а также «некоторые новые явления социальной действительности, например “нигилистические” течения в искусстве и литературе современного Запада» [Там же. С. 162]: *антигерой*, ср. название заметок М. Туровской о западной культуре 1960-х — «Герои “безгеройного времени”» (М., 1971), *антисказка*, *антидрама*, *антифильм*, *антироман*, *антиискусство*.

Со временем на этой базе и развилось новое значение префикса, удачно истолкованное М. Н. Булдаковой как «отрицание тождества при наличии сходства» [4]. Остановимся подробнее на последних примерах. В русской лексикографии они впервые фиксируются в словаре-справочнике «Новые слова и значения»: *антиискусство* — ‘тенденции в современном западном искусстве, проявляющиеся в стремлении создавать произведения, противоречащие законам вида или жанра искусства’; *антироман* — ‘литературное произведение, противоречащее жанровым канонам романа’ [5. С. 48, 50]. Как видно, речь идет о реалиях, возникавших в противовес традиционным: антиискусство противоречит традиционному искусству, антироман (известный также как «новый роман») — традиционному роману.

Объекты и явления, рождавшиеся в противопоставлении общепринятой норме и получавшие наименования с участием префикса *анти-*, возникали в культуре (по крайней мере, западной) с начала XX века и становились особенно актуальными и многочисленными в переломные эпохи, например, в 1960-е годы. Это и были плоды «нигилистических» течений, связанных в том числе с зарождением и развитием *контркультуры* (о ней см. [6]), ростом неудовлетворенности традиционным устройством общества, апогеем которой стали протестные движения 1968 г. в Европе и Америке. На волне протестов возникал спрос на альтернативно организованные структуры: «пример желая апокалипсических перемен,

обуявшего нашу молодежь: когда в начале 1968 года в Лондоне открылся *Антиуниверситет* (первая английская версия наших свободных университетов), его проспект пестрел курсами “*антикультуры, антисоциума, антипоэзии, антитеатра, антисемьи* и альтернативной власти”, словно наработки прежнего общества разом перестали быть приемлемыми» [6. С. 39]. Антиуниверситет в данном случае противопоставлял себя именно традиционности (косности, ритуализованности) университета, предлагая ему своеобразную альтернативу: «часто сменявшие друг друга студенты приезжали туда с гитарой, чашкой для подаяний и запасцем волшебных грибов штудировать учение политика-анархиста Тимоти Лири и тантрический секс» [6. С. 3]. В то же время при всей противоположности традиционным учебным заведениям, в главной – образовательной – функции антиуниверситета не приходится сомневаться.

Происходящие в западном мире процессы зафиксировала и тогдашняя советская пресса: *Сейчас модно писать что-нибудь «анти».* Например, *антироман.* В Париже изданы даже некие *антимемуары.* А я буду писать *антиочерк* (Лит. газета. 1967. № 50); *Устремившись на выставки Вермеера и Пикассо, но в то же время проявляя ледяное безразличие к десяткам картинных галерей, все еще заваленных хламом «поп-арта», «антиискусства», «неискусства», сотни тысяч парижан совершенно недвусмысленно заявили о своих пристрастиях* (Правда. 23.12.1966); оба примера – из [5]. Заметим лишь, что слово *антиискусство* (*anti-art*) появилось еще в середине 1910-х годов, и парижские картинные галереи к моменту публикации в «Правде» были «завалены» им вот уже полвека. Изобретение этого термина приписывают авангардисту, одному из основоположников дадаизма Марселю Дюшану, впервые придавшему статус художественных произведений утилитарным объектам массового производства, созданным не с эстетической целью (т. н. реди-мейд). «Антиискусство» Дюшана и других дадаистов радикально отличалось от всех тогдашних художественных практик, однако и оно со временем было неизбежным образом «кодифицировано», превратившись в классический образец искусства авангарда. «Казалось, что после появления практики реди-мейда институты искусства потеряли свою легитимность и устарели. Однако после Дюшана художественная практика реди-мейда функционировала как продолжение художественной традиции, а вовсе не как отречение от нее» [7]. Так антиискусство было «поглощено» искусством, стало его частью, а *анти-*, изначальная морфема противоположности, в данном случае фактически обозначает неполное тождество, частные расхождения при общем единстве, сходстве. То же самое характерно и для других «антифеноменов» – *антипсихиатрии*, возникшей в те же 1960-е как оппозиция традиционной психиатрии, но сейчас признаваемой в качестве одного из ее направлений, *антитеатра* (еще одно обозначение для театра абсурда), *антидрамы* (или «новой драмы») и мн. др.

«Антиобъекты» из названных в начале статьи в той же мере удовлетворяют данному выше толкованию: антикинотеатр не идентичен традиционному кинотеатру, но сходен с ним в главной функции — показа фильмов. Строго говоря, по своему главному предназначению они не отличаются от объектов, а префикс актуализует отрицание подобия, его неполноту, причем в каждом случае разную (способ оплаты, способ организации процесса, особенности технологии и т. д.). Поэтому наименования с *анти-* и без него могут встречаться параллельно и даже в близких друг к другу фрагментах текста: *Вы еще не были в нашей пиццерии? Это необычное место. Можно сказать, что это «антипиццерия». Почему? У нас нет официантов, а пиццу подают в коробках. Это как McDonalds или Starbucks...; ... эти отличные опции («расслабиться, перекусить и выпить кофе». — Д. П.) можно обнаружить в антисалоне GURU, где считают, что салон красоты должен быть одновременно и местом, куда хочется просто зайти, чтобы приятно провести время; **Караоке**-клуб Red Karaoke. Первый в Москве **Анти-Караоке!** 2000р./час за аренду помещения до 10 человек.*

Зависимость значения от контекста — характерная особенность слов с префиксом *анти-*, относящихся к любой семантической группе. Можно сослаться на работу М. Радченко, обнаружившей в неологизме *антидети* несколько значений: (1) взрослые; (2) противозачаточные таблетки; (3) сторонники движения, направленного на уменьшение рождаемости; (4) приспособления, устанавливаемые ради обеспечения безопасности детей на упаковках с лекарствами, автомобилях и т. д. [8]. Точно так же и в наименованиях рассматриваемых нами объектов скрывается многозначность, снимаемая контекстом — или, наоборот, актуализируемая в зависимости от коммуникативных намерений говорящего. Так, открытая в подмосковном Королеве *антибиблиотека*, позиционируемая как «новый вид библиотечной деятельности, в котором акцент делается на инновационные проекты, которых ранее не существовало в формате библиотек», вскоре получила в газете «Калининградская правда» гневный отзыв, часть которого была посвящена именно ее наименованию: *Чем, собственно, «антибиблиотека», которую выдают за некое новшество, отличается от деревенского клуба, где размещалась маленькая библиотечка и проводились различные культурные мероприятия: играли в шашки, танцевали, устраивали спектакли и концерты? Только названием. А что за ним скрывается? <...> согласно словарю иностранных слов, приставка анти- «образует существительные и прилагательные со значением противоположности, враждебности, направленности против кого-чего-нибудь». <...> Таким образом, антибиблиотека — это не «ничто противоречивое», а противоположное, враждебное библиотеке. Рассерженный рецензент, как видно, актуализирует значение противодействия, одно из основных значений префикса, таким образом делая антибиблиотеку врагом библиотеки традиционной (добавим, заголовок заметки — *Антибиблиотека, или Как убивают культуру*).*

Намеренная замена одного значения другим представлена и в шуточной интернет-миниатюре «Вечерние раздумья», идея которой, очевидно, навеяна популярностью «антизаведений»: *Вот представьте себе, к примеру, антипарикмахерскую. Заходит туда человек аккуратно подстриженный, наодеколоненный, а выходит — заросший и без парфюмерных ароматов. Но зато ему заплатят. Или еще — антибаня. Туда идут красные, распаренные, а выходят заметно побледневшие, но с некоторой суммой в кармане. Или антиателье — сдает клиент костюм, а получает отрез и деньги. Или, скажем, антилампочка. Включишь ее — темнее станет, но счетчик будет крутиться в обратную сторону.* Совмещаются значения сходства при отсутствии тождества и противоположности.

Это значение также может служить отправной точкой для контекстно-го,okkaзионального употребления слов с *анти-*, где приставка выступает в качестве негативного маркера. Так, утвердившийся в меню некоторых японских ресторанов раздел *Антисуши*, в котором содержатся все блюда, выходящие за рамки японской (а скорее, квазиапонской) традиции, вдохновил автора разгромного отзыва об одном таком ресторане, озаглавившего его *Кафе «Япоша»: антисуши, антикухня, антисервис* и от значения ‘любая еда, кроме японской’ перешедшего к контекстно обусловленному ‘псевдосуши, плохое суши’, подкрепленному последующими *антикухня* и *антисервис*.

Игра с разными значениями морфемы для достижения комического эффекта представлена и в следующем примере. Новость под заголовком *Открылось первое антикафе в городе Ессентуки — антикафе «Джунгли»* была сопровождена следующим комментарием: *Ну, не знаю, чего это оно «первое в городе»? ИМХО, антикафе — самый популярный формат заведения на КМВ. На втором месте — антиресторан, а на третьем — антикараоке. Замыкает четверку лидеров квазиночной клуб.* Здесь на первый план выходит еще одно производное значение — объекта, который, с точки зрения говорящего, выдает себя за оригинал, но не может считаться таковым из-за нехватки важных для оригинала свойств. Как правило, оно сопровождается резко негативной оценочностью, а *анти-* здесь в целом синонимично *псевдо-* и другим префиксам, отвечающим за значение ложности, фальсификации и подмены, например, *квази-* — как в приведенном выше примере. Синонимия может быть эксплицирована в тексте (соответствующие слова и выражения выделены разрядкой): *Анти-пиццерия! Пицца Маргарита — это что-то непонятное, причем полно ингредиентов, которых в помине нет в ее рецепте. <...> это анти-итальянская еда, псевдопиццерия!; Какой-то антиотель... Ночлежка с претензией на отель...* Более развернуто отношения синонимии и антонимии продемонстрированы в следующем пассаже: *Фактически университет превратился в антиуниверситет, образование — в антиобразование, наука — в псевдонаука, академическая свобода — в академическое рабство, творчество — в рутину,*

общественное уважение — в *общественное презрение*. Антонимический ряд здесь реализуется как лексически, так и словообразовательно (парадигматически); синтагматически же *антиуниверситет* и *антиобразование* оказываются объединены с псевдонаукой, рабством (= *антисвободой*, *несвободой*), *презрением* (то есть *антиуважением*) и *рутиной* (*антитворчеством*). Негативная оценочность, таким образом, нашла выражение и в синтаксическом объединении наименований с *анти-* и однозначно, внеконтекстно отрицательных лексем.

Разумеется, контекстная обусловленность таких слов раскрывается и вне соседства с морфемами схожей семантики, ср. в многочисленных негативных интернет-комментариях: *Это антиресторан!!! Свет горит над одним-двумя столиками! Блани прокисший; Невис — антиаптека своим обслуживанием они сделают только хуже!; Я бы на месте Министерства туризма Испании давно бы показал этому антиотелю красную карточку; ...ответственность быть должна огромная, а вот с этим напряг, особенно в Минусинске, это антибольница, про поликлиники я вообще молчу...; Ужасный туроператор! Это даже антитуроператор!!! Никогда ничего у него не покупайте!!!; ...анти-солярий, в который не стоит ходить; Антипляж на ул. Gladkova. <...> Так или иначе — «загорать» здесь можно, главное — крепко зажмуриться и зажать нос; Да ИнЯз уже превратился в антибуз, в заведение, которым пугать надо; Это убожество просто антиздание для окружающей архитектурной среды; ОБХОДИТЕ СТОРОНОЙ данный Анти-автосервис!!!*

Это значение — ‘объект, лишенный важных для говорящего характерных свойств’ или, в формулировке О. Мартинцовой, отметившей употребление *анти-* в негативно оценочных потенциальных словах (в терминологии автора — окказионализмах) еще в 1987 году, ‘недостаток какого-либо знака, содержащегося в значении производящего слова’ [9], — может, однако, сопровождаться положительной оценочностью — в том случае, если сам объект изначально трактуется негативно и вызывает отрицательные ассоциации. Такие примеры в нашем материале малочисленны: *Кроме того, на вокзале нет нищих, толп приезжих, ларьков — в общем, нет абсолютно никаких атрибутов того, что принято понимать под вокзалом. Это как бы антивокзал, если так можно выразиться; Не так давно, например, в Петербурге появилось волшебное место «Рускомплект» на Старо-Петергофском проспекте — такая антигалерея и антиклуб. Впрочем, некоторые из рассмотренных в начале статьи нейтральных наименований актуализируют положительные характеристики новых объектов по сравнению с традиционными: Антимузей «ФизЛенд» — это место, где вместо скучных экскурсий устраивают яркие научные шоу...; Антишкола английского языка «Space Deer» на улице Чарльза Дарвина в Киеве. Здесь не готовят к экзаменам, а готовят к жизни; Антиофис поможет избежать застоя в интеллектуальной работе и придаст мышлению и творчеству свежую перспективу.*

В таких употреблениях *анти-* прослеживается связь с авангардным «антиискусством» начала XX века, изобретенным, чтобы покончить с косностью традиционных практик.

Наименования «антиобъектов», как мы уже отмечали, имеют широкую, зависимую от контекста семантику. Позитивная или нейтральная интерпретация объекта скрывают больше возможных смыслов, чем его негативная оценка, ведь говорящий противопоставляет «антиобъект» объекту по какому-либо из его признаков, наиболее важному для него в данной ситуации. Так, слово *антимагазин*, помимо значений противоположности (*Супермаркет — это антимагазин*) и ложности, сопровождаемой негативной оценкой (*Топ антимагазинов: где я бы не стал одеваться и вам не советовал*), выступает и в нейтральном значении сходства при отсутствии тождества, именуя, однако, по-разному организованные объекты: *Анти-Магазин — это сервис мгновенного обмена без использования денег...; В Москве открылся благотворительный «антимагазин». Покупатели сами решают, сколько платить за брендовые вещи* (в первом случае — обмен без денег, во втором — оплата суммой, определяемой покупателем).

Анализ употреблений морфемы *анти-* в наименованиях организаций, предприятий и заведений показал активное развитие ее семантики — от традиционно отмечаемых в грамматиках противоположности и борьбы к отрицанию тождества при наличии сходства. При этом данное значение реализуется в разных видах: помимо нейтральных номинаций, часть которых терминологизируется, обозначая новые и получающие все большее распространение реалии (*антикафе*), префикс *анти-* участвует и в регулярном образовании потенциальных слов, сопровождающихся негативной и, реже, позитивной оценочностью.

Литература

1. Старикова Г. Н., Хоанг Тхи Хонг Чанг. Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 47. С. 82.
2. Лопатин В. В. Словообразование имен существительных // Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1. С. 227.
3. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. Т. 2. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
4. Булдакова М. Н. Образование с начальным *анти-* в русском языке (На материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1993. С. 10.
5. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.

-
6. *Рошак Т.* Истоки контркультуры. М., 2014.
 7. *Гройс Б.* Антифилософия, или Философские реди-мейды // Логос. 2013. № 6. С. 3.
 8. *Радченко М.* Структурно-семантические особенности русских и хорватских новообразований с префиксом *анти-/anti-* (на материале языка Интернета) // Acta Linguistica. 2009. № 1. С. 91–92.
 9. *Мартинцова О.* Окказиональные слова в сопоставительном аспекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нешименко. М., 1987. С. 172.

Российский государственный гуманитарный университет

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН

Две летописные похвалы Владимиру Мономаху

© Н.В. ТРОФИМОВА,
доктор филологических наук

Две древнейшие летописи – Лаврентьевская и Ипатьевская – содержат некрологические похвалы Владимиру Мономаху. Похвала в первой из летописей дает обобщенную неиндивидуализированную характеристику князя, построенную с помощью тропов и повторов, историзм которой придают только персоналии. Текст в Ипатьевской летописи создает конкретный образ исторической личности, основанный на перечислении деяний князя и качеств, во многом совпадающих с теми, что упомянуты в «Поучении» Владимира Мономаха.

Ключевые слова: похвала, Владимир Мономах, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, тропы, библейские цитаты, «Поучение» Владимира Мономаха.

DOI: 10.31857/S013161170003012-2

Two ancient Russian chronicles – Lavrentievskaya and Ipatievskaya – include postmortem praises to Vladimir Monomakh. The first of them creates

generalized not individual characteristic of the prince based on the poetic devices and repetitions. Only some personalia gave historicism to this text. The second chronicle creates the individual image of historical person based on listing of actions and traits corresponded to those that are mentioned in the «Sermon to the children» by Vladimir Monomakh.

Keywords: praise, Vladimir Monomakh, Lavrentievskaya chronicle, Ipatievskaya chronicle, poetic devices, bible quotes, «Sermon to the children» by Vladimir Monomakh.

Похвальное слово, или похвала – «малый» жанр древнерусской литературы, представленный самостоятельными произведениями и своеобразными вставками внутри текстов других жанров, и первичных, и объединяющих. Самостоятельные похвальные слова оформлялись по законам риторики. Из «вставных» самыми распространенными были похвальные слова в житиях и некрологические похвалы князьям в летописях, охарактеризованные как особое литературное явление в работе А.А. Пауткина [1].

Одним из самых заметных персонажей в раннем русском летописании был Владимир Мономах. В статьях 1126 года Ипатьевской и 1125 года Лаврентьевской летописей содержатся сообщения о его кончине с сопровождающей их похвалой. Последние 13 лет жизни Владимир Всеволодович княжил в Киеве, поэтому следовало бы ожидать, что именно Киевская летопись, входящая в Ипатьевский сборник, представит подробную похвалу князю. Однако в действительности дело обстоит иначе.

Текст, содержащийся в Ипатьевской летописи, краток и своеобразен по построению и стилю. Начинается он восхвалением преставившегося, содержащим постоянные эпитеты (благовѣрныи, христолюбивый, великий), эпитеты, характеризующие личность и деятельность князя (страшенъ поганымъ, братолюбець и нищелюбець и добрый страдалецъ за Рускую землю), метафору с ярким развернутым сравнением (просвѣти Рускую землю акы солнце луча пушая), гиперболу (егоже слухъ произиде по всимъ странамъ) [2].

Затем сообщается точная дата кончины князя (19 мая) и упоминается его погребение в соборе Святой Софии рядом с отцом Всеволодом.

Последняя часть изображает оплакивание князя с помощью относительно параллельных конструкций: «святители же жалящеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немъ плакахуся яко же дети по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людие и сынове его Мьстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгии, Андрѣи и внуци его» [2]. Сообщается и о том, что разошлись люди «с жалостью великою», а сыновья в своей волости «с плачемъ великомъ». Повтор слов с корнями «плач» и «жал-» усиливает впечатление общей скорби. Эта часть занимает большое место, возможно, в связи с тем, что автор был свидетелем оплакивания и погребения князя.

Только первая часть содержит прямую похвалу князю с яркими оценочными средствами, две другие лишь повторами, отдельными эпитетами и сравнением дополняют эту оценку. Похвала лишена риторических приемов, обычных для этого жанра.

Иной текст содержит Лаврентьевская летопись. Начало его сходно с началом житийного повествования: сам князь назван «благовѣрным и великимъ», и упомянуто, что он сын «благовѣрна отца Всеволода, украшены добрыми нравами» [3. Стб. 293]. Гипербола, содержащаяся в Ипатьевской летописи, которая подчеркивает могущество князя, усилена с помощью синонимических оборотов: «прослувыи в побѣдахъ, его имени трепетаху вся страны и по всем землям изиде слух его» [3. Стб. 293–294]. Эта похвальная характеристика подкрепляется дидактическим размышлением летописца, риторически обращенным к читателю, о причине такого могущества князя. Он считает, что Владимиру была дана сила, «понеже убо онъ всею душею възлюбил Бога» [3. Стб. 294]. Автор поясняет: недостаточно думать, что любишь Бога, нужно соблюдать его заповеди, и подкрепляет свою мысль цитатой: *«Любяи бо мя — рече — заповеди его хранить»* (Ин. 14:15). И далее летописец перечисляет заповеди, хранимые князем: «Божьи страхъ присно имея в сердци,.. не взношашесе, ни величашесе, но на Бога възлагаше все... добро творяше врагом своимъ, отпускаше я одарены. Милостивъ же бяше паче мѣры... тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ и церкви зижя и украшая, чтящете же излиха чернечьскыи чинъ и поповьскыи подавая имъ еже на потребу и приимая отъ нихъ молитвы...» [3. Стб. 294]. Мысли о необходимости любви к людям, в том числе к врагам, и о милости подкрепляются библейскими цитатами (*«познають вы вси чловеци яко мои ученици есте аще любите другъ друга* (Ин. 13:35) *и любите врагы ваша* (Мф. 5:44, Лк. 6:27, 6:35) *и добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5:44)»; *«блажени милостивии яко ти помиловани будут* (Мф. 5:7) *и блаженъ разумѣваяи на нища и убога, яко в день лютии избавить и Господь* (Пс. 40:2)»).

Примечательно, что летописцем отмечены черты князя, о которых он сам говорил в «Почучении» детям: «Страхъ имѣите Божии в сердци своемъ и милостыню творя не оскудну, то бо есть начатокъ всякому добру» [3. Стб. 241]; «всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуше по силѣ кормите и придавайте сиротѣ и вдовицу оправдите сами», «епископы и попы и игумены с любовью взимаите от нихъ благословенъе и не устраняйтеся от нихъ и по силѣ любите и набдите, да приимете от нихъ молитву от Бога. Паче всего гордите не имѣите в сердци и въ уме», [3. Стб. 245] «Страхъ Божии имѣите выше всего» [3. Стб. 246]. Рассказывая о своей жизни, князь упоминал: «И мировъ есмь створилъ с Половечьскыи князи безъ одного 20 и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты своѣ и пустилъ есмь Половечьскыхъ князь лепших из оковъ толико

Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братье 4, а всехъ лѣпшихъ князи инехъ 100» [3. Стб. 250].

Особо летописец, перечисляя деяния князя, говорит о почитании им святых мучеников Бориса и Глеба и построении во имя их церкви на Альте, где убили Бориса. За добродетели князя, утверждает автор похвалы, ему дан был от Бога дар слезной молитвы, которая всегда принималась Господом. Мысль о Божьем покровительстве князю неоднократно в разных формах повторяется в похвале: «вся бо зломысли его вда Богъ подь рущѣ его... Богъ покаряше подь нозѣ его вся врагы... Богъ вся прошенья его свершаше и исполни лѣта его в доброденствѣ» [3. Стб. 294–295]. Эта мысль звучит в рассказе князя о походах, включенном в «Поучение», когда он семь раз повторяет фразу: «и Богъ ны поможе» [3. Стб. 248].

Переключки с «Поучением» Владимира Мономаха могут свидетельствовать о том, что автору похвалы был знаком этот текст. Это было бы неудивительно: Суздальская летопись, в состав которой входила данная летописная статья, велась во Владимире, по разным данным, либо основанном, либо укрепленном Мономахом, где в дальнейшем княжили его потомки. Вполне возможно, что здесь хранился и список «Поучения» Владимира.

Последняя часть текста содержит указания на продолжительность киевского княжения князя — 13 лет, год кончины от сотворения мира — 6633, число — 19 мая и количество прожитых лет — 73. Сказано и о месте смерти — «на Лтъѣ у милое церкве юже созда потщаньемъ многымъ» [3. Стб. 295]. В этом в целом документальном фрагменте привлекает внимание эпитет «милое церкве», говорящий о личном отношении летописца.

В отличие от подробного рассказа о погребении и оплакивании Владимира в Ипатьевской летописи, в Лаврентьевской сказано только, что сыновья и бояре перенесли князя в Киев и похоронили в соборе Святой Софии рядом с отцом. Краткость этой части закономерна, поскольку автор рассказывает о событии, произошедшем в Киеве, свидетелем которого он, скорее всего, не был.

Различия в составе текстов и раскрытии основной темы — восхвалении усопшего князя — очевидны. В начале текста в Киевской летописи дана обобщенная характеристика, оформленная тропами, а в конце — косвенная похвала через восприятие смерти князя разными группами людей. Облик Владимира, созданный в этом тексте, условен и лишен индивидуальности. В сущности, перечисленные летописцем добродетели могли быть отнесены в некрологической похвале ко многим русским князьям. Краткость сообщения, вероятно, объясняется наблюдением, высказанным М.Д. Приселковым, который исследовал состав южно-русского летописания: «...Время Мономаха выделяется ... скромностью наличия своих известий, явно написанных по более позднему припоминанию» [4. С. 94].

В Лаврентьевской летописи похвала содержит перечень деяний князя, которые раскрывают представление о его любви к ближнему и милости. Большое значение приобретают не тропы, а библейские цитаты и повторы отдельных мыслей, ибо летописец не только восхваляет князя, но и стремится дать образец поведения для читающего. В результате изображения конкретных черт князя, упоминания фактов его жизни, совпадающих с его собственным рассказом в «Поучении» детям, создается индивидуальный образ, характеристики которого без изменений нельзя перенести на других исторических лиц.

Литература

1. Пауткин А.А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 231–246.
2. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 289.
3. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.
4. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV веков. СПб., 1996.

Московский педагогический государственный университет

О стиле юношеского дневника архимандрита Антонина (Капустина)

© Е. В. НИКОЛАЕВА,

доктор филологических наук

Статья посвящена юношескому дневнику архимандрита Антонина (Капустина), который он вел во время обучения в Киевской духовной академии. В центре внимания в статье – индивидуальные особенности авторского стиля Антонина. Особенности стиля – один из жанрообразующих факторов дневника как жанра мемуарной литературы.

Ключевые слова: Архимандрит Антонин (Капустин), юношеский дневник, индивидуальный стиль, мемуарная литература.

DOI: 10.31857/S013161170003013-3

The article is devoted to youth diary of Archimandrite Antonin (Kapustin), which he kept during his training of the Kiev theological Academy. The focus in the article – the individual characteristics of the author's style Antonina. The

peculiarities of style – one of the factors as a genre of the diary as a genre of memoirs.

Keywords: Archimandrite Antonin (Kapustin), individual style, memoirs, as a genre factor.

Имя архимандрита Антонина (Андрей Иванович Капустин; 1817–1894) часто вспоминается в публикациях и докладах на научных конференциях последних лет в связи с 200-летием со дня его рождения и 170-летием Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Будущий архимандрит Антонин родился и воспитывался в Пермской губернии в семье священника. Он учился последовательно в Далматовском духовном училище, Пермской, потом Екатеринославской духовной семинарии и с 1839 года в Киевской духовной академии, которую он окончил магистром и был оставлен для преподавания немецкого и греческого языков. В 1845 году Андрей Капустин принял монашество, а в 1853 – возведен в сан архимандрита.

В 1865 году архимандрит Антонин встал во главе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. На протяжении всей жизни архимандрита Антонина отличали яркая одаренность и разносторонние интересы ученого-византолога, историка, археолога.

Юношеский дневник архимандрита Антонина (Капустина) относится ко времени его обучения в Киевской духовной академии.

Дневники наряду с другими жанрами так называемой его-литературы в последние десятилетия – объект повышенного внимания не только читателей, но и исследователей. К жанрам мемуарной литературы относятся, как известно, собственно мемуары, ориентированные в основном на прочтение посторонними людьми, дневники, содержащие датированные подневные записи, наконец, записки, жанр наиболее личный и, как правило, предназначенный в лучшем случае для узкого круга лиц. Это самый свободный по содержанию и форме жанр. Как известно, возможны и другие формы мемуарной литературы, например, автобиографии, описание путешествий, воспоминания, заключенные в эпистолярную форму, как записки Андрея Тимофеевича Болотова. Еще Н.Д. Чечулин замечал, что «без исключения все мемуары дают нам интереснейший материал для наблюдения над умственным складом и развитием современного автору общества» [1].

Можно констатировать, что мемуарная литература во всех ее разновидностях до сего дня представляет собой одно из самых неустойчивых и свободных жанровых образований. Эволюция мемуарной литературы шла путем сближения с общим литературным процессом, путем преодоления различных условностей к наиболее свободной и раскованной форме выражения. Ведущим в этом движении было постепенное становление авторского «я», отражавшего процессы формирования личности,

характерные для разных периодов истории русской культуры. Скорее всего, именно личностное начало является той точкой отсчета, которая формирует жанрообразующие признаки мемуарной литературы. Так, например, И.О. Шайтанов в работе, посвященной писательским мемуарам, отмечает, что вряд ли можно говорить о каких-то формальных законах в мемуаристике, особенно писательской, где все зависит от того, «как вспомнилось», а не «как было» [2].

И все-таки для исследователей остается вопрос о том, насколько точно можно разграничить, следовательно, и определить признаки различных жанров мемуарной литературы. В этом плане дневник представляется практически самым точно очерченным и «конкретным» жанровым образованием. При этом именно в дневнике наиболее отчетливо проявляются личностные особенности его автора, стиль его речи, так как дневники обычно не предназначались ни для печати, ни для чтения посторонними.

В контексте всего сказанного представляется небезынтересным присмотреться к юношескому дневнику будущего архимандрита Антонина, попытаться выделить те из особенностей этого текста, которые можно было бы рассматривать как особенности его стиля и его жанрообразующие факторы.

Архимандрит Антонин неукоснительно соблюдает главный жанрообразующий признак дневника: он датирует каждую свою запись. Помимо календарной даты он часто особо указывает время года, сопровождая это указание его характеристикой («1839 год. Месяц декабрь. Зима, да притом еще и Киевская») [3]. Для дневника Антонина характерна особенность, практически всегда встречающаяся в записках, дневниках и мемуарах глубоко верующих и духовных лиц: помимо астрономических дат там всегда присутствует отсчет времени по церковному календарю, причем это не формальная отметка, а глубоко переживаемое ощущение времени. Эта черта отличает и дневник Антонина. Он обозначает не только Страстную неделю, Пасху, Сочельник, Чистый четверг, память Святителя Николая или Святой Великомученицы Варвары, но и «Маслянку широкорожую».

На масленицу в 1841 году (в четверг 6 февраля) дневниковая запись сохраняет не только свидетельство ежедневных трудов, но и радостно-шаловливое настроение автора: «Маслянка. Ученья нет. На место его явились блины. О, радость! Целый день переписывал 7-ю тетрадь des *Naturrechtes*, а в междуделии и междубезделии играл в вист. А ночью, кажется, был в Батурине в огромном новом доме и как будто в городе. Притом здесь в Киеве и проч.». Записи в дневнике довольно часто отмечены своеобразной «игрой» с языком, как, например, запись от 2 января 1840 года: «В полном смысле блаженствовал целый день! Именно же: встал препоздно, пил чай предолго, читал библиотеку ли что ли презадорно, обедал предолго. Прежарко парился в бане. Пресладко, отдыхал премило, не пил чай преаппетитно, вечеровал прелеивно, ужинал препосредственно, и заснул прекрасно!»

Иногда датировка в дневнике отличается иронией: «Новый год 1841: от Сотворения мира — 6349, от бегства Магомета — 1257, бытия же моего — 24-й».

Время в дневнике Антонина как бы расслаивается: это не только время текущее, но и воспоминания, которые приходят периодически. Главным образом, это воспоминание о родителях и доме, иногда о Далматовском духовном училище.

Особый пласт повествования в дневнике Антонина — описание его сновидений. Уже в начале дневника он пишет: «Надобно заметить, что я каждую ночь вижу хорошие сны, но забываю их» (запись от 7 декабря 1839 года). В некоторых снах воспоминания и тоска по дому соединяются: «Спал весьма долго и видел многообразные грезы. Между прочим в именины Маменьки, которая вместе с Платоном находилась в Киеве, и жили в разных местах. Пошел к ней и нашел ее в какой-то домово́й церкви, стоящую у обедни с ней и я стал, и когда один студент начал обижать ее, то я дал ему славную таску, что весьма тронуло Маменьку, что она заплакала, а я пробудился. И так мы с ней не поздоровались и даже не взглянулись!»

Иной раз содержание сна совсем иное: «Давече ночью нам покупали шляпы. И некоторые стояли уже в классе в шляпах и шапках поповских. Я покупал и только успел примерить, как пробудился». В описанном за 16 декабря 1839 года сне вновь переплетаются воспоминания о близких с воспоминаниями о Екатеринославской духовной семинарии и некоторыми бытовыми подробностями, придающими всему юмористическую окраску. Одним словом, по меткому замечанию автора дневника: «Спал до свету, и видел во сне много всякой всячины».

Главным содержанием дневника архимандрита Антонина является все же описание постоянных и неустанных трудов, занятий, хотя иногда и тут встречаются живые упоминания молодых проказ («Подал свою окаянную задачу, надув профессора»; «После обеда Чех вытащил меня к доске, и я такую отлил тут пулю, что до сих пор стыдно. Я не успел рта растворить как уже торжественно возвращен был восвосяи. Оле моего окаянства»).

Во время Великого поста 1841 года в марте — записи почти ежедневные: отмечены систематические усердные труды. Обычные развлечения и отвлечения от них забыты. Видно, что в это время дневник оказывается вполне способным хоть немного поддержать молодой оптимизм и веселость автора. На понедельник 17 марта приходился день памяти Алексея, человека Божия, хорошо известного у нас святого не только по его житию, но и по духовному стиху о нем. В этот день в семинарской теплой церкви был престольный праздник. Упомянув о службе, Антонин переходит к делам китайским, сетует на то, что везде уже тепло, а «здесь все так холодно, хоть снегу и мало уже. Так как была баня сегодня, то на немецком сидело только 4 человека и Вечером трохи /..?.. / (Неразборчиво. — *Е.Н.*) задачу, да и лечь спаты, бо послы баны довго не сыдыться и очи того и бачь, ща ось ось [слипнуцу]. Нехай же спат ему». Думается, что в данном случае переход на другой язык в конце записи

придает ей не только шуточный тон, но и отражает состояние ленивой усталости, обуявшей автора в конце дня.

Этот же шуточный тон отличает и запись от 20 марта. На это число пришелся четверг Страстной Седмицы, отмеченный большой уборкой перед Пасхой: «Часу с 7-го номером завладели Амазонки-бабы, и до самого обеда мыли наши нечистоты! Ужасный день! Сколько бедных жертв погибло под злодейскою рукою мытниц!»

Отличительной особенностью дневника архимандрита Антонина стали поэтические эпитафии. Весна 1842 года буквально «расцвечена» этими эпитафиями. Так марту предпослана цитата из Третьяковского:

И нет уж больше снегу,
И снова дождь и грязь. Тепло.
Все в тело вносит негу;
И на душе легко, светло.

Апрель открывается сочинением Кантемира:

Что-то, месяц молодой
Принесешь ты нам с собой?
Горе ль? Счастье ль? Зло? Добро?
Пыли горсть иль серебро?
Муки ль яд, или любви
Нектар дашь ты мне? «Oui!
Nectar? Nectar!» Ах, на мель
Сядем мы с тобой, Апрель!

Маю и июню предпосланы сочинения самого Антонина:

Вот вам, детушки, и май,
Веселись теперь, играй,
Да урок не забывай.

В июне рекреация,
Зеленые святки, говенье,
Ексамен, затмение,
Вакация.

Склонность к литературному (и особенно поэтическому) творчеству была у архимандрита Антонина поистине фамильной чертой, о чем он сам писал и оставил свидетельство тому в тетради с названием «Грехи молодости»:

Стихотворства злое семя
Всё капустинское племя
Заразило с давних лет...

Подводя итог нашим наблюдениям, можно отметить, что в дневнике архимандрита Антонина Капустина соединились типичные особенности,

характерные для этого жанра, с индивидуальными особенностями стиля автора, позволившими ему создать довольно сложную «многослойную» структуру, направленную на наиболее полное раскрытие его личности, в полной мере проявить особенности своего языка. Важной отличительной чертой этого документального памятника являются также явные признаки жизнелюбия, юмора и молодости его автора.

Литература

1. *Чечулин Н.Д.* Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891. С. 12.
2. *Шайтанов И.О.* «Как было и как вспомнилось». Современная автобиографическая и мемуарная проза // Знание (Серия «Литература»). 1981. № 7.
3. Все цитаты из юношеского дневника архимандрита Антонина приводятся по рукописи, хранящейся в Российском Государственном Историческом Архиве в Санкт-Петербурге (РГИА). Расшифровка рукописи подготовлена проф. М.И. Щербаковой.

Московский педагогический государственный университет

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ.
Грант № 17-04-00233а.

«Лествица» преподобного Иоанна Синайского в жизни и творчестве Н.В. Гоголя

© В.А. ВОРОПАЕВ,
доктор филологических наук

В статье раскрывается значение одной из главных книг в монашеской аскетике — «Лествицы» преподобного Иоанна Синайского — в судьбе Н.В. Гоголя, который и в жизни, и в творчестве шел самым трудным, самым сложным путем — путем церковной аскетике — восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мирозерцание, святоотеческое наследие, «Лествица» преподобного Иоанна Синайского, православная аскетика, воцерковление творчества.

DOI: 10.31857/S013161170003014-4

The article covers the meaning of one of the primordial books in the monkish ascetics, i. e. «The Ladder of Divine Ascent» by venerable John Climacus, in a life of Nikolay Gogol, who both in his life and works made the hardest and most difficult way, which was the way of the ecclesiastical ascetics, i. e. the restoration of his own Divine Image and churching of his writings.

Keywords: Gogol, religious outlook, patristic legacy, «The Ladder of Divine Ascent» by venerable John Climacus, Orthodox ascetics, churching of oeuvre.

Сразу после смерти Гоголя, разбирая уцелевшие от сожжения бумаги, его друзья обнаружили значительное количество выписок религиозного содержания. Граф А.П. Толстой, в доме которого жил последние годы Гоголь, писал своей сестре Софье Петровне Апраксиной о «множестве тетрадей копий и выдержек из переводов св<ятых> отцов» (Из писем графа А.П. Толстого) [1. Т. 3. С. 724]; особо отметил их С.П. Шевырев,

разбиравший рукописи Гоголя, найденные после его кончины (Список бумаг, оставшихся после покойного Н.В. Гоголя) [Там же. Т. 2. С. 123].

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи названы церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя.

В свое время профессор Г.П. Георгиевский, хранитель рукописей Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека), напечатал подготовительные материалы Гоголя фольклорного и этнографического характера, свидетельствующие о серьезности его научных занятий. Выписки Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви, Кормчей книги и служебных Миней заставляют пересмотреть многие традиционные представления о духовном облике писателя, открывают новое в его творческих устремлениях. Отсюда тянутся нити к «Размышлениям о Божественной Литургии» и второму тому «Мертвых душ», «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди».

Большая часть этих выписок сделана Гоголем в середине 1840-х годов. Можно думать, однако, что уже в школьные годы он ознакомился с «Лестницей» преподобного Иоанна Синайского, одной из основных книг в монашеской аскетике. Образ лестницы, соединяющей землю с небом, — один из любимейших у Гоголя. Он встречается уже в одном из самых ранних его произведений — в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1829).

«Ни один дуб у нас не достанет до неба, — сожалеет красавица Ганна. — А говорят, однако же, есть где-то, в какой-то далекой земле, такое дерево, которое шумит вершиною в самом небе, и Бог сходит по нем на землю ночью перед Светлым праздником. — Нет, Галю, отвечает ей казак Левко, — у Бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее ставят перед Светлым Воскресением святые архангелы; и как только Бог ступит на первую ступень, все нечистые духи полетят стремглав и кучами попадают в пекло, и оттого на Христов праздник ни одного злого духа не бывает на земле» [2. Т. 1. С. 129].

Образ лестницы есть также в «Сорочинской ярмарке» (1829), «Главе из исторического романа» (1830), «Страшной мести» (опубл. 1832). О предстоящей борьбе со «страстями» и восхождении «по скользким ступеням» лестницы Гоголь упоминает в письме к матери от 24 июля 1829 года [Т. 10. С. 110].

Этот же образ мы находим и в заключительной главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Светлое Воскресенье» — последнем напечатанном при жизни произведении Гоголя. Говоря о желании избранных людей провести Светлый праздник «не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях Вечного Века», Гоголь восклицает: «Бог вещь, может быть, за

одно это желанье уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней» [Т. 6. С. 202].

Как глубоко жил этот духовный образ в сознании писателя, можно видеть, например, по его предсмертным словам: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!..» [3. С. 27]. Последние часы жизни умирающего Гоголя описаны доктором А.Т. Тарасенковым: «Позже вечером (20 февраля. — В. В.) он, по-видимому, стал забываться и терять память. <...> Еще позже он по временам бормотал что-то невнятно, как бы во сне, или повторял несколько раз: “давай, давай! ну что ж?” Часу в одиннадцатом он закричал громко: “Лестницу, поскорее, давай лестницу!..” Казалось, ему хотелось встать. Его подняли с постели и посадили на кресло» [Там же].

М.П. Погодин в некрологе Гоголю приводит другие слова: «В среду (20 февраля. — В. В.) обнаружили явные признаки жестокой нервической горячки. Употреблены были все средства, коих он, кажется, уже не чувствовал, изредка бредил, восклицая: “поднимите, заложите, на мельницу, ну же, подайте!”» [4. С. 48]. После прочтения этих строк в «Москвитянине» Мария Ивановна Гоголь писала Погодину 14 мая 1852 года из Васильевки: «Слезы мешали мне читать написанное Вами о моем ангеле. Видно, в болезни пришла ему мысль о мельнице, которую он очень желал у нас выстроить, узнав от меня, что земляная мельница несколько улучшила бы наше имение, по малоземелью, по душам не дающее доходу <...> И, видно, так усердно хотел осуществить предположенную нам выгоду, что и бредил ею» (Гоголь в воспоминаниях и письмах матери) [1. Т. 1. С. 132].

Преимущество, однако, здесь следует отдать свидетельству Тарасенкова. Погодин говорил с чужих слов. Его не было в этот момент рядом с Гоголем. «В роковую неделю меня не было в Москве, — пишет он, — как будто в наказание, что я в последнее время позволял себе питать разные подозрения на счет его, и не верил вполне его искренности» [4. С. 50]. Тарасенков же сам пережил эти тяжкие минуты и, конечно, старался запомнить все подробности последних часов жизни Гоголя. Он пишет в своих воспоминаниях, что «главные их основания записаны в самый день его (Гоголя. — В.В.) смерти» [3. С. 5]. При этом мемуарист, хотя и не явно, но соотносит предсмертные слова Гоголя с книгой преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы: «...он указал мне на сочинение Иоанна Лествичника, в котором изображены ступени христианского совершенства, и советовал прочесть его» [Там же. С. 13].

Правда, из контекста и общего духа записок Тарасенкова можно заключить, что Гоголь ознакомился с «Лествицей» незадолго до смерти: «Взяв себе в образец и наставление сочинение Иоанна Лествичника, которое ему так нравилось своими строгими правилами, он старался достигать высших ступеней, в нем описанных, и принялся за лишения» [Там же. С. 31]. Разумеется, подобное заключение будет неверным. «Лествица»

была одной из любимых книг Гоголя с юности. Христианский образ лестницы как символ духовного возрастания постоянно встречается в его письмах: «...живет в душе моей глубокая, неотразимая вера, что небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне, хотя я стою еще на нижайших и первых ее ступенях» (В.А. Жуковскому 26 июня (н. ст.) 1842 года) [Т. 12. С. 55]; «Долгое воспитанье еще предстоит мне, великая, трудная лестница» (Н.Н. Шереметевой около 20 марта (н. ст.) 1843 года) [Там же. С. 201].

Исследователи не раз отмечали сходство предсмертных слов Гоголя о лестнице с тем, что сказал незадолго до своей блаженной кончины святитель Тихон Задонский [См.: 5, 6, 7, 8. С. 59], сочинения которого Гоголь перечитывал неоднократно. На память также приходят предсмертные слова А.С. Пушкина, обращенные к В.И. Далю: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!» [9].

В православной святоотеческой литературе «лествица» – один из основных образов духовного возрастания. Он восходит к Библии, а именно к видению патриарха Иакова: *И сон виде: и се, лествица утверждена на земли, еяже глава досязаша до небесе, и Ангелы Божия восхождаху и низхождаху по ней* (Быт. 28: 12) (русский перевод: *И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и Ангелы Божия восходят и нисходят по ней*). В Священном Писании этот образ встречается также в Евангелии, где Господь Иисус Христос отождествляет Себя с Богом в этом видении: *И глагола ему: аминь, аминь глаголю вам, отसेде узрите небо отверсто и Ангелы Божия восходящия и нисходящия над Сына Человеческого* (Ин. 1: 51) (русский перевод: *И говорит ему в ответ: истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо открытым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому*).

Этот фрагмент входит в паремии (избранные места из Священного Писания), читаемые в Церкви на Богородичные праздники, и встречается во многих акафистах: Пресвятой Богородице – «Радуйся, лестнице небесная, Еюже сниде Бог (на иконе Богородицы Неопалимая Купина среди других символических изображений есть и *лествица*, образ сошествия Господа на землю через плоть Богородицы как по некой лестнице); радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо»; святителю Николаю, небесному покровителю Гоголя, – «Радуйся, лестнице, Богом утвержденная, еюже восходи к небеси...» Примеры такого словоупотребления мы находим и в выписках Гоголя из церковных песней и канонов служебных Миней.

Сохранились свидетельства, что Гоголь внимательно изучал «Лествицу» и делал из нее подробные выписки. Есть все основания полагать, что уже в конце 1820-х годов он составил рукописный сборник «Из книги: Лествица, возводящая на небо». Этот гоголевский автограф довольно значительного объема (на девяносто двух страницах, в восьмую долю листа) и написанный каллиграфическим почерком до 1938 года находился в

Харьковском Историческом музее (бывшем Музее Слободской Украины имени Г.С. Сковороды); дальнейшая его судьба неизвестна [См.: 2. Т. 6. С. 297–299; 663–668; Т. 9. С. 808; 1. Т. 3. С. 364–365, 927; 10].

Дошедший до нас автограф Гоголя, хранящийся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и датированный приблизительно 1843 годом, включает в себя выписки из «Лествицы» в том переводе, который был издан в Москве в 1785 году с названием «Лествица, возводящая на небо» (возможно, что Гоголь пользовался и другим изданием этого перевода). Цитаты и реминисценции из нее встречаются в письмах Гоголя первой половины 1840-х годов. По всей видимости, в своих заграничных странствиях писатель имел при себе составленный им рукописный сборник.

Об этом сборнике знал (по всей видимости, от графа А.П. Толстого) Т.И. Филиппов, который писал К.Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 года: «С высоты «Лествицы», которая особенно его (Гоголя. — *B. B.*) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в *своей* памяти ее божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве» [11].

Влияние «Лествицы» преподобного Иоанна Синайского можно предположить в разных произведениях Гоголя [См.: 8, 12, 13], но в «Выбранных местах...» оно ощущается с очевидностью. Построенная как назидательный труд для современников, нечто вроде аскетического трактата для светских людей, книга Гоголя имеет подобную «Лествице» композицию и духовную направленность: восхождение человека от самого низкого, заземленного состояния — физической или душевной смерти (последняя определяется погруженностью в многообразные страсти) — через победу над страстями и умерщвление в себе «ветхого человека» — к конечной цели — стяжанию духа святого и воскресению (одна из последних глав «Лествицы» — «О земном небе, или о богоподобном бесстрастии и совершенстве, и воскресении души прежде общего воскресения»).

«Лествица» охватывает всю жизнь христианина. Она является важнейшей духовной книгой для монашествующих и мирян. Поэтому Святая Церковь благословила читать поучения из нее в дни Великого поста. Преподобный Макарий Оптинский установил чтение «Лествицы» в Иоанно-Предтеченском скиту во время великопостного богослужения (преимущественно в первую и Страстную седмицу) с тем, чтобы вся книга была прочитана в течение Великого поста [См.: 14. С. 126].

Традиция переписывания «Лествицы» сохранялась в православном монашестве вплоть до XIX века. Так, преподобный Моисей Оптинский переписал ее в 1810 году в бытность рясофорным монахом Тимофеем (Путиловым) в Свенском монастыре. В архиве Оптиной Пустыни сохранился

также рукописный перевод «Лествицы» на русский язык, сделанный святителем Игнатием (Брянчаниновым) в 1845 году [См.: 15. С. 229, 231].

Существует предание (сразу отметим – недостоверное), что именно в Оптиной Гоголь впервые прочел «Лествицу». Вот как рассказывается об этом в жизнеописании преподобного Макария: «В первый свой приезд в Оптину Пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старожилы, бывшего настоятеля Оптиной обители архимандрита Досифея, прожил в монастырской гостинице недели три. Во все это время он ежедневно посещал старца (Макария. – *В. В.*) и подолгу с ним беседовал. Со своей стороны и старец, посещая почти ежедневно в послеобеденное время гостиницы, заходил в номер, в котором проживал Гоголь. <...> Во время пребывания этого почтенного гостя в Оптиной Пустыни предложено было ему, между прочим, конечно, с благословения старца Макария, прочитать книгу святого Иоанна Лествичника. Прочитав, Гоголь высказался о ней так: “Какая глубокая психология!” <...> После того Гоголь еще два раза приезжал в Оптину к батюшке Макарию и во время своего пребывания в монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту» [14. С. 342–343].

На это «свидетельство» схиархимандрита Агапита (Беловидова), автора жизнеописания старца Макария, ссылаются современные исследователи [См.: 15. С. 232, 16]. Между тем, во время первого посещения Гоголем Оптиной 17–19 июня 1850 года (он провел в обители не три недели, а три дня) преподобного Макария не было в монастыре [См.: 17]. Этим обстоятельством объясняются, кстати сказать, слова старца в письме к иеромонаху Антонию (Бочкову) от 2 октября 1851 года, что «Николай Васильевич» Гоголь два раза был в обители» [18].

Знакомство Гоголя с преподобным Макарием состоялось во время второго пребывания писателя в монастыре (2–3 июня 1851 года). С этого времени между ними завязывается переписка. Достоверно известно, что в Оптиной Пустыни (во второй или третий свой приезд) Гоголь прочитал рукописную книгу – на церковнославянском языке – преподобного Исаака Сирина (с которой в 1854 году старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ», принадлежавший графу А.П. Толстому, а после его смерти переданный оптинскому иеромонаху Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести (обольщении. – *В. В.*), это вздор – природженные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей – теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах» (выражение святого апостола Павла (Еф. 4: 29). – *В. В.*), здесь

написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» [Т. 6. С. 258].

И в жизни, и в творчестве Гоголь шел самым трудным, самым сложным путем — путем церковной аскетики — восстановления в себе образа Божия, воцерковления своих писаний. И он остался одиноким подвижником в литературе, почти никем не понятым.

Литература

1. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М., 2011—2013.
2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем. В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М. — Киев, 2009—2010.
3. *Тарасенков А.Т.* Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М., 1902.
4. *Погодин М.П.* Кончина Гоголя // Москвитянин. М., 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47—50.
5. *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. В 4 т. М., 1898. Т. 4. С. 682.
6. *Мережковский Д.С.* Гоголь и черт (Исследование) // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Сост. Е.Я. Данилова. М., 1991. С. 306.
7. *Паламарчук П.Г.* «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П.Г. Козацкие могилы: повести, сказания, художественные исследования. М., 1990. С. 383.
8. *Де Лотто Ч.* Лестница «Шинели» / Предисл. к публ. И. Золотусского // Вопросы философии. М., 1993. № 8. С. 58—83.
9. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. / Вступ. статья В.Э. Вацура; сост. и примеч. В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович. М., 1985. Т. 2. С. 405.
10. *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809—1852). С родословной летописью (1405—1808). Научное издание. В 7 т. 1405—1808; 1809—1828. М., 2017. Т. 1. С. 693—694.
11. Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 492—493.

12. *Коздринь Я.Р.* Символ лестницы в «Размышлениях о Божественной Литургии» Н. В. Гоголя // Вопросы фольклора и литературы: сб. статей. Омск, 2009. С. 73–77.
13. *Сквира Н.М.* «Правила» духовного возрождения в «Лестнице» Иоанна Синайского и втором томе «Мертвых душ» Николая Гоголя // Література та культура Полісся: зб. наукових праць. Сер. Філологічні науки. № 2. Ніжин, 2014. Вип. 75. С. 97–103.
14. Схиархимандрит Агапит (Беловидов). Житие Оптинского старца Макария. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустынь, 2017.
15. *Каширина В.В.* «Лестница» в издании Оптиной Пустыни // Актуальные вопросы светской и духовной словесности. М., 2017. Вып. 1. С. 225–234.
16. *Гуминский В.М.* Гоголь и «Лестница» прп. Иоанна Синайского // Творчество Гоголя в диалоге культур. Четырнадцатые Гоголевские чтения: сб. научных статей по материалам международной научной конференции. М. – Новосибирск, 2015. С. 58.
17. Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни. В 2 т. / Сост. монах Марк (Хомич). М., 2008. Т. 1. С. 183, 185.
18. Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам: [В 2 т.] / Сост. и вступ. статьи к текстам писем С.О. Захарченко; коммент. С.О. Захарченко, Т.В. Панюковой. Чехово, 2014. Т. 1. С. 94.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Работа выполнена при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).
Проект № 17-04-00440

Имя героя в художественной концепции рассказа А.П. Чехова «Архиерей»

© Н.В. КАПУСТИН,
доктор филологических наук

В статье рассматривается семантика имен собственных в соотнесении с общим строем рассказа «Архиерей», а также авторской аксиологией, свойственной другим произведениям А.П. Чехова.

Ключевые слова: имя собственное, коллизия «Петр / Павел», авторская аксиология.

DOI: 10.31857/S013161170003015-5

The article deals with the semantics of the proper names with relation to the general architecture of the short story and the author's axiology peculiar to other Chekhov's works.

Key words: proper name, collision «Peter / Paul», author's axiology.

Рассказ А.П. Чехова «Архиерей» принадлежит к числу лучших не только в русской, но и мировой литературе. По словам И.А. Бунина, он «написан <...> изумительно. Только тот, кто занимается сам литературой и сам испытывал эти адские мучения, может постигнуть всю красоту этого произведения» [1]. Да и сам Чехов, судя по письму к В.С. Миролюбову, издателю «Журнала для всех», в четвертом номере которого за 1902 год был опубликован «Архиерей», придавал ему особое значение: «...если цензура выбросит хоть слово, то рассказ возвратите мне <...> Я пришлю другой...» [2. Т. X. С. 198]. Вне всякого сомнения, перед нами тот случай, когда отдельные микроэлементы повествования образуют органическое единство, в котором незаменима любая художественная подробность, и вопрос лишь в том, чтобы разглядеть, как одно отсвечивает в другом. Это относится и к поэтике имен собственных, теснейшим образом связанных с художественной концепцией произведения, с той драмой, которую переживает его главный герой — преосвященный Петр.

В сущности, «Архиерей» — это рассказ об одиночестве, вызванном тем, что фактически все его персонажи (за исключением девочки Кати, еще не успевшей усвоить существующие стереотипы) видят в архиерее Петре (Петр с греч. — «камень», «скала») исключительно архиерея, подменяя его

живую личность социальной функцией, но не замечают обыкновенного человека, мирское имя которого Павел (с греч. — «малый», «маленький»). Несомненно, что коллизия «Петр / Павел» — центральная для чеховского рассказа. Но чтобы понять ее глубже, важно учесть разные интертекстуальные ответвления и смысловые оттенки имен собственных, обретаемые ими в контексте повествования.

Так, В.Б. Катаевым отмечена параллель между героем рассказа и евангельским Христом, что достигается указанием на время, когда происходит действие: «...последняя предсмертная неделя архиерея Петра приходится на страстную неделю, предшествующую Пасхе, когда верующие вспоминают о последней неделе земной жизни Христа» [3]. Эта параллель поддерживается и тем, что в церковной традиции слово «архиерей» нередко применяется по отношению к Христу — «небесному архиерею». Кроме того, в памяти преосвященного Петра живет воспоминание о лесопольском священнике Симеоне, который в религиозном контексте рассказа не может не ассоциироваться с Симеоном Богоприимцем. Наконец, и мать главного героя не случайно, конечно, носит имя Мария. Однако чрезвычайно важно подчеркнуть, что параллель «преосвященный Петр — Христос» дана в плане не столько соответствия, сколько *несоответствия*.

Действительно, чеховский герой носит имя апостола Петра, воспринятого Чеховым вне всего объема новозаветных характеристик в качестве не лишнего слабостей обыкновенного земного человека. Именно такое восприятие нашло выражение в рассказе «Студент» (1894). Замечено также, что, перечитывая Евангелие и делая соответствующие пометы, Чехов особое внимание уделил именно Петру, не пройдя мимо эпизода, где Христос наставляет будущего учителя Церкви различать божеское и человеческое. Не прошел Чехов и мимо слов Христа о забвении земных связей ради достижения Царства Небесного [4]. Но его герою дороги прежде всего связи с людьми. И если в евангельском Христе перед Голгофой большинство увидело человека, не узнав Бога, то в чеховском архиерее видят только архиерея (Петра), не замечая обыкновенного человека (Павла). Таковы, согласно авторской точке зрения, стереотипы сознания, предписывающие логику ролевого поведения человеку, который не хотел бы ей следовать, и страдающего от того, когда такая логика ему навязывается.

Итак, символическая соотнесенность имен Петр и Павел призвана выявить драму главного героя рассказа, отделенного от других людей. Не менее значим, однако, еще один смысловой оттенок, имеющий непосредственное отношение к чеховской концепции человека.

При всей сложности и неоднородности этой концепции у Чехова нередки и принципиальные случаи («Скучная история», «Попрыгунья», «Черный монах», «В овраге» и др.), когда именно *обыкновенное* ставится им на самый высокий аксиологический пьедестал. То же самое наблюдается в «Архиерее»: Чехов дает понять, что мирское, данное при рождении

имя героя Павел (Павлуша) – тоже апостольское. Иначе говоря, апостольский свет падает и на преосвященного Петра, и на обыкновенного Павла. Но в силу сложившихся стереотипов люди видят в нем только социально-знаковое, его статус архиерея, не замечая другого, обыкновенного, которое в глазах Чехова в данном случае имеет самый высокий смысл. В этом контексте вполне раскрывается смысл знаменитого диалога из повести «В овраге», бросающего, в свою очередь, дополнительный свет и на «Архиерея»:

«– Вы святые? – спросила Липа у старика.

– Нет. Мы из Фирсанова» (Т. X. С. 174).

То, что открывается Липе, почувствовавшей святость в обыкновенных мужиках из Фирсанова, для героев «Архиерея» остается недоступным.

Утверждение Чеховым высокого статуса обыкновенного имело, безусловно, биографические корни, находило выражение в его типе поведения, особенности которого ярко раскрываются через восприятие тех, кто, наоборот, отдавал предпочтение необыкновенному, выбивающемуся из ряда, – таким, например, было восприятие чеховского поведения З. Гиппиус [5]. Примечательно и одно из его писем к А.С. Суворину (от 24 или 25 января 1888 года), имеющее непосредственное отношение к проблематике «Архиерея»: «Вы пишете, что писатели избранный народ божий. Не стану спорить. Щеглов называет меня Потемкиным в литературе, а потому не мне говорить о тернистом пути, разочарованиях и проч. <...> Я позволю себе констатировать только одну, испытанную на себе маленькую неприятность, которая, вероятно, по опыту знакома и Вам. Дело вот в чем. Вы и я любим обыкновенных людей; нас же любят за то, что видят в нас необыкновенных» [Т. III. С. 78]. Коллизия «Архиерея», несомненно, была лично прочувствована Чеховым, а Бунин даже был склонен считать, что при создании образа героя «он [Чехов] слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну» [6]. Признать последнее непреложным фактом достаточно сложно, однако ясно, что суть драматической ситуации, в которой оказывается преосвященный Петр, была хорошо знакома Чехову.

Разлад главного героя рассказа с окружающими усиливают взаимоотношения с матерью, воспринимающей преосвященного не как сына, а как иерарха церкви.

Мотив отчуждения сына и матери достаточно последовательно развывается в целом ряде эпизодов. Но в данном случае не обходится без тонкой психологической нюансировки. Ближе к финалу рассказа, когда матери становится ясно, что ее сын умирает, она вернет ему детское имя – Павлуша: «Пришла старуха мать. Увидев его сморщенное лицо и большие глаза, она испугалась, упала на колени пред кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. И ей тоже почему-то казалось, что он худее, слабее и

незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного.

– Павлуша, голубчик, – заговорила она, – родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне! [Т. X. С. 242].

Здесь уместно вспомнить глубокое обобщение П.А. Флоренского, объясняющее и данную конкретную ситуацию: «Когда любовь и нежность <...> ищут особенно близкого проникновения к любимому <...> повторяется имя. Тем более кажется необходимым прибегнуть к именованию, порой многократному и настойчивому, когда мы видим, что человек уходит от нас, уходит из объективного мира <...> все это побуждает окружающих взывать в таких случаях к уходящему по имени. Они убеждены, что имя, только имя, есть та нить, которою можно удержать уходящего из объективного в субъективное, если только вообще удастся его удержать» [7].

Итак, степень семантической насыщенности имен персонажей оказывается в рассказе «Архиерей» необыкновенно высокой. Самодостаточный по своей художественной органике, он в то же время яркий пример согласованности имен собственных и с общим строем всего художественного произведения, и с авторской аксиологией, свойственной другим произведениям Чехова.

Литература

1. Бунин И.А. Чехов. М., 1960 (Лит. наследство; т. 68). С. 406.
2. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1974–1983. Далее указ. только том и стр.
3. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. С. 86.
4. Шалюгин Г.А. Рассказ «Архиерей» // Чеховские чтения в Ялте. М., 1983. С. 28–31.
5. Капустин Н.В. 3. Гиппиус о Чехове: (к вопросу об античеховских настроениях в культуре «серебряного века») // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М., 2007.
6. Зайцев Б. Чехов: литературная биография. Нью-Йорк, 1954. С. 257–258.
7. Флоренский П., свящ. Имена // Опыты: литературно-философский сборник. М., 1990. С. 388.

Ивановский государственный университет

«В чистом поле цветет аленький цветочек...»

Эстетическая функция фитонимов
в народных лирических песнях

© Ю.А. КОЖАЕВА

В статье рассматриваются примеры употребления в русских народных лирических песнях фитонимов, выражающих общую эстетическую оценку. Различные элементы растительного мира в русской любовной лирике занимают особое место и отражают народные представления о красоте.

Ключевые слова: любовная лирика, русский фольклор, фитонимы, эстетическая оценка.

DOI: 10.31857/S013161170003016-6

The article discusses examples of the use of phytonyms expressing a common aesthetic assessment in Russian folk lyric songs. Various elements of the plant world in Russian love lyrics occupy a special place and reflect the people's notions of beauty.

Keywords: love lyrics, Russian folklore, phytonyms, aesthetic evaluation.

На материале четвертого тома «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского, в котором собрана значительная часть народной любовной лирики, рассматриваются фитонимы, выражающие эстетическую оценку.

Лексемы семантического поля «растительный мир», встречающиеся в текстах лирических русских песен, включают в себя наименования разнообразных цветов, деревьев, кустарников, плодов, и ягод: *аленький цветочек, береза, верба (вербочка), груша (грушица), дубок, зеленый виноград, калина / калинушка, крапива (крапивушка), лавровый цветочек, лазоревы цветочки, лен, малина (малинушка), малиновые листы, огурчики, раkitовы кусты, рябина (рябинушка), смородин-а/-ка, терен, хмелек, цветы, яблоня (яблонька), ягода, ягодки, ягодинка. Сюда же относятся: горочка, далинушка, долина, зеленый луг (лузи), зелен сад (садик), раздолье, рощица, трава, чистое поле (полюшко) и др.*

На иносказания и символы в лирической песне обращали внимание многие исследователи. Н.И. Костомаров, А.А. Потебня, А.Н. Веселовский и многие современные ученые отмечают частое использование растительной поэтической символики в лирической песне. Н.П. Колпакова утверждает, что «иносказательность лирической песни – обычная примета стиля. Символика разнолика. Счастье, молодость, красота, здоровье передаются через образы сияющего Солнца, зари, свежего дерева, зрелых ягод; веселье, радость воссоздаются через изображение цветущего луга, гулянья по саду и пр.» [2]. Известно, что символика лирической песни берет свое начало из свадебной символики. «Из свадебных величаний песни усвоили формы поэтического изображения людского “пригожества”» [3].

В русских лирических любовных песнях особое место занимают различные элементы растительного мира, которые в той или иной степени отражают народные представления о красоте.

На образных примерах легко заметить, как любовно оценивается внешность возлюбленного или возлюбленной посредством сравнения с деревцем, ягодкой, цветком. Красота милой сравнивается с ягодой: «Ах ты, Грунюшка-Груняша, Груня, ягода моя!» [60]; «Красна девица ягодинка» [68]; «Дарьюшка свет Матвеевна, / Взгляни, радость, на меня: / Коль я хорош, коль я пригож, / Наливная ягодка, наливна сахарная!» [78]. Большинство женских флористических символов в лирической песне – это ягода, калина, малина, береза. Молодцу же в русской лирике отводятся символические образы мака, винограда, хмеля, дуба. Сравнение милого с цветком является едва ли не основным описанием красоты его лица, волос, одежды: «Во лугах, во полях цветы-то расцвели, / У моего-то у милого кудерушки завилась» [41]; «На нем платье, на нем платье – что мак расцветает» [42]; «Тут вьется хмель-хмелек возвивается. / На соседей двор хмелек разстилается. / Как у молодца кудри завиваются» [73]; «В чистом поле цветет аленький цветок, / Он алеется, голубеется; / Цветок этот – миленький, возлюбленный дружок» [79]. Внешность милого сердцу молодца зачастую описывается через сказочный флористический образ – аленько-лазоревый цветок: «Мне сказали про милого, / Что худой да маленький. / Посмотрела я в окошко: / Как цветочек аленький» [50]; «Красоты в лице не можно оценить. / Его личико – белый снег, / Щечки – аленько-лазоревый цветок» [35].

Цветообозначения в фольклоре играют особую роль: «Прилагательные ‘белый’, ‘красный’, ‘зеленый’, ‘алый’, ‘сизый’, ‘лазоревый’ зачастую теряют цветовую определенность, выступают в функции оценочных слов» [4]. Лазоревым цветом называют безотносительно к его цвету, но как цветок яркой, нарядной окраски: «Лазоревы цветы непередаваемы в силу малой конкретности, расплывчатости образа» [5]. Дело в том, что «в словесном искусстве неопределенность – принципиальное свойство поэтического слова и является фактором эстетического порядка.

Наличие оценочной компоненты удовлетворяет постоянной тенденции фольклора к идеализации изображаемого мира» [4]. Об этом пишет и В.П. Аникин: «есть у всех необрядовых песен общие черты – идеализирующая типизация действительности. Идеализация создавала парящую над будничной затрапезностью декоративно-костюмированную и богато украшенную “вторую действительность”. <...> Песенные персонажи видят вечное цветение садов – “виноградов”, рощ и зеленых лугов... Система изображения во внеобрядовой песне идеализирует реальность, она доиндивидуальна... Поэтизация быта – важная стилистическая примета лирической песни» [3]. Идеализация как метод художественного обобщения, безусловно, свойственна фольклору. Особенно тяготеет к ней лирика. «В эстетике идеализация сходна с типизацией. В идеализации доминирует представление о должном. В классической эстетике идеализация чаще всего связана с возвышением позитивного момента, его одухотворением» [6].

Описание цветов, кустарников, деревьев – это некий камертон чувств и переживаний героев, который помогает выразить их настроение, передать определенное психологическое состояние радости или печали: «Ах, дале-че-далече во чистом поле, / Еще того подале во раздолье, / Стояла тут белая береза, / Тонешенька, белешенька, кудревата. / Под тою ли под белую под березой, / Не сиз голуб с голубушкой воркует, – / Девица с молодцем речь говорила» [100]. Дерево, символизирующее девушку, сохнет «с горя»: «Ой, у поля, ой, у поля рябина стояла. / Буен ветер рябину шатает, буен ветер рябину шатает: / Дробень дождик, дробень дождик рябинушку мочит. / Красно солнце, красно солнце рябинушку сушит... / Иван сударь Иванович в Москву отъезжает; / Он Марью свят Васильевну покидает» [42]. Традиционно за определенными фитонимами в фольклоре закрепи-лась негативная эстетическая оценка: «У ворот рябина стояла. / Не буен ветер рябину качает, / Не силен дождик рябинушку мочит, / Весной солнце всходило, рябину сушило...» [43].

Красочные параллелизмы с помощью фитонимов образно иллюстрируют расставание, разлуку, печаль. Это может быть сорванный цветок: «С горя и кручины, молода, / Я пойду да в зелены луга, / Я сорву со травушки цветок, / На головушку совью себе венок» [27]. Это может быть картина увядания, отсутствия зелени и цветения у дерева: «Ты грушица, грушица моя, / Грушица зелена, садова! / Да что ж ты не зелена стоишь, / Почто не лазерево цветешь? / – Да как мне зеленой быть, / Да как же мне лазерево вести? / Со вершины солнышко печет, / Со кореня ключики бьют... Да стал меня милый забывать / Во чужой во дальней стороне, / А теперь покинул навсегда» [28]. Это может быть нежелание любоваться красотой природы, то есть потеря эстетического восприятия: «Во прекрасный сад в окошко не гляжу; / Мне не милы в саду розовы цветы, / Омерзели все ракивовы кусты, / Обвалились все малиновы листы... / Я не

вижу любезного своего» [36]; «Я без милого гулять не выхожу, / Во прекрасный сад в окошко не гляжу» [37].

В то же время зелень, цветение чаще всего ассоциируются с молодостью, красотой, любовью и счастьем, неся положительную эстетическую оценку: «Я при миленьком резва и весела, / А без милого — печальна и скучна... / Только весел в саду зелененький лужок: / На лужку гуляет миленький дружок» [37]; «Мой милый — хороший, белый, кудреватый, / К садику подъезжает, — садик зеленеет, / Садик зеленее, девушка — веселее, / целовать милее» [57].

Интересно, что именно нахождение в пространстве зеленого мира, а не прохождение сквозь него, характеризует счастливую любовь, взаимные чувства: «Пошла в зелен сад гулять, — / к милому зашла, / Пошли сели на траву, / Под яблонькой, во саду» [13]. Иное дело, когда декоративный растительный фон описывает сквозное движение героев или движение вдоль, словно мимо счастья, мимо любви: «Во чистом поле гуляла, / Во чистом поле при долине, / на зеленом лугу, / По-край речки, по край-быстрой, / На крутеньком берегу. / Во реченьку посмотрю... / Идет милый мой дружок, / Машет правую рукой, / “Перейди, сударушка, на мою сторонушку!” / — Рада бы я перешла — / Переходу не нашла...» [18]; «Лугом-лугом зеленым, / Там коляска ехала: / Во коляске девица. / Сколько девка ехала, / Вдвое-втрое плакала, / На свой перстень гляючи» [46].

Итак, «невозможно представить себе русскую народную лирическую песню без символов, в которых косвенно воплотились эстетические идеалы народа» [4].

Литература

1. Великорусские народные песни: В 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб., 1895–1902. Т. IV. Далее в скобках указывается номер песни.
2. Колтакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962. С. 217–218.
3. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М., 2004. С. 541; С. 13.
4. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М., 2010.
5. Абызов Ю.И. Латышские дайны. Рига, 1984. С. 288.
6. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А.А. Беляева и др. М., 1989.

Санкт-Петербургский государственный университет

**Стилистическая проблематика
на XVI Международном конгрессе славистов
в Белграде-2018**

© Л. Т. КАСПЕРОВА,
кандидат филологических наук,
© Н. В. СМЕРНОВА,
кандидат филологических наук,
© С. В. БАРЫШЕВА,
кандидат филологических наук

В 2018 году на XVI Международном съезде славистов в Белграде Стилистическая комиссия Международного комитета славистов представила научные доклады и провела дискуссии в рамках тематического блока «Медиакультура и стиль», круглого стола «Интернет-стилистика», научного заседания «Стилистика: проблемы и перспективы» и секции «Славянская стилистика». В работе конгресса приняли участие 25 членов Стилистической комиссии из 12 стран.

Ключевые слова: стилистика, стиль, дискурс, медиакультура, медиатекст, Интернет.

DOI: 10.31857/S013161170003017-7

In 2018, at the 16th International Congress of Slavists in Belgrade, the Stylistic Commission of the International Committee of Slavists presented scientific reports and held discussions within the thematic section «Media Culture and Style», a round table «Internet Stylistics», a scientific meeting «Stylistics: problems and prospects» and a section «Slavic style». The congress was attended by 25 members of the Stylistic Commission from 12 countries.

Keywords: stylistic, style, discourse, media culture, mediatext, internet.

В 2018 году состоялось знаменательное для славянской лингвистики событие – XVI Международный конгресс славистов, который прошел в Белграде с 20 по 27 августа. В 2013 году на конгрессе в Минске Международный комитет славистов возглавил профессор Бошко Сувайджич. В числе организаторов нынешнего конгресса – Международный комитет славистов, Союз славистических обществ Сербии, Сербская академия наук и искусств при поддержке президента Сербии, МИД Сербии, Министерства

просвещения и науки и Министерства культуры и информации Республики Сербии. Более чем 1000 участников из 43 стран собрал в своих стенах Филологический факультет Белградского университета, а президент Сербии Александр Вучич принял участников конгресса в Новом дворце. Самой большой по численности делегацией стала российская, возглавляемая академиком А.М. Молдованом.

Стилистическая комиссия была представлена на конгрессе 25 участниками из 12 стран (Австрия, Беларусь, Босния и Герцеговина, Македония, Польша, Россия, Республика Сербска, Сербия, Словакия, Украина, Хорватия, Чехия) в нескольких научных форматах: тематическом блоке «Медиакультура и стиль», круглом столе «Интернет-стилистика», научной дискуссии на заседании комиссии «Стилистика: проблемы и перспективы» и в секции «Славянская стилистика».

Почетный председатель стилистической комиссии академик Станислав Гайда (Польша) и действующий председатель комиссии профессор Наталья Клушина (Россия) выступили организаторами тематического блока «Медиакультура и стиль». В докладе Ст. Гайды была представлена фундаментальная лингвофилософская концепция взаимодействия стиля и медиа в современном социокультурном пространстве. Цифровая революция обуславливает формирование новой коммуникативной и общественно-культурной действительности. Постигание этой новой реальности требует интегрированного подхода, в основе которого лежит понимание стиля как гуманитарной структуры текста.

Идеи профессора Ст. Гайды нашли свое развитие в докладе Натальи Клушиной, посвященном взаимовлиянию медиакультуры, стиля и информационного общества. Гуманитарные стратегии медиакультуры призваны решить главные проблемы информационного общества: потерю/размывание авторитетов, редукционизм в конструировании картины мира, пренебрежение к авторскому началу, игнорирование эстетической составляющей языка СМИ.

Профессор Лариса Шевченко (Украина) сосредоточила внимание на особенностях интерпретации символов словесной культуры в современных СМИ. Медиа рассматриваются как доминантный маркер словесной культуры в информационном обществе. По мнению докладчика, синтез многоаспектной проблематики культурной антропологии возможен в рамках метафорической триады *ритмы времени – ритмы языка – ритмы лингвистики*.

В докладе профессора Виктора Ивченкова (Белоруссия) было продемонстрировано, как на основе познавательных моделей и их проекции на реальные ситуации конструируется информационный образ события в медиадискурсе. Современные модели медиакоммуникации, базирующейся на тексто-вебовой платформе, характеризуются мультимедийностью и определяют новые стилистические приоритеты.

Горан Милашин (Босния и Герцеговина) выявил на материале современной сербской прессы сосуществование противоположных процессов: бюрократизации и жаргонизации медиаречи. При всей очевидной несхожести этих процессов в них пролеживается и общее: оба они порождены низким уровнем речевой культуры журналистов и детерминированы социокультурными процессами (с одной стороны – бюрократизацией общества, с другой – вульгаризацией и маргинализацией культуры).

Аксиологический потенциал современного медиатекста стал объектом исследования профессора Татьяны Кузнецовой (Украина). Массмедиа определяются как информационно-аксиологический механизм, который формирует, тиражирует и трансформирует социальные ценности. Транслируемая средствами массовой информации ценностная модель может оказывать как конструктивное, так и деструктивное воздействие на аудиторию.

Александра Гуркова (Македония) проанализировала концептуальные метафоры в современном политическом дискурсе Македонии. В результате анализа были определены ключевые тенденции в использовании метафор в политической сфере: манипулятивное представление выводов о той или иной политической теме, формирование бинарных мыслительных моделей, привлечение метафоры как способа воздействия в политике.

Доклад Надежды Смирновой (Россия) был посвящен трансформации жанрово-стилистических особенностей новости в интернет-СМИ. Традиционная новостная структура в пространстве гипертекста, характеризующегося нелинейностью, мультимедийностью и интерактивностью, претерпевает существенные изменения, которые особенно заметны в структуре и семантике заголовочного комплекса и инициального предложения, а также в системе внутренних и внешних гиперссылок.

Руководителями секции «Славянская стилистика» стали члены стилистической комиссии из Чехии – П. Мареш и Я. Гоффманнова. Свои исследования представили также наши коллеги из Македонии (Л. Тантуровска), Польши (И. Лева), Украины (Л. Шевченко). Тезисы тематического блока и секции были опубликованы в печатном сборнике материалов конгресса «Тезе и резимеи. 1. Језик».

На круглом столе по проблемам интернет-стилистики развернулась настоящая научная дуэль. Организатором и ведущим докладчиком круглого стола был профессор Бранко Тошович (Австрия), автор монографий «Интернет-стилистика» (Москва, 2015), «Структура интернет-стилистика» (Москва, 2018), *Generatorska lingvistika* (Beograd, 2018). По мнению докладчика, интернет-лингвистика (сетевая лингвистика, лингвистика сети) занимается изучением фонетико-фонологической, лексико-семантической, просодической, идиоматической, словообразовательной, морфологической, синтаксической, текстуальной и стилистической структуры языка Интернета. Каждая лингвистическая дисциплина обладает своим

набором сетевых единиц и каждая по-разному проводит анализ ресурсов Интернета. К сожалению, отсутствует системный подход к изучению сетевых языковых феноменов, в том числе и грамматических. Существуют три основных типа сетевых грамматических явлений: каузативные (вынуждение), утилитарные (вызванные стремлением к экономии) и перлокутивные (ориентированные на эффект). Автор представил сетевые грамматические формы, значения и категории на экспрессивном и функционально-стилистическом уровнях, причем в центре внимания находились автохтонные жанры Интернета (форумы, чаты, блоги, электронная почта и т. п.). Научная дуэль между основным докладчиком и профессором М. Чаркичем (Сербия) наглядно продемонстрировала участникам круглого стола спорность, дискуссионность, но вместе с тем актуальность и перспективность данной научной темы.

Содокладчики А. Киклевич (Польша), Л. Касперова (Россия), О. Оргонева (Словакия), Л. Тантуровска (Македония), С. Барышева (Россия), Е. Басовская (Россия), Д. Столац (Хорватия) посвятили свои выступления жанровым и языковым особенностям интернет-текстов.

Заседание Стилистической комиссии началось с докладов широкой тематики. Н. Ковалева (Россия) и П. Мейч (Босния и Герцеговина) представили исследования идиостилей И. Андрича, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова; Т. Ицкович (Россия) раскрыла религиозный стиль как систему жанров; Е. Баженова (Россия) рассказала о дискурсивно-стилистической парадигме функциональной стилистики.

По итогам отчетно-перевыборного собрания председателем Стилистической комиссии на новый срок единогласно была избрана Н.И. Клушина, статус ученого секретаря получила координатор комиссии Л.Т. Касперова.

XVII Международный съезд славистов впервые пройдет в неславянской стране – Франции (Париж), а председателем МКС на 2018–2023 годы избрана профессор Сорбонны Наталья Берницкая.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Работа выполнена при финансовой поддержке
гранта РФФИ № 17-04-00032

**Тематический указатель статей,
опубликованных
в журнале «Русская речь»
в 2018 году**

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бельская Л.Л. «Нас четверо».....	4
Бобунова М.А. «Соловьями наш край знаменит».....	2
Быкова О.С. Роль музыки в повести И.С. Тургенева «Клара Милич».....	5
Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. «Я не поэт...» История семантики поэтического высказывания.....	6
Гассельблат О.А. «Гвоздями слов прибит к бумаге я» (Религиозная лексика в поэзии В. Маяковского).....	1
Голованевский А.Л. <i>Дым</i> в прозе И.С. Тургенева и поэзии Ф.И. Тютчева.....	6
Голованова Н.Ю. <i>Красный смех</i> в повести Л.Н. Андреева.....	3
Гордеева Л.П. Адаптация галлицизмов в прозе А.С. Пушкина.....	1

Долгушин Д.В. «Египетская тьма»: книга Премудрости Соломоновой в стихотворном переложении В.А. Жуковского.....	6
Каргашин И.А. Об одном стихотворении Георгия Оболдуева.....	5
Ковалева Л.В. Художественные функции устаревших слов в «Солдатах» И.С. Шмелева.....	6
Кожин А.А. Орнаментальная проза В.В. Розанова.....	2,3
Коптев Л.Н. Борьба «ангелического» и «демонического» в поэзии В.А. Жуковского.....	4
Мадигожина Н.В. <i>Стенанье</i> как <i>призвание</i> (Поэтическая декларация К.К. Случевского.....)	2
Макаричев Ф.В. Вранье — дело милое! (<i>Ложь</i> в художественном мире Ф.М. Достоевского).....	4
Матвеев Е.М. Описание городского пространства в «Слове благодарственном на освящении Академии художеств» М.В. Ломоносова и «Медном всаднике» А.С. Пушкина.....	5
Попова Ю.С. Хронотоп и герой в рассказе И.А. Бунина «Древний человек».....	4
Соколова М.Г. « <i>За тополью высокою я вижу там окно...</i> » (Особенности категории рода существительного <i>тополь</i> в русской поэзии).....	1
Явинская Ю.В. «Вечно бабочкой летать...».....	3

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Никитин О.В. География литературы в творчестве П.Н. Савицкого.....	1
---	---

ЭПИСТОЛЯРИЙ

Захарова Ю.Г. Неологизмы в письмах Н.С. Лескова.....	4
Щербинина А.А. Эпистолярный стиль молодого Л.Н. Толстого.....	5

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ

Сапожков С.В. Из истории ранних русских переводов Шарля Бодлера.....	6
Тарасова М.А. Человек в пространстве языка поэзии.....	4

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Клушина Н.И. О дигитализации языка.....	6
Хроленко А.Т. Уроки экофилологии (В.В. Розанов и В.Т. Шаламов о сбережении русского языка).....	4

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Алтайская Е.М. <i>Два на́ два</i> или <i>два на два́</i> ? Особенности места ударения в сочетаниях «предлог плюс числительное» в современной речи.....	3
Барсукова-Сергеева О.М. Номинации одежды: перенос значений.....	6
Бушев А.Б. Звуковой архив Малого театра.....	4
Василькова Н.Н. Бои без правил в политических ток-шоу.....	2
Вольская Н.Н., Давыдова А.И. От «военных успехов» к «варварским деяниям» (Эвфемизация в печатных СМИ).....	4
Головина Э.Д. Как говорим, так и пишем: о произносительных ошибках, отражающихся и на письме.....	6
Дедковская Д.М. «Вкус огурец» и другие проявления анализа.....	2
Касперова Л.Т. Стилистические и жанровые особенности интернет-комментариев.....	1
Крылова М.Н. «Не могу не сравнивать».....	4
Милуд М.Р. О семантических процессах в компьютерной терминологии.....	1
Нгуен Тхи Тху. Вопросы в споре и их классификации.....	5
Родионова И.Г. « <i>До чего</i> же хорошо кругом!» (Аналитические конструкции с усилительной частицей <i>до чего</i>).....	1
Ручимская Е.М. Спряжение односложных в инфинитиве глаголов в русском языке.....	1
Ручимская Е.М. Спряжение глаголов на <i>-тать</i>	5
Ручимская Е.М. <i>Ч</i> и <i>Щ</i> в глагольных формах 1-го лица единственного числа	4
Ручимская Е.М. Спряжение глаголов на <i>-хатъ</i> в русском языке.....	6
Ручимская Е.М. Спряжение односложных глаголов на <i>-ыть</i> и <i>-уть</i> в русском языке.....	2
Сегал Н.А., Бабич А.В. Библейские аллюзии в медиапространстве.....	6
Сегал Н.А., Шурик О.П. «Политическое танго» (Метафоризация образов народных танцев в политических текстах).....	1
Смирнова Е.А. Продуцирующий потенциал класса прилагательных со значением цвета.....	3
Смирнова Е.А. Семантика и узус имен прилагательных со значением цвета.....	2

- Северская О.И.** «Доброе» и «приятное» в речевом этикете. Нужно ли экономить на вежливости?..... 5

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ

- Сурикова Т.И., Пиле И.А.** «Ковбои Хаггис» 20 лет спустя (Слоган как основа маркетинговой коммуникации)..... 4
- Юрьева Е.В.** Манипуляции в текстах слоганов..... 1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- Никитин О.В.** «Утрата языка — это утрата народности» (Из архивного наследия академика Шахматова)..... 5
- Никитин О.В. Ф.И.** Буслаев и язык Отечества (к 200-летию со дня рождения)..... 3

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- Андреева Е.А.** Образ Василия Константиновича Ростовского в Степенной книге..... 5
- Базаров Е.Э.** *Учинить выдачу — выдать.* Некоторые полузнаменательные глаголы делового языка XVIII века (на материале памятников забайкальской деловой письменности)..... 4
- Воропаев В.А.** «Лествица» преподобного Иоанна Синайского в жизни и творчестве Н.В. Гоголя..... 6
- Воропаев В.А.** *Требование* Н.В. Гоголя на полях Библии..... 3
- Денисова В.Е.** Идеальный женский образ в житии Евфросинии Полоцкой..... 3
- Николаева Е.В.** О стиле юношеского дневника архимандрита Антонина (Капустина)..... 6
- Осокин М.Ю.** Военные сочинения Ф.И. Дмитриева-Мамонова..... 5
- Осокин М.Ю.** «Приезжий во всем как-то умел найтись...» (Хрисолог Ж.Б. Руссо и Чичиков Н.В. Гоголя)..... 2
- Столярова Н.В.** Князь Владимир в Степенной книге..... 3
- Столярова Н.В.** Равноапостольный князь Владимир в «Памяти и похвале» мниха Иакова и проложном житии..... 2
- Тарланов З.К.** Закон как текст..... 4
- Трахтенберг Л.А.** Споры о букве Ъ в XVIII веке..... 1
- Трофимова Н.В.** Две летописные похвалы Владимиру Мономаху..... 6
- Чуйков П.Л.** Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский о богатстве, учении Христовом и европейской цивилизации..... 2

Чуркин А.А. «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» митрополита Серафима Чичагова: особенности эпической формы.....	1
--	---

ОНОМАСТИКА

Вязовская В.В. Онимы в романе Н.С. Лескова «Некуда».....	3
Довгий О.Л. Мифологические и исторические имена в сатирах А.Д. Кантемира.....	5
Довгий О.Л. Система имен персонажей в сатирах А.Д. Кантемира.....	4
Капустин Н.В. Имя героя в художественной концепции рассказа А.П. Чехова «Архиерей».....	6
Максимов В.О. Морозов и Холодов. Из истории русских фамилий.....	2
Пукиш В.С. Прозвища жителей станиц Таманского полуострова.....	1
Скуридина С.А., Вязовская В.В. Именование юродивых в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова.....	2
Скуридина С.А. Об ономастических предпочтениях в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского.....	5

ТОПОНИМИКА

Крюкова И.В. <i>Рублевка</i> в русской лингвокультуре.....	3
Скуридина С.А. Вымышленные топонимы Ф.М. Достоевского.....	3

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Горячева Т.В. К этимологии русского диалектного <i>грасовяк</i>	5
Недоступова Л.В. Женские уличные имена в Воронежской области.....	2
Сабурова Л.В. Мир домашних животных в диалектном словообразовании.....	5

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Кожаева Ю.А. «В чистом поле цветет аленький цветок» (Эстетическая роль фитонимов в народных лирических песнях).....	6
Медведев А.А. Устные предания о московском святителе Алексии.....	5
Черноусова И.П. Дары в былинах.....	2

 ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР

Быкова О.С. Народные песни в «Записках охотника» и повести «Затишье» И.С. Тургенева.....	1
Дзыга Я.О. Традиции фольклора в сказке И.С. Шмелева «Преображенец».....	2

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Баранова Л.А. Иноязычные компоненты со значением <i>голова</i> в составе русских слов.....	1
Горбушина И.А. Совокупность лексем с корнем *ter- с общим значением «характеристика человека».....	1
Кулева А.С. <i>Желтофиоль</i> в художественных текстах и толковых словарях.....	5
Кулмаматов Д.С. <i>Язычей</i>	5
Милославский И.Г. Столетие <i>революции</i> или <i>переворота</i> ?.....	3
Подчасов А.С. «От терпения опытность...».....	2
Улуханов И.С. Обожатель, поклонник, рачитель.....	2
Шунейко А.А. Когда родился <i>профессор кислых щей</i>	3
Шунейко А.А. Элементарно, Ватсон.....	4

СРЕДИ КНИГ

Костомаров В.Г. Язык текущего момента.....	4
Никитин О.В. Отечественные лингвисты XX века.....	3
Сурикова Т.И. Как речь становится художественной?.....	5

ХРОНИКА

Касперова Л.Т., Смирнова Н.В., Барышева С.Ф. Стилистическая проблематика на XVI Международном конгрессе славистов в Белграде-2018.....	6
Никитин О.В. Буслаевские чтения в МГУ имени М.В.Ломоносова.....	5
Никитин О.В. Международная научно-практическая конференция «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы».....	2